

Ирина Печерникова

ВЕЧНЫЙ ПРИМЕР

Издательство
политической
литературы

БИБЛИОТЕЧКА
СЕМЕЙНОГО
ЧТЕНИЯ

Ирина
Печерникова

ВЕЧНЫЙ ПРИМЕР

Издание
третье

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1985

13
П31

Печерникова И. А.

П31 Вечный пример.— 3-е изд.— М.: Политиздат, 1985.— 223 с., ил.— (Б-чка семейного чтения).

В новую книгу И. А. Печерниковой объединены две ее книги, которые пользуются заслуженным успехом у читателей.
Одна из них — «Воспитание в семье Маркса» — повествует о семье, где впервые были осуществлены иа практике принципы коммунистического воспитания.
Другая — «Величие души» — рассказывает о воспитании в семье Ульяновых, в которой рос и воспитывался великий Ленин, где все дети стали всесторонне развитыми людьми, бесстрашными революционерами.
Книга рассчитаиа на массового читателя.

П $\frac{0302030800-306}{079(02)-85}$ 128—84

13+74.9
3К16+3К26+37.018

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге рассказывается о замечательном опыте воспитания детей в семье Маркса и в семье Ульяновых, который будет для нас вечным примером.

В семье Маркса опытом воспитания детей как бы на практике была подтверждена теория коммунистического воспитания: гармоническое развитие личности ребенка, формирование у детей высоких общественных идеалов, коммунистических убеждений, пути нравственного становления, развитие жажды знаний, стремления трудиться во имя счастья людей, выбор профессии, помощь растущим детям в подготовке к самостоятельной жизни и т. д.

Как мы учимся у Маркса и советуемся с ним по самым различным проблемам строительства коммунистического общества, так же необходимо советоваться с этим великим человеком и о том, как создавать новые, коммунистические семейные отношения, как воспитывать детей.

Дочери К. Маркса стали верными, стойкими пропагандистами марксизма, пламенными и мужественными соратницами отца в революционной борьбе.

После смерти старшей дочери К. Маркса Женни Лонге Ф. Энгельс писал в некрологе: «Пролетариат утратил в ее лице героического борца» [1].

Видным деятелем международного революционного движения стала и средняя дочь К. Маркса Лаура. Лаура была личным секретарем К. Маркса, близким другом Ф. Энгельса и вместе с мужем, выдающимся деятелем международного рабочего движения Полем Лафаргом, принимала летом 1909 года у себя дома, в предместье Парижа, Владимира Ильича Ленина и Надежду Константиновну Крупскую.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 347.

О младшей дочери К. Маркса Элеоноре один из основателей и вождей германской социал-демократической партии, Вильгельм Либкнехт, говорил: «Понять социализм, пропагандировать социализм и жить для социализма — это была ее цель».

Такими выросли дочери Женни и Карла Маркс, такими их воспитали родители.

Семья Маркса — пример для современных родителей в том, как вести детей к благородным целям, быть для них высоким нравственным идеалом в жизни и труде, как создать благоприятную семейную атмосферу, разумно организовать жизнь, развивать инициативу самих детей.

То же самое можно сказать о семье Ульяновых, которая являет собой никогда не тускнеющий образец семьи будущего. Характерным для этой семьи, так же как и для семьи Маркса, была красота семейных отношений — взаимное понимание, любовь и уважение между родителями и детьми. Любовь к детям была действенной, соединенной с высокой ответственностью. Как бы родители ни были перегружены делами, у них всегда находилось время для общения с детьми. Процесс воспитания в семье Ульяновых не был стихийным, а подчинялся задачам всестороннего развития детей, формированию у них высоких нравственных идеалов — патриотизма, гуманности, любви к народу и верности делу его освобождения. За одно поколение семья Ульяновых дала миру целую плеяду бесстрашных пламенных революционеров. В этой семье рос и воспитывался Ленин.

Блистательный опыт воспитания в семье Маркса и в семье Ульяновых помогает современным родителям понять, какими большими возможностями для всестороннего развития ребенка располагают они сами и какие безграничные возможности таятся в детях.

ВОСПИТАНИЕ В СЕМЬЕ МАРКСА

У Жеини и Карла Маркс было семеро детей. Трое из иих умерли совсем малеиькими. Восьмилетиим умер сыи Эдгар, очеиь одареииый мальчик.

Остались три дочери — Жеини, Лаура и Элеоиора. Девушки выросли блестяще образоваиными, их интеллектуальиое и физическое развитие было гармоиичным, оии обладали высокими душевиыми качествами.

Это была замечательиая семья. Глубокое чувство вериой любви, связывающее супругов, иежность и взаимиое уважеиие родителей и детей, дружба и ласковая забота друг о друге, глубокое взаимопоиимаиие — вот в чем выражалась красота их отношеиий.

Одухотвореииая высокими общественными идеалами, семья Маркса — это семья иеутомимых тружеииков, подчииявших все свои помыслы и интересы великому делу революциоиной борьбы. Этот маленький семейиый коллектив стоически выиосил все тяготы и лишеиия, что выпали иа его долю.

Прекрасиа была атмосфера в семье, которая больше всего влияет иа формироваиие детской души: здесь ие терпели уиыиия, сетоваиий иа жизиеииые иевзгоды, здесь царили оптимизм, жизиерадостиость, увлеченность. Всем была присуща тоикая деликатность по отиошеиию друг к другу, полная искреиность.

Целый век отделяет иас от того времеии, в которое жила семья К. Маркса. Но, к счастью, сохраиились воспомииаиия друзей и современников, иаброски семейиой биографии, иаписаиные женой Маркса, а главиое, письма К. Маркса, его жены и дочерей, переписка с друзьями, по которым мы узиаем об этой замечательиой семье.

«ВЕЧНО ЛЮБЯЩИЕ»

Карл Маркс и Женни, как самую большую ценность, унаследовали от своих родителей способность глубоко и верно любить детей и отдавать им все лучшее, что было в их умах и сердцах.

Отец Карла, Генрих Маркс, адвокат при высшем апелляционном суде в Трире, и отец Женни, тайный правительственный советник Людвиг фон Вестфален, были друзьями и соседями. Дружили также их дети, особенно Карл, его старшая сестра Софи, Женни и ее брат Эдгар.

Отцы с большой чуткостью и добротой относились к детям, отдавали им очень много времени. Ребятишки часто собирались у Марксов или в парке у дома Вестфаленов и подолгу вместе играли. Отцы с интересом наблюдали, как верховодил шумными играми волевой и энергичный Карл, как увлекались дети его импровизированными сказками, забавными историями. Очень любили все слушать, как играет на фортепиано Женни, одаренная красивая девочка. Особенно весело проходили в доме Вестфаленов детские вечера, которые устраивала мать Женни, Каролина.

Дети подрастали. Генрих Маркс и Людвиг фон Вестфален все больше и больше вводили их в круг своих интересов, всячески способствовали расширению умственного кругозора, развивали любовь к наукам и искусству.

Генрих Маркс и Людвиг фон Вестфален были людьми недюжинного ума, всесторонне образованными. Карл Маркс писал об отце, что он «выделялся как своей личной безупречностью, так и своими юридическими талантами»[1].

Несмотря на то что политические воззрения Генриха Маркса в целом не выходили за рамки чистого ли-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 30, с. 414.

берализма, он тем не менее был на подозрении у прусских властей. 18 января 1834 года Генрих Маркс выступил на празднестве в зале Казино в честь депутатов рейнского ландтага и высказался в пользу представительного строя. После этого им заинтересовалась полиция.

Глубоко восприняв гуманистические идеи, Генрих Маркс отличался известным вольнодумством и в вопросах религии: так, он перешел в лютеранство и крестил детей, что уже само по себе считалось в те времена актом общественной эмансипации. Все это было известно детям. И то, что отец всегда был выше обывательских предрассудков, конечно, не могло не повлиять на формирование личности Карла.

Очень много значила для сына неизменная приверженность отца к философии и литературе. Генрих Маркс тщательно штудировал труды передовых французских мыслителей Вольтера и Жан-Жака Руссо, прекрасно знал сочинения Локка, Лейбница, Спинозы и Канта. Был неравнодушен к сочинениям Лессинга, Расина и Шиллера. Любовно собранной большой домашней библиотекой он разрешал пользоваться подросшим детям. Отец охотно обсуждал с Карлом и часто бывавшей в их доме Женни прочитанные ими книги.

Богатейшая библиотека Вестфаленов тоже была к услугам любознательных детей. Они могли пользоваться лучшими изданиями классиков мировой литературы, истории, философии, в частности книгами гениального представителя утопического социализма А. Сен-Симона. Это о нем в свое время Энгельс напишет, что научный социализм «стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна — трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно...»[1].

По свидетельству видного русского историка М. М. Ковалевского, старик Вестфален принадлежал к числу людей, увлеченных доктриной Сен-Симона, и один из первых заговорил о ней с будущим автором «Капитала».

Людвиг Вестфален очень любил юного друга своей

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 498—499.

дочери Карла. Он часто читал Карлу и Женни наизусть из Гомера, большие отрывки из драм Шекспира, которому особенно поклонялся, беседовал с ними о разных социальных проблемах.

Карл Маркс всегда с благодарностью отзывался о той благодатной атмосфере, которая царила в доме Вестфаленов. Людвигу Вестфалену он посвятил свою докторскую диссертацию «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура», написав: «Дорогому отцу и другу... в знак сыновней любви».

И Карл и Женни относились к родителям с неизменным, величайшим уважением и почтительностью. В письме от 10 ноября 1837 года Маркс-студент писал отцу: «Но есть ли для пережитого более священное хранилище, чем сердце родителей, этот самый милосердный судья, самый участливый друг, это солнце любви, пламя которого согревает сокровеннейшее средоточие наших стремлений!»[1] Признаваясь в своей «беспредельной любви» к отцу, он очень тревожится о его здоровье и заканчивает письмо так: «...в надежде, что ты скоро совсем оправишься, так что я смогу сам прижать тебя к груди и высказать все свои мысли,— остаюсь твой

вечно любящий тебя сын

Карл»[2].

Об этой безграничной любви Карла Маркса к родителям пишет в своих воспоминаниях и его дочь Элеонора: «Маркс был сильно привязан к своему отцу. Он без устали о нем рассказывал и всегда носил при себе его фотографию, снятую со старинного дагерротипа... ему сопутствовали всюду эта фотография его отца, старая фотография моей матери на стекле (в футляре) и карточка моей сестры Женни; когда Маркс умер, они оказались у него в боковом кармане. Энгельс положил их с ним в гроб».

Ни одной фотографии отца Маркса не сохранилось, но Элеонора утверждала, что лицо ее деда было «очень красивым, глаза и лоб те же, что и у сына, но линии вокруг рта и подбородка мягче».

С большой любовью относились Карл и Женни и к своим матерям. Правда, у Генриэтты Маркс не установилось с сыном задушевной дружбы, но она

[1] Семья Маркса в письмах. М., 1968, с. 20.

[2] Там же, с. 35.

была очень предана мужу и семье, вырастила девятерых детей и сердечно любила Женни. Карл в своих письмах к отцу называет мать «ангелом», «великодушной, прекрасной женщиной».

Мать Женни, Каролина, была второй женой Людвига фон Вестфалена. Когда она выходила за него замуж, у него было четверо детей от первого брака. Это создало много трудностей в жизни Каролины. Но особенно тяжким для нее было высокомерное отношение к ней родственников мужа. Она не была знатного рода, как ее супруг, и они не могли ей простить ее «плебейского» происхождения. У Людвига фон Вестфалена и Каролины родились еще двое детей — Женни и Эдгар.

В одном из писем Энгельсу Женни рассказывала, что мать была счастьем ее отца, она «холила и лелеяла своих неродных детей с такой верностью, любовью и самоотверженностью, какая едва ли часто выпадает на долю собственных детей» [1].

А своей подруге Лине Шёлер Женни поведала со всей искренностью о том, что мать была ей опорой в самые трудные дни:

«...когда мы лелеяли в своем сердце уже более глубокие и серьезные стремления и надежды, она всегда с одинаковой преданностью заботилась о нас, радовалась и ободряла нас».

Великая любовь к детям — главная черта матери Женни. Материнская любовь — это могучая сила, которая делает ребенка счастливым. В лучах материнской любви у него воспитываются добрые устремления, чистые и благородные чувства. А Каролина Вестфален не только горячо любила детей, но помогала осуществлению их надежд, всегда поддерживала их серьезные помыслы.

Каролина и Людвиг фон Вестфален были для Карла и Женни примером большой, яркой, возвышенной и верной любви.

Когда семья Карла Маркса была вынуждена переехать в августе 1849 года на жительство в Лондон, Женни часто писала матери письма, посылала ей подарки, не раз выезжала в Трир, чтобы позаботиться о больной матери, порадовать ее приездом внучек.

Однажды — а это всегда бывает неожиданно —

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 29, с. 539.

пришло сообщение, что Каролина тяжело заболела. Женни вместе с маленькими дочками немедленно отправилась в путь и не отходила от матери до последних минут жизни. «Моя мать несказанно обрадовалась, когда увидела меня и внучек, но радость эта, к сожалению, была непродолжительной,— писала Женни Маркс Луизе Вейдемейер [1].— Самая преданная, лучшая из матерей заболела и после одиннадцатидневных страданий закрыла милые, усталые глаза, которые в последнюю минуту, благословляя, смотрели на меня и на детей. Ваш муж, знавший мою ласковую мать, лучше всех поймет мою боль».

Образ матери всегда помогал Женни мужественно переносить невзгоды. Воспитывая своих детей, она опиралась на уроки мудрости, великодушия, доброты, которые получила от матери.

На становление личности Карла Маркса немалое воздействие оказала учеба в Трирской гимназии. Исследователи его жизни единодушно отмечают, что для того времени эту гимназию можно считать одной из лучших в Германии — в ней преподавали несколько прогрессивно настроенных педагогов.

Конечно, такие педагоги не могли в корне изменить главенствующего духа всей системы обучения и воспитания в гимназии, она должна была поставлять королю и отечеству верных подданных.

Нам кажется справедливым утверждение автора книги «Рождение гения» Г. Волкова о том, что «духовный мир Карла Маркса формировался скорее не благодаря, а вопреки гимназической системе обучения,— в самостоятельной и очень интенсивной умственной работе, в общении с небольшим кругом приятелей, понимающих хорошую поэзию и хорошую шутку, в общении с семейством Вестфаленов и, конечно, с отцом» [2].

Отец Маркса рано обратил внимание на талантливость сына и внушал ему мысль о необходимости упорной учебы. Генрих Маркс справлялся у педагогов об успехах Карла, жестко требовал от него длительных ежедневных занятий и терпеливого усердия. Беспечного отношения к учению он не допускал, сле-

[1] Вейдемейер, Луиза — жена Иосифа Вейдемейера, видного деятеля немецкого и американского революционного движения, члена Союза коммунистов.

[2] *Волков Г.* Рождение гения. М., 1968, с. 26.

дил за тем, чтобы Карл не терял попусту ни одного часа, а главное, никогда не обольщался своими успехами.

По выпускному свидетельству Карла Маркса можно судить, что в гимназии он не был прилежен в изучении закона божьего, мало занимался французским языком, но очень преуспевал в древних языках и в немецком, в истории, «хорошо переводил и объяснял труднейшие места в древних классиках, особенно такие, где трудность заключается не столько в своеобразии языка, сколько в содержании и логической связи мыслей; его латинское сочинение обнаруживает богатство мысли и глубокое проникновение в сущность предмета...» [1].

Сочинение, представленное Карлом Марксом на выпускном экзамене, называлось «Размышления юноши при выборе профессии». Оценивая его, педагоги, привыкшие к шаблону, отметили, что работа обратила на себя внимание богатством мысли и хорошим, планомерным распределением материала, но что ученик и в ней проявил присущий ему недостаток: «преувеличенную погоню за изысканными выражениями», «перегруженность ненужным», «многословие».

«...Мы не всегда можем избрать ту профессию, к которой чувствуем призвание; наши отношения в обществе до известной степени уже начинают устанавливаться еще до того, как мы в состоянии оказать на них определяющее воздействие» [2],— писал юный Карл Маркс.

В этом выпускном сочинении ярко предстает итог развития самостоятельной мысли Карла за гимназические годы, его большой внутренней работы над своим нравственным становлением, влияния близких людей и педагогов. Это сочинение представляет и сейчас огромный интерес и для родителей, и для детей.

«История признает тех людей великими,— пишет юный Маркс,— которые, трудясь для общей цели, сами становились благороднее; опыт превозносит, как самого счастливого, того, кто принес счастье наибольшему количеству людей...» [3]

---

[1] *Меринг Ф.* Карл Маркс. История его жизни. М., 1957, с. 32—33.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956, с. 3.

[3] Там же, с. 5.

Здесь отражены высокие нравственные идеалы и помыслы юноши. У семнадцатилетнего Карла уже созрело представление о счастье как о труде во имя людей; главным делом жизни становится благо человечества: «Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнемся под ее бременем, потому что это — жертва во имя всех; тогда мы испытаем не жалкую, ограниченную, эгоистическую радость, а наше счастье будет принадлежать миллионам, наши дела будут жить тогда тихой, но вечно действенной жизнью, а над нашим прахом прольются горячие слезы благородных людей» [1].

Со свойственной ему страстью Карл клеймит тщеславие и честолюбие, которые были основными мотивами при выборе профессии у многих молодых людей его времени: «...кого увлек демон честолюбия, разум уже не в силах сдержать, и он бросается туда, куда его влечет непреодолимая сила: он уже больше не выбирает сам своего места в обществе, а это решают случай и иллюзия» [2].

В размышлениях юного Маркса о будущей профессии звучат подлинно философские раздумья.

По совету и по примеру отца Карл Маркс решил стать юристом. Интересно отметить, что выпуск Трирской гимназии 1835 года, не считая провалившихся на выпускном экзамене, дал Пруссии двух врачей, тринадцать католических священников и семь присяжных поверенных и высших чиновников. Кто бы мог подумать тогда, что этот же выпуск даст миру Карла Маркса?

После окончания гимназии в жизни Карла произошли два очень важных события: первое — это поступление осенью 1835 года на юридический факультет Боннского университета и второе — помолвка с Женни фон Вестфален летом 1836 года.

Учеба Карла в Бонне доставила отцу немало волнений. Письма отца полны забот о физическом и нравственном здоровье сына. Генрих читает Карлу нравоучения, но не они главное в письмах. Больше всего отца интересует интеллектуальная сторона студенческой жизни. Убедившись, что в Бонне Карл не получит того, что должен взять от университета, отец

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений, с. 5.
[2] Там же, с. 2.

в конце концов настаивает на переводе сына в Берлин, ибо там билась теоретическая мысль тогдашней Германии. Берлинский университет был «настоящим домом труда».

Генрих Маркс, возможно не без оснований, считал первый год учебы для сына потерянным. Но зато сын одержал в этот год «свою первую и самую прекрасную свою победу». Это была помолвка с первой красавицей Трира, царицей балов баронессой Женни фон Вестфален.

Как писал сам Карл, для него «открылся новый мир, мир любви, к тому же вначале страстной, безнадежной любви»[1].

Но вот после возвращения в Берлин из Трира Карл понял, что эта любовь взаимна. Его восторгу не было предела. «Искусство не так прекрасно, как Женни!» — восклицал Карл. Он исписывал целые тетради стихами, посвященными любимой девушке:

Женни! Если бы голосами грома,
Если б речью сфер я овладел,
По всему пространству мировому
Я бы письменами ярких молний
Возвестить любовь к тебе хотел,
Чтобы мир на век тебя запомнил![2]

Из-за сопротивления родственников Женни фон Вестфален, не желавших, чтобы их наследница вышла замуж за необеспеченного студента, молодые люди обручились тайно. Об этом знали только их отцы. Людвиг фон Вестфален поддержал молодых людей с условием, что их свадьба состоится только после окончания Карлом университета. По-видимому, его смущала молодость будущего зятя (Карл был на четыре года моложе Женни). А до того времени жениху и невесте была запрещена даже переписка.

Многое смущало и Генриха Маркса: несложившийся характер сына, его молодость, разница в сословном положении. Но чем пристальнее присматривался отец Карла к Женни, тем больше восхищался ею. Он угадал в девушке преданное сердце и готовность на любые жертвы ради «неверного и полного опасностей» будущего ее и Карла. Чутье подсказывало Генриху Марксу, что путь его сына в жизни и

[1] Семья Маркса в письмах, с. 20.
[2] Иностранная литература, 1962, № 1 (вкладка).

науке не будет усыпан розами. В письмах к сыну Генрих называл Женни «ангелом и волшебницей» и убеждал Карла, что эта необыкновенная девушка, несмотря на привычку к роскоши, сумеет преодолеть невзгоды и будет предана ему до конца.

Любящее и доброе сердце Генриха Маркса нашло пути для обхода запрета переписываться. Отец тайно передавал Женни письма Карла, которые тот присылал из Берлина. То же самое делали сестра Карла Софи и брат Женни Эдгар фон Вестфален. Все они дружно поддерживали Женни в годы ее семилетней разлуки с женихом.

Берлинский университет Карл нашел скучным. Философию Гегеля, которая там господствовала, он тогда еще не воспринимал. Сам Берлин ему не нравился, а в первые месяцы особенно остро давала себя знать тоска по Женни.

Отец не мог не догадываться об этом. В своих письмах он сообщал сыну о Женни все, что того могло порадовать и успокоить. Он постоянно напоминал, что Женни многим для него пожертвовала, что Карл должен быть настоящим мужчиной и надежным другом этой чудесной девушки.

В беседах при личных встречах и в письмах отец воспитывал в сыне самостоятельность, а вместе с тем деликатно, но твердо направлял его. Внимательно прочитав многие стихи сына, отец не увидел в них таланта и высказал сомнение: целесообразно ли тратить силы на то, чтобы стать «заурядным стихоплетом»? Он убедил юношу прекратить поэтические опыты, которым тот отдавал много времени и весь жар своего пылкого сердца. А Карл с детских лет под влиянием отца привык быть требовательным к себе и подвергать критике все сделанное. И на этот раз он, критически оценив написанное, убедился, что отец прав.

Он пишет отцу о своих «далеких» и «потусторонних» стихах, как бы рецензию на самого себя: «Нападки на современность, неопределенные, бесформенные чувства, отсутствие естественности, сплошное сочинительство из головы, полная противоположность между тем, что есть, и тем, что должно быть, риторические размышления вместо поэтических мыслей, но, может быть, также некоторая теплота чувства и жажда смелого полета — вот чем отмечены все стихи

в первых моих трех тетрадях, посланных Женни. Вся ширь стремления, не знающего никаких границ, прорывается здесь в разных формах, и стихи теряют необходимую сжатость и превращаются в нечто расплывчатое.

Но поэзия могла и должна была быть только попутным занятием: я должен был изучать юриспруденцию и прежде всего почувствовал желание испытать свои силы в философии»[1].

Генрих Маркс был добрым и мягкосердечным человеком, но отцом он был очень строгим.

В ответ на просьбу сына сократить ему срок разлуки с близкими и позволить приехать в Трир, чтобы потолковать с отцом о «смятении своей души», почувствовать «милую близость родителей» и «умиротворить потревоженные призраки», Генрих Маркс ответил суровым отказом. Потом он, правда, позволил Карлу приехать домой, но всего лишь на десять дней раньше установленного срока.

Справедливая строгость отца ни в какой мере не убивала любви и доверия к нему сына, не нарушала откровенных, сердечных отношений. Карл постоянно чувствовал глубочайший интерес отца ко всему, чем он живет, его деятельное стремление помогать ему в интеллектуальном и нравственном становлении. Юноша понимал, что упреки не были обычной родительской ворчливостью или высокомерным менторским назиданием; в них выражалось искреннее желание заставить Карла время от времени как бы взглянуть на себя в зеркало и увидеть все, что в нем еще несовершенно. Отцовские назидания помогали Карлу вырабатывать самодисциплину, закалять характер, воспитывали выдержку, мужское достоинство. Генрих Маркс хотел, чтобы Карл работал целеустремленно, планомерно, неуклонно развивал трудоспособность.

Отец настаивал, чтобы Карл присылал ему подробные отчеты о своих занятиях, а сын признавался, что его никогда не оставляло «страстное желание» рассказывать отцу о своих занятиях и жизни. Эти отчеты Карл иногда писал целыми ночами, пока не догорали свечи и «в глазах не появлялся туман». В одном из писем-отчетов молодой Маркс писал: «...да

[1] Семья Маркса в письмах, с. 21—22.

будет мне позволено обозреть мои дела так, как я рассматриваю жизнь вообще, а именно как выражение духовного деяния, проявляющего себя всесторонне — в науке, искусстве, частной жизни»[1].

В восемнадцать лет он был уже одержим жаждой всесторонних знаний, сам определил себе программу занятий. Генрих Маркс подсказал ему лишь ряд книг по проблемам права, которые, с его точки зрения, необходимо было изучить в первую очередь. Что касается классических трудов в области философии, экономики, естествознания, а также грамматик по иностранным языкам, то Карл определил их самостоятельно. В приобретении новых знаний он находил истинное наслаждение.

«...Много занимался Реймарусом,— сообщает он отцу,— книгу которого «О художественных инстинктах животных» я продумал с наслаждением»[2]. В эти годы Маркс изучал произведения Аристотеля, Демокрита, Эпикура, Лессинга, Бэкона, Тацита, Канта, Фейербаха, причем, как правило, делал многочисленные выписки и одновременно фиксировал свои собственные мысли по поводу прочитанного.

«...Я усвоил себе привычку делать выписки из всех книг, какие я читал,— например, из «Лаокоона» Лессинга, «Эрвина» Зольгера, «Истории искусств» Винкельмана, «Немецкой истории» Людена,— мимоходом нанося на бумагу свои размышления. ...Я переводил «Германию» Тацита, «Элегии» Овидия и начал изучать самостоятельно, т. е. по грамматикам, английский и итальянский языки...»[3]

Карл записался на двенадцать курсов лекций, но посещал их редко. Главной формой его умственной работы было самообразование. Ф. Меринг[4] писал: «...в два семестра он овладел запасом знаний, которые нельзя было бы усвоить и в течение двадцати семестров, если воспринимать их маленькими порциями, на лекциях, по системе академической кормежки»[5].

---

[1] Семья Маркса в письмах, с. 20.
[2] Там же, с. 31.
[3] Там же, с. 28.
[4] Меринг, Франц (1846—1919) — историк и публицист, биограф Маркса, один из основателей Коммунистической партии Германии.
[5] *Меринг Ф.* Карл Маркс, с. 38.

Упорно работая над усвоением иаук, молодой Маркс тем не менее часто был иедоволен собой. Отцу он с иеизменией откровенностью каялся, что многие научные труды он читал с учеиической поспешностью, без всякого критического отношения, а работая по грамматикам итальянского и английского языков, достиг слишком мало. Позднее, когда Карл отказался от изучения вопросов права и кинулся главным образом «в объятия философии», ои осозиал свои явные неудачи в выработке собствеииой коицепции философии права.

Генрих Маркс понимал Карла и уже не иастаивал иа том, чтобы он стал практиком юриспруденции. Отец от души поддерживал своего «вечно любящего» сыиа в его исканиях. Но ои призывал его трезво и практически смотреть иа жизнь и не уставал втолковывать ему его обязанности и обязательства перед родителями и невестой. Соблюдая их, поучал ои, сын станет добропорядочным, солидным человеком, завоюет уважеиие в обществе и найдет применение талаитам, «которыми природа-мать столь расточительно его одарила». Это были предсмертные иапутствия. Генрих Маркс скончался в мае 1838 года, ие увидев молодого доктора философии.

Итак, Карл овладевал высотами иауки. Что же в это время делала Женни? Она боролась, всеми силами боролась за свое счастье. Может показаться удивительиым: откуда у этой хрупкой аристократки могла быть способиость к борьбе? Отлично развитый и гибкий ум и пылкое сердце Женни помогли ей оценить богатство души любимого, его могучую силу воли, способиость к глубоким чувствам, жажду битвы за высокие идеалы. Это питало необыкновеиную любовь Жеини к Карлу. А любовь придавала силы. Девушка выдержала долгую и изиурительную борьбу с родствеииками. Среди них иаибольшей нетерпимостью к Карлу и сословными предрассудками отличался старший сводный брат Женни Фердинанд, позднее получивший пост министра внутренних дел реакционного правительства Пруссии.

В те времена прусские дворяне чванливо гордились своим знатным происхождением и любыми средствами старались поддержать свой род, часто с помощью браков. Женни представляли одного за другим претеидентов на ее руку. Ее прельщали их заслугами

перед Германией, титулами, капиталами, красотой. После каждого нового отказа родственники осыпали девушку оскорблениями и угрозами.

Маркс писал Арнольду Руге: «...моя невеста выдержала из-за меня самую ожесточенную, почти подточившую ее здоровье борьбу...» [1]

Все годы разлуки с женихом она упорно занималась самообразованием. Ей хотелось быть достойным другом и помощником своего будущего мужа. Он должен был иметь в ее лице образованного, разумного и верного соратника. Женни с горечью размышляла в своих письмах о том, что женщины Германии крайне обездолены в возможностях своего умственного развития и общественной деятельности. «Со времени грехопадения мадам Евы мы обречены на пассивность,— сетовала она.— Наша судьба — ждать, надеяться, терпеть и страдать. Самое большое, что нам доверяют,— это вязанье чулок, иголку и ключ, а все, что сверх этого, не наше дело» [2].

Женни не хотела мириться с такой участью. В письме от 10 августа 1841 года она сообщала своему жениху: «Ты должен был бы меня немножко похвалить за изучение греческого и за мою ученость и мог бы посвятить мне маленькую хвалебную статейку. Но поскольку вы, господа младогегельянцы, не признаете ничего, что не звучит целиком в вашем духе,— даже если это архихорошо,— то мне остается лишь скромно почивать на своих собственных лаврах. Но пока, к сожалению, дорогой, почивать на подушках и перьях. Сегодня рано утром я штудировала три статьи Гегеля, помещенные в «Augsburger Zeitung», и заметки о книгах Бруно Бауэра».

Зная, что Карл Маркс пишет докторскую диссертацию о Демокрите и Эпикуре, Женни ознакомилась с их произведениями.

После того как невеста Маркса встала с постели, врачи предписали ей лечение на курорте. Девушка и там продолжала много читать и размышлять. В одном из писем Женни рассказывала, что не обходится без духовной пищи, получает уйму французских книг от книгопродавца из Кольмара и немецких от пастора из Страсбурга.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 374.
[2] Семья Маркса в письмах, с. 38.

Она стремится к общению с содержательными людьми, проводит много времени в беседах с бывшими студентами Берлинского университета, прослушавшими курс лекций Гегеля.

Письма Женни Карл перечитывал по многу раз. В письмах временами проскальзывали чувства страдания и тревоги: Карл еще так молод, может ли его чувство быть стойким? Он красив и умен, вдруг им заинтересуется какая-нибудь молодая жительница Берлина? Фердинанд фон Вестфален неустанно твердил сестре, что ее юный жених в столь длительной разлуке непременно охладеет к ней. В письме к Карлу Женни высказывает сомнение, так ли горяча его любовь. Одна мысль о том, что чувства его могут остыть, приводит ее в отчаяние.

«Я сегодня не способна тебе высказать все, чем переполнено мое сердце,— писала Женни Карлу 13 сентября 1841 года.— Все мое существо, мечты и помыслы, все, все: прошлое, настоящее и будущее — слилось в одном знаке, звуке, тоне, и если он звучит, то слышится только: я люблю тебя невыразимо, безгранично, бесконечно и безмерно, все остальное поглощено этим... Конец твоей любви был бы одновременно концом моего существования. А после этой смерти нет уже возрождения, ибо только в этой любви заключается моя вера в продолжение моей жизни... До свиданья, ангел, как я люблю тебя — в этом весь мой дух, жизнь и мысль».

Эти мучительные тревоги еще больше осложняли душевное состояние Женни. Здесь она уже вступала в борьбу с самой собой.

Жизненные трудности Маркса также возрастали. Он продолжал много работать и после окончания университета стремился занять прочное служебное положение, с тем чтобы заниматься плодотворным трудом и иметь возможность содержать будущую семью. Став доктором наук, он надеялся получить место доцента в Боннском университете, где преподавал его друг Бруно Бауэр. Но вскоре ему пришлось стать свидетелем того, как его друг был изгнан из университета по настоянию прусского правительства. В. И. Ленин впоследствии расценил это событие как немаловажное в судьбе молодого Маркса. Он писал: «...реакционная политика правительства, которое в 1832 г. лишило кафедры Людвига Фейербаха и в

1836 г. снова отказалось пустить его в университет, а в 1841 г. отняло право читать лекции в Бонне у молодого профессора Бруно Бауэра, заставила Маркса отказаться от ученой карьеры» [1].

Маркс стал сотрудником, а затем главным редактором оппозиционной «Рейнской газеты» и переехал из Бонна в Кёльн. Статьи Маркса и все направление газеты были таковы, что ее сначала подвергали двойной и тройной цензуре, а затем закрыли совсем.

Наступил период политической борьбы Маркса с реакцией. Именно «газетная работа показала Марксу, что он недостаточно знаком с политической экономией, и он усердно принялся за ее изучение» [2]. Снова засев за книги, он был способен по три-четыре ночи подряд не спать.

А Женни, которая жила только любовью к своему Карлу, ждала и терзалась за его судьбу. Трогательно звучат ее слова: «Если бы я могла расчистить тебе дорогу и утрамбовать, убрать все препятствия, стоящие на твоем пути! Но, увы, нам еще не суждено взяться за колесо судьбы» [3].

В большой, отчаянной битве за счастье закалялись чувства, крепли характеры Карла и Женни.

«СТРАДАНИЯ ЗАКАЛЯЮТ, А ЛЮБОВЬ СЛУЖИТ НАМ ПОДДЕРЖКОЙ»

Много еще было бед, трудностей и препятствий, прежде чем наступил тот счастливый день, которого Женни и Карл ждали семь долгих мучительных лет. 19 июня 1843 года в Крейцнахе, куда Женни переселилась с матерью после смерти отца, состоялось бракосочетание. Молодожены сразу же отправились в свадебное путешествие: Крейцнах — Эбернбург — Пфальц — Баден-Баден. Их сопровождали мать Женни и брат Эдгар. Затем, до сентября 1843 года, молодые прожили в Крейцнахе.

Любовь восторжествовала. На протяжении всей жизни Женни и Карла любовь была содержанием и поэзией их взаимоотношений, счастьем их семьи, стала идеалом для дочерей. И когда пытаешься пред-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 46.
[2] Там же, с. 47.
[3] Семья Маркса в письмах, с. 37—38.

ставить себе атмосферу, в которой росли и воспитывались дети, то отчетливо видишь, что главным, определяющим началом, цементирующим семейные устои, было чувство глубокой взаимной любви родителей.

«Не будет преувеличением,— писала младшая дочь Маркса, Элеонора,— если я скажу, что без Женни фон Вестфален Карл Маркс никогда не мог бы стать тем, кем он был. Никогда еще две жизни — и обе такие замечательные — не были так тесно связаны, дополняя одна другую».

Особая красота и сила этой любви заключалась в том, что она помогла Карлу и Женни подниматься в нравственном и интеллектуальном отношении выше и выше. Любовь росла и крепла год от года, проявляясь в духовном росте, в умении занять мудрую позицию в возникающих сложных обстоятельствах личной жизни, в способности устранять из семейных отношений любую «накипь», нервозность, в постоянной заботе о душевном спокойствии друг друга.

Карл Маркс никогда не был способен жить одними личными радостями, даже в первые, особенно счастливые, месяцы после брака. Он продолжал заниматься философией, историческими и экономическими науками. Именно в это время им были проконспектированы десятки книг на разных языках, и именно в это время Маркс пришел к выводу о связи государства с частной собственностью.

Женни никогда не сетовала на бесконечные занятия молодого мужа. Она с интересом выслушивала его суждения, читала его историко-философские конспекты, собранные в нескольких толстых тетрадях («Крейцнахские тетради»), и терпеливо ждала, когда ему захочется немного отдохнуть, пройтись и подышать чистым воздухом. Ей и в голову не приходило упрекнуть мужа в том, что работа для него важнее, чем жена. Женни вообще считала, что Маркс имеет полное право поступать так, как он находит нужным. Никогда и ни в чем она ему не мешала, не навязывала своей точки зрения, своих желаний. Их союз был основан на полной свободе и взаимной поддержке друг друга во всем. Это, пожалуй, было главной причиной того, что их дети никогда не были свидетелями напряженных отношений, а тем более раздоров.

После большой научной работы Маркс принял решение немедленно уехать из Германии. Главная причина такого решения — разгул реакции. Когда была запрещена «Рейнская газета», Маркс писал: «...я стал задыхаться в этой атмосфере. Противно быть под ярмом — даже во имя свободы; противно действовать булавочными уколами, вместо того чтобы драться дубинами. Мне надоели лицемерие, глупость, грубый произвол...» [1].

Карл и Женни Маркс эмигрировали в Париж. Здесь Маркс стал одним из редакторов «Немецко-Французского Ежегодника». В этом журнале, отмечал В. И. Ленин, Маркс выступает уже как революционер.

В Париже Карл и Женни близко познакомились со многими революционерами Франции, с жизнью пролетариата, неоднократно встречались с членами тайного общества Союза справедливых, из которого позднее образовался Союз коммунистов. Маркс по-прежнему много работал над проблемами философии, истории и экономики. Именно во Франции произошло окончательное становление Маркса как теоретика и практика пролетарской революции. В Париже началась дружба К. Маркса с Ф. Энгельсом.

1 мая 1844 года в предместье Парижа Сен-Жермен в семье доктора философии Маркса произошло большое событие. Родилась первая дочка, которую отец пожелал назвать в честь своей любимой жены — Женни. Женни Маркс была очень счастлива, во всех ее рассказах о дочери так и светится гордость тем, что она мать.

11 августа 1844 года Женни писала мужу из Трира, где они с дочкой гостили у бабушки Каролины Вестфален: «Как ты будешь радоваться нашей девчурке! Я убеждена, что тебе будет трудно узнать наше дитя, но глазки и черные волосики все же выдадут ее... Все яснее становится, что она похожа на тебя... Когда она плачет, мы ей сразу показываем цветы на ковре, и тогда она замирает, как мышка, и долго смотрит, пока у нее не появляются на глазках слезы. Много разговаривать с ней нельзя, так как она очень возбуждается. Она откликается на каждый звук и подражает ему, и при этом ее лобик хмурится и краснеет, а это

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 372.

признак большого напряжения. Но, впрочем, она — само веселье... Ты не представляешь, какой это живой ребенок. Иногда она не спит целые ночи напролет, а когда на нее посмотришь, громко смеется. Больше всего она радуется, когда видит свет или огонек. Этим ее сразу удается утихомирить» [1].

Молодая мать не только восторгается своей девчуркой, она наблюдает и думает. Женни подметила, что вызывает у девочки положительные эмоции, а что ее огорчает, как она реагирует на звуки, на цвета, на свет. Молодая мать знает, что ребенка очень рано надо приучать к речи, но замечает, что много разговаривать с малышкой нельзя, она быстро возбуждается. У каждого ребенка свои особенности нервной системы, и Женни это учитывает.

Судя по тону письма, она очень выдержанна и терпелива, ничуть не раздражается, когда дочка не спит ночи напролет. Может быть, девочка перегружена дневными впечатлениями, а может быть, настолько хорошо выспалась днем, что ночью бодрствует? И в том и в другом случае ребенку меньше всего поможет нервозность матери. Женни это понимает по-матерински мудро. Зорко присматриваясь к дочери, она заметила, что у нее уже начинают проступать некоторые особенности характера, а именно жизнерадостность, веселость. И живо описывает мужу в письме, как дочка купается, как ест, рассказывает о множестве своих наблюдений.

Женни мечтала о большой семье, мечтала вырастить детей такими же красивыми и мужественными людьми, каким был ее безгранично любимый муж. В одном из писем она с юмором рассказывает Карлу Марксу, как один бедный человек считал, что, несмотря на трудности жизни, в семье каждый год должен быть «престольный праздник», то есть рождение ребенка. И этот человек готовился такой праздник встретить в одиннадцатый раз. Сама Женни не хотела, чтобы ее очаровательная дочка «исполняла соло».

Между тем условия для работы и жизни Маркса в Париже все более осложнялись. «Немецко-Французский Ежегодник» был закрыт. В специальном циркуляре министра внутренних дел Пруссии от 16 апреля 1844 года говорилось, что тенденции ежегодника

[1] Семья Маркса в письмах, с. 50—51.

являются преступными, в них — явная попытка государственной измены и оскорбления величества. В циркуляре предписывалось надлежащим полицейским властям арестовать редакторов и авторов статей, опубликованных в журнале, в том числе Карла Маркса и Генриха Гейне, с конфискацией их бумаг. Марксу было запрещено возвращение на родину, а затем последовал приказ и о его высылке из Франции.

С этого начались тяжкие скитания семьи Маркса. Было решено переехать в Бельгию, но денег на переезд не было. Помог Фридрих Энгельс. «Эти собаки не должны, по крайней мере, радоваться, что причинили тебе своей подлостью денежные затруднения,— писал Фридрих Энгельс другу.—...Так как я не знаю, хватит ли этих денег, чтобы ты мог устроиться в Брюсселе, то, само собой разумеется, я с величайшим удовольствием предоставлю в твое распоряжение свой гонорар за первую английскую работу...»[1] (имеется в виду книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».— *И. П.*).

...Был разгар зимы. Женни болела. И все же Марксу пришлось оставить ее, больную, одну с ребенком, и уехать в Брюссель, так как полицейские установили срок высылки — 24 часа. Женни распродала за бесценок вещи и через два дня последовала за мужем.

В Брюсселе жизнь семьи Маркса была очень трудной. К. Марксу запретили выступать с политическими статьями. Это лишило его возможности заработка. Пришлось несколько раз менять квартиры, подыскивая что-нибудь подешевле. Материальную помощь семье продолжал оказывать Энгельс, но и у него возможности были очень ограниченны. Тем не менее К. Маркс неустанно работал. В Брюсселе около года прожил и Ф. Энгельс. Они организовали Немецкое рабочее общество, в котором Маркс прочитал цикл лекций «Наемный труд и капитал». В работе общества участвовала и жена Маркса. Она много раз выступала на рабочих собраниях с декламацией и всегда с большим успехом. Об одном ее выступлении на новогоднем банкете Немецкого рабочего общества была напечатана статья в «Немецко-Брюссельской газете». Там говорилось:

«После банкета состоялась музыкально-вокальная

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 20.

часть, в которой приняла участие г-жа Маркс. Она обнаружила при этом свой гениальный декламаторский талант... Производит радостное впечатление, когда видишь, как выдающиеся женщины работают для дела просвещения пролетариата, подавая тем самым поучительный пример другим».

В Брюсселе в семье Маркса уже составился «дуэт» — 26 сентября 1845 года родилась еще одна дочка, Лаура, а в декабре 1846 года появился на свет долгожданный сын. Его назвали Эдгаром в честь брата Женни, Эдгара фон Вестфалена, который разделял политические взгляды супругов Маркс.

Женни, всю себя отдававшая детям, никогда не уклонялась и от общественных дел. В письме к подруге Лине Шёлер она рассказывала: «Ты не поверишь, милая Лина, как редко у меня выпадают свободные час-другой, но даже самый короткий из них наполнен мелодичным детским дуэтом и трио. Мое время постоянно поделено между большими и малыми делами, заботами повседневной жизни и участием в делах моего любимого мужа».

Энергия Женни была поистине неисчерпаемой. Но никто не запомнил ее жалоб на то, что дети ее утомляют или раздражают шалостями и шумом. Она по-прежнему переполнена счастьем материнства и всем пишет о детях как о своей самой большой радости.

Когда Каролина Вестфален, отказавшись от услуг верной помощницы по дому крестьянской девушки Елены Демут, отправила ее к дочери, Женни стало значительно легче. Впрочем, Марксы чуть-чуть не отослали Елену обратно в Трир, так как совершенно не в состоянии были платить ей жалованье. Но Елена, с детских лет полюбившая Женни и Карла, решила остаться у них навсегда — независимо от того, будут ей платить или нет. Всю жизнь она делила вместе с семьей Маркса лишения, горести и беды. А они следовали непрерывной чередой.

Во время подъема февральской революции 1848 года во Франции в Бельгии начались репрессии. Маркс был арестован и под полицейским конвоем отправлен в тюрьму. Незадолго перед арестом Маркс получил небольшое наследство от родных и передал все революционным рабочим на приобретение оружия.

«В ужасе я бегу вслед за ним, разыскиваю влиятельных лиц, чтобы узнать, в чем дело. Бегу темной ночью из дома в дом. Вдруг меня хватает стража, арестовывает и бросает в мрачную тюрьму,— вспоминала об этих страшных часах своей жизни Женни Маркс.— Это было место, куда помещали бездомных нищих, безродных бродяг, несчастных падших женщин. Меня вталкивают в темную камеру...»

«После двухчасового допроса, во время которого они у меня мало что выведали,— писала Женни,— жандарм проводил меня к карете, и под вечер я приехала к моим трем бедным малюткам».

Семья Маркса была выслана из Бельгии. Маркс приехал снова в Париж, а оттуда, после мартовской революции, в Германию, в Кёльн. Победившая контрреволюция сначала отдала Маркса под суд, а потом выслала из Германии. Маркс снова отправился в Париж, но был выслан оттуда после демонстрации 13 июня 1849 года и уехал в Лондон.

В большом письме к Иосифу Вейдемейеру от 20 мая 1850 года после подробного рассказа о том, что пришлось пережить семье в первые годы эмиграции, Женни Маркс пишет о детях: «Наши трое старших детей прекрасно себя чувствуют, вопреки всему. Девочки красивые, цветущие, веселые, приветливые, а наш толстый мальчуган полон юмора и самых забавных затей. Бесенок по целым дням поет с необычайным пафосом и весьма громким голосом».

Когда Женни Маркс писала эти строки, в доме уже был «квартет». Требуя материнского внимания к себе, не менее громко, чем старший сын, кричал недавно родившийся второй сын, названный в честь отца Карла Маркса Генрихом и сразу же получивший семейное прозвище Фоксик. (Он родился в день так называемого «порохового заговора», целью которого было взорвать здание парламента вместе с членами обеих палат и королем. Одним из главных заговорщиков был Гай Фокс.)

Материальное положение семьи было отчаянным. «Этот и следующие два года,— писала Женни Маркс в «Беглом очерке беспокойной жизни»,— были для нас годами величайших житейских забот, постоянной изнуряющей тревоги, всевозможных тяжких лишений и даже настоящей нужды». И вот Женни Маркс совершает подлинный материнский подвиг. Оставив в

Лондоне четверых детей, незадолго до рождения пятого ребенка, она едет в Голландию к дяде Карла, с тем чтобы достать немного денег. Но старик, «озлобленный на революцию и на революционеров», отказал ей в помощи.

«Домой я вернулась в отчаянии,— вспоминала Женни.— Мой бедный маленький Эдгар выскочил мне навстречу со своим приветливым личиком, а мой Фоксик протянул мне свои ручонки». И она забыла все муки и унижения. Ласки детей были для нее живительной силой.

Карл и Женни были еще молоды, ему только что минуло тридцать два года, ей — тридцать шесть. Оба были переполнены энергией и верой в будущее. Оба нежно любили своих детей, отдавали уходу за ними, их воспитанию всю душу.

А жизнь все более осложнялась. Семья Маркса обитала в двух крошечных комнатах, в крайней тесноте, денег не было, жили в долг, хозяин квартиры, булочник, мясник, молочница «брали за горло».

И вот пришло первое настоящее горе: маленький Фокс заболел. Болезнь протекала очень бурно. Через несколько дней мальчика не стало...

«Моя скорбь была так велика! — вспоминала Женни.— Это был первый ребенок, которого я потеряла. Увы, я тогда не подозревала, что мне предстоят еще такие страдания, перед которыми все остальное покажется ничтожным!»

Через четыре месяца, в марте 1851 года, у Марксов родилась дочка Франциска. Ее появление несколько смягчило тоску, Женни вновь обрела прежнюю энергию. Именно в этот период она была «возведена в ранг» секретаря Карла Маркса и, сидя в маленькой комнатке, переписывала его статьи. Работа эта была нелегкой. Мельчайшие буквы, неразборчивый почерк. Иногда строчки были похожи на прямые линии с небольшими углублениями и бугорками. Но Женни не сдавалась. Несмотря на то что она далеко еще не оправилась после своего большого горя и родов, она успевала и переписывать рукописи мужа, и воспитывать детей, и вместе с Еленой Демут заниматься домашним хозяйством.

И снова — страшный удар. Весной 1852 года маленькая Франциска заболела бронхитом и умерла. Смерть ребенка совпала с периодом самой горькой

нужды в семье. Страшно представить себе, что умер ребенок и нет денег на гроб.

«...Я в смятении побежала к одному французскому эмигранту, который жил неподалеку и незадолго до этого посетил нас,— рассказывает Женни в своих воспоминаниях об этих горестных днях.— Я просила его помочь нам в ужасной беде. Он тотчас же дал мне с самым дружеским участием два фунта стерлингов. Из этих денег было уплачено за маленький гроб, в котором, наконец, теперь покоилось с миром бедное дитя. Когда девочка появилась на свет, у нее не было колыбели, и ей было долго отказано в последней маленькой обители. Каково же было нам, когда мы провожали нашу девочку в последний путь!»

Смерть двоих детей и полуголодное существование создали у всех членов семьи тяжелый надлом. В письме Ф. Энгельсу от 8 сентября 1852 года Карл Маркс писал: «Моя жена больна, Женничка (старшая дочь.— *И. П.*) больна, у Ленхен что-то вроде нервной лихорадки. Врача я не мог и не могу позвать, так как у меня нет денег на лекарства. В течение 8—10 дней моя семья питалась хлебом и картофелем, а сегодня еще сомнительно, смогу ли я достать и это»[1].

Маркс бился в поисках средств. Он готов был взяться за любую работу, лишь бы прокормить семью. Но в условиях его эмигрантского существования в Лондоне это было не так просто. Были периоды, когда Маркс писал Энгельсу, что нужда обострилась до крайности, вероятно, ему придется поручить детей друзьям, отправить на родину Елену Демут и, поселившись с женой в меблированной комнате, поискать скромное место клерка.

Можно себе представить, как злобно торжествовали знатные родственники Женни. О ее бедствиях им было хорошо известно от сводной сестры Женни, с которой она переписывалась. Возможно, они ждали, что Женни признает себя побежденной и, проклиная судьбу и своего мужа, вернется в Трир со слезными раскаяниями. Но, как утверждал видный русский историк Максим Ковалевский, лично знавший семью Маркса, Женни относилась к превратностям судьбы философски, даже с «веселым равнодушием». Она была чрез-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 28, с. 106.

вычайно озабочена только тем, чтобы ее «дорогой Карл» в ущерб научной работе не уделял слишком много времени на приобретение средств к жизни.

Вот что пишет сама Женни, изливая душу одному из вернейших друзей семьи — Иосифу Вейдемейеру: «Не думайте, что эти страдания из-за мелочей меня сломили. Я слишком хорошо знаю, что мы далеко не одиноки в нашей борьбе и что ко мне судьба еще милостива,— я принадлежу к немногим счастливицам, потому что рядом со мной мой дорогой муж, опора моей жизни. Что меня действительно мучает до глубины души, из-за чего мое сердце обливается кровью, так это то, что мой муж должен претерпевать столько мелочных невзгод, в то время как ему можно было бы помочь столь малым...» [1]

Отношение Женни к мужу было по-прежнему восторженным. «Никогда, даже в самые ужасные минуты, он не терял веры в будущее,— писала она,— всегда сохранял самый живой юмор и был вполне доволен, когда видел веселой меня и наших милых детей, с нежностью ласкающихся к своей мамочке» [2].

Не слезные раскаяния и проклятия судьбе, а восхищение стойкостью Карла, гордость за мужественного человека и великолепного отца — вот постоянный мотив, который звучит в письмах Женни.

Из сыновей в живых остается единственный — Эдгар (Муш). Ему, по словам Вильгельма Либкнехта, предсказывали необыкновенное будущее. Проказник, шалунишка, выдумщик, Эдгар был любимцем и баловнем семьи. Женни восторгалась своим трехлетним «сыном, полным юмора и самых забавных идей». «Весь дом дрожит,— писала она Вейдемейеру 20 мая 1850 года,— когда он во весь голос поет слова из фрейлигратовской марсельезы:

Приди ж, июнь, пора свершений!
Мы жаждем подвигов и дел» [3].

Дети придавали Карлу и Женни бодрость, жизнерадостность, оптимизм и неиссякаемую веру в будущее. Они всегда были в центре внимания родителей, от умного надзора которых не ускользало ничего. Поступки детей, и хорошие и плохие, всегда получали

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 531—532.
[2] Там же, с. 532.
[3] Семья Маркса в письмах, с. 62.

оценку, взрослые часто обменивались мнением о поведении детей. В письмах Женни, написанных по самым различным поводам, почти всегда есть упоминание о детях. Вот попутное замечание в письме Женни Маркс Энгельсу: «Вы помните, быть может, что Пипер[1] подарил мальчику свою красивую дорожную сумку. Вчера он пригрозил ему, что он ее у него отберет и вместо нее купит что-нибудь другое. Сегодня утром мальчик (Эдгару пять лет.— *И. П.*) прячет сумку и говорит: «Мавр, теперь я ее хорошо припрятал, и если Пипер захочет ее забрать, я скажу, что подарил ее нищему!» Каков плут!»[2].

Маркс горячо любил сына, уважал в нем человека, и мальчик платил ему нежнейшей, восторженной привязанностью. Когда отца не было дома, Эдгар не находил себе места в ожидании его.

При виде сына, большеглазого, веселого, Маркс сиял. Какое упоение было для него рассказывать мальчику всякие интересные истории, гулять с ним, слушать его первые разумные суждения о людях и книгах! Хорошо развитый восьмилетний мальчуган — это уже полноценный собеседник. Отвечать на его вопросы, обогащать его ум и чувства, видеть, как он все живо воспринимает и радуется открытию мира,— это ощущалось отцом как подлинное счастье. Общаясь с сыном, Маркс забывал об острой нужде, о полуголодном существовании. Целыми ночами он сидел за статьями в американскую газету «New York Daily Tribune», чтобы заработать несколько марок и увидеть потом улыбки досыта накормленных детей (за статьи Маркс получал еженедельно фунт стерлингов).

Чем старше становился Эдгар, тем больше росла дружба между отцом и сыном, их взаимная нежность.

И вдруг Эдгар тяжело заболел. Маркс был в таком отчаянии, что не мог ни есть, ни работать, ни спать. С каждым днем мальчику становилось все хуже и хуже. Карл и Женни провели у его постели несколько ночей подряд. Им казалось совершенно немыслимым,

---

[1] Пипер, Вильгельм — член Союза коммунистов, филолог и журналист, эмигрировал в Англию, был первым секретарем К. Маркса и домашним учителем его дочерей, перевел на английский язык «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»; впоследствии перешел в либеральный лагерь.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 28, с. 535.

что их ребенок может погибнуть. Родители делали все возможное, чтобы спасти его.

8 марта 1855 года Маркс сообщает Энгельсу, что не может выехать к нему в Манчестер из-за болезни «полковника Муша». «Со дня на день откладывал посылку тебе бюллетеня о состоянии здоровья,— пишет он Ф. Энгельсу 30 марта,— так как в течение болезни наблюдались то резкие улучшения, то резкие ухудшения, и мое собственное мнение менялось тоже чуть не ежечасно. Но в конце концов болезнь приняла наследственный в нашей семье характер изнурения желудка и кишечника, и, по-видимому, даже врач потерял всякую надежду. Моя жена вот уже с неделю сильнее, чем когда-либо раньше, больна от душевного потрясения. У меня самого сердце обливается кровью и голова как в огне, хотя, конечно, я должен крепиться. Ребенку в течение всей болезни ни на минуту не изменяет его оригинальный, приветливый и в то же время независимый характер.

Не знаю, как благодарить тебя за дружескую помощь, которую ты мне оказываешь, работая вместо меня, и за твое участие к ребенку.

Если произойдет какое-либо улучшение, напишу тебе тотчас же» [1].

А 6 апреля 1855 года Маркс известил друга: «Бедного Муша нет больше на свете. Он уснул (в буквальном смысле слова) у меня на руках сегодня между 5 и 6 часами» [2].

От этого страшного удара Маркс не мог прийти в себя. Женни была в ужасе и отчаянии. Последние недели она сама тяжело болела. Все боялись, что болезнь и горе ее сломят. Но она выстояла. Разве есть какой-нибудь предел мужеству Матери? Источник этого мужества в полном забвении себя и в великой заботе о тех, кто страдает рядом и нуждается в помощи.

Пожалуй, из всех несчастий, которые выпали на долю Маркса, самым тяжелым была смерть Эдгара. Чувствуя потребность поговорить о сыне с самым близким другом, Маркс писал Энгельсу: «Дом, разумеется, совершенно опустел и осиротел со смертью дорогого мальчика, который оживлял его, был его

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 28, с. 370.
[2] Там же, с. 370—371.

душой. Невозможно выразить, как нам не хватает этого ребенка. Я перенес уже много несчастий, но только теперь я знаю, что такое настоящее горе. Чувствую себя совершенно разбитым. К счастью, со дня похорон у меня такая безумная головная боль, что я не мог ни думать, ни слушать, ни видеть.

При всех ужасных муках, пережитых за эти дни, меня всегда поддерживала мысль о тебе и твоей дружбе и надежда, что нам вдвоем предстоит сделать еще на свете кое-что разумное» [1].

Проходили годы, но боль в израненных горем сердцах Женни и Карла Маркс не утихала. 5 мая 1861 года Женни Маркс писала Лассалю в связи с возможностью переезда семьи из Англии снова в Германию: «...мы все со страшной болью отрежем эту страну (Англию.— *И. П.*) от нашего сердца. Я ведь здесь оставлю четырех детей [2] в сырой чужой земле и среди них самое любимое, что у меня было на этом свете,— мой дорогой единственный Эдгар. Моя боль никогда не исчезнет, не утихнет — эта рана неизлечима. Рана сидит глубоко в сердце, она не стареет и не перестает кровоточить».

Энгельс видел, в каком тяжелом положении находится семья Маркса, и понимал, что, если не помогать Марксу систематически, он не завершит своего великого труда — «Капитала». И Энгельс решил сделать для семьи Маркса все от него зависящее. В течение двадцати лет он работал в конторе фирмы «Эрмен и Энгельс», совладельцем которой был его отец, с тем чтобы иметь регулярный заработок и бесперебойно помогать Марксу. Это воистину был подвиг во имя торжества научного социализма и победы пролетарской революции.

АТМОСФЕРА В СЕМЬЕ МАРКСА

Детство и юность дочерей Маркса прошли в Лондоне. Пяти- и четырехлетними девочками привезли родители сюда Женни и Лауру, а в 1855 году здесь же родилась младшая, Элеонора. Скитания сменились вынужденной эмиграцией, которая оказалась пожизненной.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 28, с. 371.

[2] У Женни был еще ребенок, который умер сразу после рождения.

Лондон середины XIX столетия был самым большим в мире городом, его население составляло более трех миллионов человек. Ф. Энгельс считал, что этот город отличался особым величием, и вместе с тем находил, что он был не лишен романтики и какого-то таинственного очарования.

Но в этой столице могущественной промышленной империи Марксы были чужестранцами. К. Маркс с женой и детьми жили в небогатых кварталах Лондона, как это позволяли их материальные возможности.

Чтобы узнать, как растили и воспитывали детей в этой семье, нужно хотя бы в общих чертах воспроизвести ее образ жизни, почувствовать ту благотворную семейную атмосферу, которую мы, педагоги, считаем важнейшим объективным условием успешного воспитания детей.

Само понятие «семейная атмосфера» можно толковать весьма расширительно. Дело тут в совокупности множества граней жизни семьи, где всегда перемешивается большое с малым, важное — с будничным и повседневным. Главное — осмыслить все то, что позволяет нам говорить о «доме Маркса».

Именно в семье, в теснейшем контакте всех ее членов, взрослых и детей, связанных родственными, кровными узами, складывается тот климат, который формирует личность ребенка, позволяет ей раскрыть и проявить самые лучшие, а подчас самые необычные свойства души.

Младшая дочь Маркса, Элеонора, в отзыве на книгу Ф. Меринга — эту первую биографию Карла Маркса — отметила, что автор правильно осветил интеллектуальную атмосферу семьи. Там никогда не угасал глубокий интерес к тому, что происходило в мире. Любое важное событие вызывало у членов семьи волнение и споры.

Например, началась гражданская война в Америке, и все — взрослые и дети — отнеслись к ней с живейшим сочувствием. Маркс писал об этом событии: «Подобно тому как американская война XVIII столетия за независимость прозвучала набатным колоколом для европейской буржуазии, так по отношению к рабочему классу Европы ту же роль сыграла американская гражданская война XIX столетия»[1].

[1] *Меринг Ф.* Карл Маркс, с. 325.

Маркс и Энгельс спорили о возможности победы Севера или Юга. Этим спором и ходом военных действий интересовалась вся семья. Даже маленькая Элеонора внимательно прислушивалась к беседам старших, а потом написала письмо Аврааму Линкольну, в котором давала ему «советы» относительно ведения военных действий против рабовладельцев. В своих воспоминаниях она с улыбкой писала, что у нее тогда было убеждение, что Линкольн никак не обойдется без ее советов.

Организация каждой новой секции I Интернационала в любой стране, присоединение к Интернационалу тред-юнионов, демонстрации рабочих на Трафальгар-сквере, митинг в Гайд-парке, в котором участвовало 60 000 человек,— все это вызывало у жены и дочерей Маркса бурную радость. В эти периоды забывались материальные лишения и все жили общими интересами с теми, кто боролся и шел под знамя I Интернационала.

Где бы ни жила семья К. Маркса — в Париже или Брюсселе, Кёльне или Лондоне,— их дом всегда становился центром революционной борьбы, центром общественно-политической деятельности, которую вели первые коммунисты.

Семья Маркса была семьей революционеров.

Ф. Энгельс, кратко характеризуя революционный и научный путь К. Маркса, говорил, что он «был прежде всего революционер. Принимать тем или иным способом участие в ниспровержении капиталистического общества и созданных им государственных учреждений, участвовать в деле освобождения современного пролетариата, которому он впервые дал сознание его собственного положения и его потребностей, сознание условий его освобождения,— вот что было в действительности его жизненным призванием. Борьба была его стихией. И он боролся с такой страстью, с таким упорством, с таким успехом, как борются немногие».

Горячим дыханием революционной борьбы была пронизана вся жизнь семьи Маркса. Более того, она была подчинена революционной борьбе. Все личное отступало на задний план перед величайшим нравственным долгом бороться во имя счастья всего человечества.

В «Беглом очерке беспокойной жизни» Женни ко-

ротко записала: «Осенью 1852 года закончился, наконец, знаменитый процесс коммунистов. Карл написал брошюру («Разоблачение о Кёльнском процессе».— *И. П.*), чтобы вывести на чистую воду гнусности прусского правительства».

Кёльнский процесс, суд над коммунистами, длившийся около полутора лет, имел целью разгромить «партию Маркса».

Полицейское управление возбудило процесс против «Новой Рейнской газеты», которую редактировал Маркс, по обвинению ее в оскорблении властей. Соратники Маркса и вся его семья отстаивали честь газеты и ее редактора, разоблачали клеветников, старались предотвратить жесткий приговор.

Ф. Меринг писал, что Марксу в отчаянных обстоятельствах пришлось вступить в борьбу с превосходящими силами противника и в этой борьбе он и его стойкая жена забыли о домашних «заботах».

Как всегда, дело было превыше всего, и можно только восхищаться стоическим упорством и самоотверженностью, с которыми семья Маркса переносила в этот период житейские невзгоды.

Одно из писем Женни, написанных в связи с Кёльнским процессом, было адресовано американскому другу Адольфу Клуссу. Оно подробно характеризует происходящие события, дает им глубокую политическую оценку. «Вы, наверное, следите за громким процессом коммунистов по «Kölnische Zeitung» («Кёльнской газете»)... Все утверждения полиции — чистейшая ложь,— писала Женни.— Она крадет, подделывает, взламывает письменные столы, дает ложные присяги, лжесвидетельствует и, вдобавок ко всему, считает, что ей все дозволено по отношению к коммунистам, поскольку они поставлены вне общества. Буквально волосы дыбом становятся от всего этого и от той манеры, с какой полиция, в лице самой гнусной своей фигуры, присваивает себе все функции прокуратуры...

В довершение всего Штибер обвинил теперь моего мужа в том, что он австрийский шпион... Борьба с этой официальной властью, вооруженной золотом и всевозможными боевыми средствами, безусловно представляет большой интерес; если она закончится нашей победой, то это будет тем более почетно, что на их стороне деньги, власть и прочие преимущества, тогда

как мы частенько не знаем, как раздобыть бумагу, чтобы написать письма, и т. д. и т. п.».

Дом Маркса в этот период был похож на боевой штаб с той только разницей, что здесь постоянно присутствовали дети.

«У нас теперь тут целая канцелярия. Двое-трое пишут, другие бегают по поручениям, третьи раздобывают пенсы, чтобы писцы могли существовать и бросать в лицо старому официальному миру доказательства неслыханнейшего скандала. А вдобавок ко всему раздается пение и свист трех моих неугомонных ребят, которые то и дело получают нагоняй от своего папаши. Вот суматоха-то!»

Письмо Женни шутливо и скромно подписала: «С высочайшего соизволения». Но разве не показывает оно, с какой смелостью, уверенностью, личным мужеством и пониманием огромной ответственности за судьбы коммунистического движения участвовала в этой разоблачительной работе и сама мать троих «неугомонных ребят»! Больная, едва оправившаяся после смерти ребенка, в условиях «душераздирающей» нищеты, Женни переписывает документы, добывает материалы и инструкции, пересылает их, ведет тайную шифрованную переписку по конспиративным адресам и вместе с тем стремится сделать все возможное, чтобы облегчить участь арестованных коммунистов и их семей. Женни, как говорил Энгельс, всем своим существом срослась с пролетарским движением.

Это только один эпизод, и может быть не самый значительный, в революционной и общественно-политической деятельности Карла и Женни Маркс, но он очень характерен для той домашней атмосферы, в которой воспитывались дети. Образы родителей-борцов глубоко запечатлевались в детском сознании.

Когда осенью 1864 года был основан I Интернационал, К. Маркс, по словам В. И. Ленина, стал «душой этого общества, автором его первого «Обращения» и массы резолюций, заявлений, манифестов»[1]. Причем и на этот раз дом Маркса был боевым штабом Международного Товарищества Рабочих. Незаменимой соратницей Маркса по-прежнему была его жена. Ее деловые письма к друзьям и единомышлен-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 49.

никам Маркса — Беккеру, Вольфу, Зорге, Либкнехту, Франкелю и другим — полны самостоятельных и точных оценок политических событий. Она принимала участие в беседах К. Маркса с членами Интернационала, а также была гостеприимной хозяйкой, когда дом посещали делегаты конгрессов и конференций.

А с каким горячим участием вся семья Маркса следила за событиями Парижской коммуны, восторгаясь героизмом французских рабочих, «штурмовавших небо», и с какой сердечной болью переживала их поражение!

Англия железным кордоном отгородилась от революционной Франции. Париж был частично блокирован войсками версальцев. Даже получить достоверные, надежные сведения о борьбе рабочих было чрезвычайно трудно. В доме Маркса просматривались и сравнивались газетные материалы, чтобы путем сопоставления отдельных фактов составить картину того, что происходило во Франции. Маркс написал за те несколько недель сотни писем своим друзьям и членам Интернационала во многих странах, чтобы информировать их о событиях в Париже, донести правду о борьбе рабочих и показать международное значение Коммуны. «Борьба рабочего класса с классом капиталистов и его государством вступила благодаря Парижской Коммуне в новую фазу. Как бы ни кончилось дело непосредственно на этот раз, новый исходный пункт всемирно-исторической важности все-таки завоеван» [1],— писал Маркс Кугельману [2]. Маркс и Энгельс призывали английских, немецких, австрийских, американских рабочих к организации массовых выступлений и других акций солидарности в поддержку парижских братьев по классу.

Борьбой коммунаров жила вся семья. Жена Маркса писала Имандту [3]: «Вы не представляете себе, дорогой г-н Имандт, что мы пережили за эти недели, какую боль и гнев. Понадобилось больше 20 лет, чтобы вырастить таких мужественных, дельных, героических людей, и вот теперь почти все они там... Дру-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 33, с. 175.

[2] Кугельман, Людвиг — немецкий врач, участник революции 1848—1849 годов, член I Интернационала, друг Маркса и Энгельса.

[3] Имандт, Петер — немецкий учитель, участник революции 1848—1849 годов, сторонник Маркса.

гие еще скрываются, но боюсь, что ищейки их выследят»[1].

28 мая 1871 года пали последние защитники Коммуны, а два дня спустя Маркс уже представил Генеральному Совету Интернационала воззвание о «Гражданской войне во Франции», в котором «ярким светом осветил честь и правоту Коммуны против клеветы и подлости ее противников»[2].

Дом Маркса всегда был полон друзей, его двери были широко открыты для всех, кто нуждался в помощи, участии, совете. Друзья Маркса и его жены были и друзьями его детей.

Часто бывали в доме и много общались с дочерьми Маркса его соратники по революционной борьбе. Среди них прежде всего следует назвать Вильгельма Вольфа, видного немецкого революционера. Он являлся членом Центрального Комитета Союза коммунистов, а в 1848—1849 годах работал в качестве одного из редакторов «Neue Rheinische Zeitung». Карл Маркс настолько его любил и ценил, что именно ему посвятил первый том «Капитала».

Большим другом семьи Маркса был старый рабочий и революционер Фридрих Лесснер. Когда после начала революционных событий в Кёльне Марксом и Энгельсом начала издаваться «Neue Rheinische Zeitung» («Новая Рейнская газета»), Фридрих Лесснер распространял ее и читал вслух во всех мастерских, где ему приходилось работать. Рабочие воспринимали призывы газеты с воодушевлением. После возбуждения прусским правительством судебного процесса против «Новой Рейнской газеты» и высылки Маркса из Кёльна был арестован и Фридрих Лесснер. Два года он пробыл в предварительном заключении, и затем его приговорили к трем годам пребывания в крепости. Он отсидел этот срок в Грауденце, затем в Зильберберге.

Приехав после этого в Лондон, Лесснер принимал участие в создании I Интернационала, был членом его Генерального Совета и участником всех его конгрессов. Неутомимый труженик, скромный и обаятельный человек, он завоевал большую любовь дочерей Маркса. Девочки относились к нему с почтительностью и нежностью.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 33, с. 553.
[2] *Меринг Ф.* Карл Маркс, с. 475.

Большим другом семьи, человеком, сыгравшим немалую роль в воспитании дочерей Маркса, был выдающийся деятель международного рабочего движения Вильгельм Либкнехт (отец Карла Либкнехта).

Двери дома Маркса были широко открыты для всех, кто стремился к борьбе за освобождение пролетариата. С каждым днем укреплялись интернациональные связи семьи. В письме Марксу, уехавшему в Манчестер к Энгельсу, Женни сообщала печальные вести о своих друзьях: «Пипер адски настроен. Он потратил последний шиллинг, чтобы заплатить за письма Либкнехта в Швейцарию. Либкнехту нечего есть. Дронке обессилел, потому что из-за безденежья давно не курил. Только что явился Хейльберг. Он страшен; этот человек действительно внушает мне жалость. Он весь дрожал... Не знаю, что станется с этими людьми... Только что явился Красный Вольф[1]. У него скандал с Клозе из-за трех шиллингов, которые нужно уплатить за стирку белья».

Но еще больше, чем в материальной поддержке, друзья Маркса нуждались в поддержке моральной. Выброшенные из родной среды на чужбину, одинокие, безработные, обездоленные и гонимые, они находили в доме Маркса нравственную опору. В. Либкнехт писал: «Г-жа Маркс была первая женщина, благодаря которой я познал воспитательное влияние и силу обаяния женщины; моя мать умерла так рано, что я имел о ней лишь слабое, как тень, неясное представление... До встречи с г-жой Маркс я не понимал истины, заключающейся в гетевских словах:

Коль хочешь знать, что подобает делать,
Спроси о том у благородных женщин!

...Она была для меня матерью, другом, доверенным лицом, советницей. Она была и осталась для меня идеалом женщин... Если я не погиб в Лондоне морально и физически, то главным образом благодаря ей. Когда я уже думал, что иду ко дну в бушующем океане бедствий скитальческой жизни, она появлялась передо мною, как Левкотея перед Одиссеем, потерпевшим кораблекрушение, давала мне силы для того, чтобы плавать дальше».

[1] Вольф, Вильгельм — немецкий пролетарский революционер, видный деятель Союза коммунистов, один из редакторов «Новой Рейнской газеты», друг и соратник Маркса и Энгельса.

Сошлемся еще на воспоминания друзей.

Фридрих Лесснер писал: «Я часто посещал Маркса. Дом Маркса был открыт для каждого заслуживающего доверия товарища. Те часы, которые я, как и многие другие, провел в кругу его семьи, для меня незабываемы. Тут прежде всего блистала жена Маркса — высокая, очень красивая женщина, благородной внешности и при этом такая задушевная, милая, остроумная, настолько свободная от всякого чванства и чопорности, что в ее обществе казалось, будто находишься у собственной матери или сестры. Она всей душой сочувствовала делу рабочего движения и каждый, даже самый незначительный успех в борьбе с буржуазией приносил ей величайшую радость и удовлетворение».

А вот свидетельство Поля Лафарга: «Пролетариев в будничной рабочей одежде она приглашала садиться в ее доме за ее стол с такой любезностью и предупредительностью, как будто это были князья или принцы. Многим рабочим всевозможных национальностей привелось самим испытать ее гостеприимство и радушие...»

Такое отношение к друзьям, товарищам по партии, соратникам в борьбе, единомышленникам было свойственно всем членам семьи.

За несколько десятилетий лондонской жизни друзья приходили и уходили, появлялись новые приверженцы революционного пролетарского течения, но не менялась роль семьи Маркса как политического центра.

Именно в доме Маркса, еще в Брюсселе, в 40-х годах XIX века, определялись принципы коммунизма, отрабатывался и редактировался «Коммунистический манифест», в этом доме под руководством Маркса и Энгельса в 70-х годах инициаторы и организаторы секций I Интернационала намечали программу действий. В доме Маркса в непрерывных теоретических поисках и жарких дискуссиях, в повседневной революционно-практической деятельности выковывалось и оттачивалось идейное оружие для борьбы с оппортунистами, анархистами и другими предателями пролетарской революции. Именно в доме Маркса велись обсуждения практического применения вновь открытых законов марксистской философии.

Дом Маркса, по словам Ф. Меринга, сделался в

начале 70-х годов центром очень живого общения, своего рода «убежищем справедливости». Он стал центром международного рабочего движения.

Дочери Маркса росли в атмосфере товарищеских бесед и политических дискуссий, споров и совместной работы. Ф. Лесснер отмечал, что «все три дочери Маркса с ранней юности проявляли большой интерес к современному рабочему движению, которое постоянно составляло основную тему разговоров в семье Маркса».

Девочки с детства слушали горячие дебаты о свободе и независимости, о революции, рано вникали в смысл этих понятий, их детские восторги, обожание и привязанность к революционерам разных стран, бывавшим в их доме, переросли в горячую преданность им и их идеям. С детства ненавидели они произвол и насилие и мечтали отдать все силы борьбе за справедливость.

Дети были очень дружны с теми, кто бывал в их доме, и привязанность обычно была обоюдной. Эмигрантам-изгнанникам, оторванным от родины, а часто и от семьи, общение с детьми Маркса доставляло огромную радость. Эти люди щедро делились с девочками всеми богатствами своей души.

«Моя дружба с двумя старшими дочерьми Маркса, бывшими в то время в возрасте 6 и 7 лет,— писал в воспоминаниях В. Либкнехт,— началась спустя несколько дней после того, как я летом 1850 года из Швейцарии, точнее из одной тюрьмы «свободной» Швейцарии, приехал с проходным свидетельством в кармане через Францию в Лондон...

Да, мы были большими друзьями: я и обе девочки — черноглазая, с черными локонами Женни Маркс — вылитый портрет своего отца, Мавра,— и изящная белокурая Лаура с плутовскими глазками, удивительно похожая на свою благородную мать.

Обе девочки, с первого же дня знакомства сильно ко мне привязавшиеся, завладевали мной всякий раз, как видели меня... Как часто, когда на душе было особенно скверно, бежал я к моим маленьким приятельницам и бродил с ними по улицам и паркам! Черные мысли скоро рассеивались, доброе настроение снова несло с собой радость и силы для борьбы».

Вильгельм Либкнехт не только отдыхал в обществе дочек Маркса, но помогал родителям в их воспитании:

рассказывал детям много поучительных историй и сказок, которые нередко сочинял сам, знакомил их с чудесами природы, с архитектурой зданий, с некоторыми сторонами взаимоотношений людей. Недаром девочки дали ему прозвище Лайбрери, что по-английски значит «библиотека».

Каждый из друзей Маркса старался сделать что-то доброе для его детей. Женни Маркс вспоминает: «Рождество 1853 года было первым веселым праздником, который мы провели в Лондоне. Тяжелые каждодневно грызущие нас заботы прекратились благодаря связи Карла с «Tribune». Дети летом почти все время проводили на свежем воздухе, резвясь в парках; в этом году у нас были вишни, земляника и даже виноград. На рождество друзья принесли нашему милому трилистнику прелестные подарки. Там были и куклы, и ружья, и кухонная посуда, и барабаны, и трубы. А тут еще поздно вечером пришел Дронке, чтобы украсить елку. Какой это был счастливый вечер!»

Вот так всегда: без друзей немыслим был дом Маркса, друзья и дети составляли счастье семьи. За годы борьбы семья Маркса перенесла много горя, горьких разочарований и житейских невзгод. Но все это окупалось тем, что она имела настоящих друзей.

«Второго мая 1864 года мы получили от Энгельса письмо с сообщением о тяжелом заболевании нашего верного доброго старого друга Лупуса[1],— писала Женни Маркс в «Беглом очерке беспокойной жизни».— Карл тотчас же поспешил к нему, и верный друг на мгновение узнал его. Девятого мая он скончался. В своем завещании, наряду с некоторыми другими лицами, получившими небольшие суммы, он назначил Карла, меня и детей своими главными наследниками... Ему не суждено было спокойно и беспечно воспользоваться на старости лет плодами своих трудов. Нам же он принес помощь, облегчение и год жизни, свободной от забот».

Но самым верным и беззаветным другом Маркса, его жены и дочерей всю жизнь был Фридрих Энгельс. Поль Лафарг писал: «Нельзя думать об Энгельсе, не вспоминая в то же время Маркса, и наоборот: жизни их настолько тесно переплелись, что составляли, так сказать, одну единую жизнь... Дочери Маркса называ-

[1] Семейное прозвище Вольфа.

ли Энгельса своим вторым отцом... Маркс и Энгельс осуществили в нашем веке тот идеал дружбы, который изображали древние поэты. С юных лет они развивались вместе и, так сказать, параллельно, делились друг с другом самыми задушевными мыслями и чувствами, принимали участие в одном и том же революционном движении и до тех пор работали совместно, пока могли быть вместе».

После поражения революции 1848 года Энгельс должен был отправиться в Манчестер, а Маркс — вернуться в Лондон, но и в период вынужденной двадцатилетней разлуки друзья продолжали жить общей духовной жизнью. Они почти ежедневно переписывались по поводу текущих политических событий или по научным вопросам, делились друг с другом научными выводами. Сохранилось около 1600 писем, которыми обменялись Маркс и Энгельс.

«Одно из моих первых детских воспоминаний,— писала в статье «Фридрих Энгельс» Элеонора,— прибытие писем из Манчестера. Маркс и Энгельс писали друг другу почти ежедневно, и я вспоминаю, как часто Мавр... разговаривал с письмами, как будто писавший их присутствовал тут же:

«Ну, нет, все-таки дело обстоит не так...»

«Вот в этом ты прав!» и т. д. и т. п.».

Все, что происходило в доме Маркса, отзывалось в добром, щедром сердце Энгельса. Однажды после сообщения Маркса о том, что Женни и Элеонора заболели скарлатиной, Энгельс очень встревожился. Он писал другу: «Никогда еще не были мы так напуганы, как сегодня утром, когда получили твое сообщение, что твои девочки больны скарлатиной. Это не выходит у меня целый день из головы... *Располагай моими средствами,* пиши или телеграфируй, если тебе что-либо нужно, и ты получишь тотчас же все, что только возможно» [1].

Узнав, что девочки начали поправляться, Энгельс пишет Марксу: «...у нас словно камень с души свалился... у всех здесь в доме было совершенно подавленное настроение; сегодня они снова воспрянули духом...» [2]

Не было случая, чтобы Энгельс не присылал к праздникам подарков; дети не должны были быть

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 32, с. 85—86.
[2] Там же, с. 89.

лишены детства. В письме Женни Маркс Энгельсу, написанном в конце 1859 года, она благодарит его за подарки: «...милые дети не будут так удручены тем, что в этом году нет рождественской елочки, и «вопреки всему, всему» будут радостны и веселы» [1].

Влияние Энгельса на дочерей Маркса было чрезвычайно велико. Энгельс очень любил общество молодежи, любил шумные развлечения, спортивные состязания, был веселым собеседником. На всю жизнь дочери Маркса запомнили пребывание Генерала [2] в их доме. Он очаровывал их остроумием, живым и веселым характером.

Девочки хорошо знали о постоянной, самоотверженной помощи Энгельса. В статье, посвященной семидесятилетию Фридриха Энгельса, Элеонора Маркс писала: «...страшно подумать о таких двадцати годах жизни такого человека, как он. И это не потому, что Энгельс когда-либо жаловался или роптал. Напротив, он выполнял свою работу так весело и невозмутимо, как будто ничего лучшего на свете и быть не могло, как «ходить на службу» и сидеть в конторе. Но я гостила у Энгельса, когда подходила к концу эта его каторжная работа, и тут-то я узнала, что означали для него все эти годы. Я никогда не забуду его ликующего возгласа: «В последний раз!», когда он утром натягивал свои сапоги, чтобы в последний раз отправиться в контору.

Несколько часов спустя мы, стоя в ожидании у ворот, увидели Энгельса, идущего по небольшому полю, которое находилось перед его домом. Он размахивал в воздухе своей тростью, пел и весь сиял от радости. Затем мы по-праздничному уселись за стол, пили шампанское и были счастливы.

Я тогда была слишком молода, чтобы все это понять. Но теперь я не могу вспомнить об этом без слез».

Как только Энгельс освободился от своих «собачьих» обязанностей, он поспешил уехать из Манчестера и поселился в Лондоне, в десяти минутах ходьбы от дома Маркса.

Начиная с 1870 года и до самой смерти Маркса не проходило дня, чтобы друзья не навещали друг друга. Перед глазами дочерей Маркса всегда был образец дружбы, что, безусловно, имело большое влияние на

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 29, с. 537.

[2] Прозвище Энгельса.

детей. Девочки были очень дружны друг с другом, были безгранично преданными друзьями своих родителей, с чувством нежной дружбы они относились к Елене Демут. Истинная дружба связывала их с Энгельсом.

Одним из любимых выражений Маркса было «работать для мира». В жестоких и длительных творческих муках родилось бессмертное творение эпохи — «Капитал». Ради освобождения пролетариата сорок лет работал К. Маркс над своим главным теоретическим трудом. Одному из своих сторонников К. Маркс писал, когда первая часть рукописи «Капитала» была отправлена в издательство: «...Почему же я Вам не отвечал? Потому, что я все время находился на краю могилы. Я должен был поэтому использовать *каждый* момент, когда я бывал работоспособен, чтобы закончить свое сочинение, которому я принес в жертву здоровье, счастье жизни и семью. Надеюсь, что этого объяснения достаточно. Я смеюсь над так называемыми «практичными» людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре»[1].

В этой атмосфере титанической, самоотверженной и бескорыстной работы отца, «работы для мира», росли в семье Маркса дети.

Постоянная, напряженнейшая деятельность отца создавала и во всей семье трудовой настрой и ритм. В доме никогда не было места праздности, лени, бесцельной, пустой трате времени. Трудились все, каждый в меру своих сил. Но всех объединяло одно — помощь отцу.

О том, как работал Маркс-ученый, написано много. Но здесь хотелось бы подчеркнуть то, что особенно поражало окружающих.

В доме Маркса был культ науки.

Каждое новое открытие в любой из наук доставляло Марксу живую радость. Но когда дело шло об открытии, оказывающем революционное воздействие на промышленность, на историческое развитие вообще, тут его восторгу не было предела.

Изучая новые труды ученых, Маркс порой делал удивительные прогнозы. Так, например, прочитав в

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 31, с. 454.

подлиннике книгу русского экономиста и социолога Василия Васильевича Берви (Н. Флеровского) «Положение рабочего класса в России», Маркс назвал ее выдающимся трудом и сказал, что после изучения этого труда «приходишь к глубокому убеждению, что в России неизбежна и близка грандиознейшая социальная революция...» [1].

С большим интересом отнеслись Маркс, его жена и дочери к трудам другого выдающегося русского ученого, историка Максима Ковалевского, который в период двухлетнего пребывания в Лондоне часто посещал их семью.

Дочери Маркса наблюдали исключительную добросовестность Маркса в научной работе. Чтобы написать двадцать страниц об английском рабочем законодательстве, Маркс проштудировал многочисленные тома «Синих книг», в которых содержались доклады следственных комиссий и фабричных инспекторов Англии и Шотландии. Члены английского парламента продавали эти книги на вес, и Маркс перекупал их у букинистов по дешевке.

Вероятно, для дочерей немаловажным было и то обстоятельство, что и мать их была соратником Маркса и Энгельса не только в революционной борьбе, но и в научной теоретической работе.

Ведь в свое время, как мы отметили, Женни много занималась самообразованием в области философии и экономики. Она изучила труды Канта, Гегеля, Дидро, Фурье, Оуэна и многих предшественников Маркса — экономистов. Карл Маркс отдавал ей на прочтение все свои рукописи и высоко ценил ее суждения. Она была его первым критиком и добрым советчиком. После ее разборов Маркс многое исправлял и совершенствовал в своих трудах. Таким образом, Женни была непосредственным участником научного творчества мужа. Чего стоила только работа над «Капиталом», в которой она принимала живейшее участие! Карл Маркс хотел посвятить второй том своего гениального произведения верному своему другу и соратнику — Женни.

Жена Маркса с гордостью носила звание «почетного» и «непременного» секретаря своего мужа. Она по многу раз переписывала для печати его книги,

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 32, с. 549.

брошюры, статьи, одновременно редактнруя их. Только ей мы обязаны тем, что были изданы такие его книги, как «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «К критике политической экономии», «Господин Фогт».

К тому же Женнн еще вела труднейшие переговоры с нздателями, н не только в Англни, но и во Францин, куда специально выезжала для этой цели. Целый ряд научных трудов Маркса не был бы завершен и не увидел бы света без ее энергии. «...Женни Маркс не только разделяла участь, труды, борьбу своего мужа,— говорил Энгельс у ее могилы,— но и сама прннимала в них участие с величайшей вдумчивостью н с пламеннейшей страстью».

Нельзя не сказать еще об одном человеке в доме Маркса, который всем помогал, всех любил н весьма благотворно влиял на семейную атмосферу. Это — Елена Демут, равноправный член семьи.

Младшая дочь Маркса, Элеонора, писала о своих родителях и одновременно о Елене Демут: «Затем (после свадьбы Карла и Женни Маркс.— *И. П.*) во все последующие годы, полные бури и натиска, изгнания, крайней бедности, клеветы врагов, суровой и отважной борьбы, этн два человека вместе с нх верным и надежным другом Ленхен Демут бодро н бесстрашно боролись с целым миром, всегда на опасном посту, куда призывал нх долг».

Елена Демут не только создавала благоприятные условия для работы Маркса своим хозяйственным талантом, но и непосредственно помогала ему в делах.

«Когда я увидел Ленхен в первый раз,— писал В. Либкнехт,— ей было 27 лет. Красавицей она, правда, не была, но со своей высокой, стройной фигурой и приятными чертами лица она была очень привлекательна. В поклонниках у нее недостатка не было, и она не раз имела возможность сделать хорошую партию. И хотя она не связала себя никаким обетом, для ее преданного сердца было ясно само собой, что она должна остаться с Мавром, с его женой и детьми. И она осталась,— а годы юности промчались».

Она как бы усыновила всех нх — всю семью, очень точно заметил Поль Лафарг.

Елена Демут с большой теплотой н заботой отно-

силась к друзьям Карла и Женни. Она удивительно умела успокоить Маркса, когда он был чем-то разгневан и бушевал. Елена вносила в семью теплоту и уют.

Семья Маркса была не только семьей революционеров, неутомимых тружеников, но и семьей жизнерадостных и веселых людей. Вспоминая родителей, Элеонора писала: «Я думаю, что почти так же крепко, как преданность делу рабочих, их связывала и безмерная жизнерадостность. Никому шутка и острота не доставляли такого удовольствия, как им... Да, несмотря на все страдания, борьбу, разочарования, они были веселой четой...»

Элеонора рассказывала, что ее отец и мать нередко смеялись до того, что слезы текли у них по щекам. Порой они «боялись смотреть друг другу в лицо, так как знали, что один-единственный взгляд вызовет неудержимый взрыв хохота. Видеть этих двух людей, когда они, словно школьники, устремляют свои взоры на что угодно, только не друг на друга, задыхаясь от подавляемого смеха, который в конце концов все же, несмотря на все усилия, прорывался с неудержимой силой,— это такое воспоминание, какого я не променяла бы ни на что».

Как только представлялась возможность, все с удовольствием посещали театры. Любимым артистом был великий английский трагик Генри Ирвинг. Карл и Женни Маркс особенно восхищались им в роли Гамлета.

Карл и Женни Маркс были большими любителями и превосходными знатоками литературы. Произведения мировой классики Маркс читал и перечитывал ежедневно, литература была для него утешением в течение всей его жизни.

Маркс помнил великое множество стихов и вдохновенно, артистично декламировал большие отрывки из «Божественной комедии», которую знал почти целиком. Вообще Маркс любил великих поэтов, творения которых отражали целую эпоху: Эсхила и Гомера, Данте и Шекспира, Сервантеса и Гёте. Эсхила он перечитывал ежегодно в оригинале. Великолепно знал он немецкую литературу. Из писателей новых времен наряду с Гёте ему был очень близок Гейне. Из французов Маркс очень высоко ставил Дидро, любил всю литературу эпохи Просвещения XVIII века,

восторгался «Человеческой комедией» Бальзака. Но всех заслонила... мощная фигура Шекспира, который сделался предметом культа всей семьи Маркса.

Все самое необходимое для духовного развития личности растущего человека сконцентрировала в себе семья Маркса. Она олицетворяла высокий полет мысли, самую красивую на свете мечту — служение человечеству и страстную борьбу за ее воплощение в жизнь; здесь было устремление ко всему прекрасному, что создано человеком; здесь был труднейший, каждодневный подвиг, величайшая стойкость и бесстрашие перед грозными молниями судьбы; здесь был живительный воздух добра, радость дружбы, любви, взаимного доверия и нежности. В этой семье жило счастье.

БОЛЬШОЙ ДРУГ МАЛЕНЬКИХ ДЕТЕЙ

Младшая дочь Маркса, Элеонора, вспоминала, что ее отец был идеальным другом, самым милым и веселым товарищем дочерей.

Элеонора писала об отце: «Тем, кто посвятил себя изучению человеческой природы, не покажется странным, что человек, бывший таким непреклонным борцом, мог быть в то же время добродушнейшим и нежнейшим из всех людей. Они поймут, что он потому и умел так остро ненавидеть, что был способен так глубоко любить...»

Маркс безгранично любил детей. Видимо, не случайно во многих рассказах друзей и современников, характеризующих Маркса как человека, непременно отмечается его отношение к детям.

Вот что писал В. Либкнехт: «Как все сильные и здоровые натуры, Маркс чрезвычайно любил детей... Нужно было видеть Маркса среди его детей, чтобы понять всю задушевность этого героя науки».

В отношении к детям ярче всего проявлялось щедрое сердце этого большого человека. Любовь к детям — эта черта свойственная людям жизнерадостным, постоянно думающим о будущем, озабоченным судьбами всего человечества. Маркс вместе со своими товарищами по партии нередко посещал квартиры бедняков и был неизменно ласков и приветлив с их детьми, притягивал к себе детишек, как магнит. Где бы он ни появлялся, «его тотчас же окружали дети,

питавшие самые приятельские и искренние чувства к большому человеку с длинными волосами, большой бородой и добрыми карими глазами».

В воспоминаниях Элеоноры есть рассказ о том, как однажды мальчик лет десяти остановил Карла Маркса в Мейтленд-парке и предложил ему обменяться ножами. Оба вытащили свои ножи и сравнили их. У мальчика нож был только с одним лезвием, а у Маркса — с двумя. После долгих споров сделка была заключена, ножи обменены, и Маркс дал мальчику еще пенни в придачу, так как его нож был уж очень тупым.

В статье «Маркс о коммунистическом воспитании подрастающего поколения» Надежда Константиновна Крупская обращает внимание на то, что в книге «К критике политической экономии» есть одно место, проливающее свет на то, почему Маркс так любил детвору. Крупская цитирует: «Мужчина не может снова превратиться в ребенка или он становится ребячливым. Но разве не радует его наивность ребенка и разве сам он не должен стремиться к тому, чтобы на высшей ступени воспроизводить свою истинную сущность? Разве в детской натуре в каждую эпоху не оживает ее собственный характер в его безыскусственной правде?» [1]

И далее в своих комментариях она еще раз подчеркивает, что Маркс понимал детей, что дано далско не каждому. Понимал глубоко и, главное, соотносил детскую природу с характером времени. Именно поэтому он так сильно возмущался капиталистической эксплуатацией детского труда.

Эпоха была такова, что изнурительный труд малолетних в мануфактурном и фабричном производстве приобрел свойственный капиталистическому предпринимательству размах. Возьмем только один пример из первого тома «Капитала». Ссылаясь на парламентскис «Синие книги» за 1866 год, К. Маркс приводит следующие данные: «Работа малолетних от 10-летнего возраста в копях... включая дорогу на копи и обратно, обыкновенно продолжается 14—15 часов, в исключительных случаях дольше, с 3, 4, 5 часов утра до 4—5 вечера. Взрослые рабочие работают в две смены, по

[1] *Крупская Н. К.* Пед. соч. в 9-ти т., т. 2. М., 1958, с. 625—626.

8 часов, но для малолетних, чтобы сократить издержки, нет никаких таких смен» [1].

Н. К. Крупская обращает внимание на то, что К. Маркс необычайно ярко рисует в «Капитале» всю «мизерность» и иллюзорность государственного буржуазного законодательства по охране детского труда. Примеры эксплуатации детского труда в «Капитале» — это не только иллюстрация звериной сущности капиталистической эксплуатации, это материал для постановки коммунистами важнейших социальных проблем, обоснование программных требований трудового законодательства, общественной организации воспитания, образования. «Маркс писал обо всем этом потому, что в вопросе о детском труде, как в капле воды, отражается тенденция капиталистического уклада к безмерной эксплуатации масс...» И вот какой вывод делает Надежда Константиновна Крупская: «...Маркс ведь хотел, чтобы воспитание детей и подростков было поставлено так, чтобы оно стало могущественным орудием преобразования современного общества» [2].

Маркс безгранично любил детей, но это не была обычная родительская любовь. Маркс боролся за детей, за их счастье, за их будущее. Он боролся за них как ученый, как революционер, как коммунист.

Такая педагогическая позиция исключает снисходительный взгляд на ребенка как на существо, которое мало что понимает. Личность ребенка правильнее всего формируется в таких условиях, где у него воспитывают веру в свои возможности, где крепнет его человеческое достоинство и он осознает себя именно человеком. А это происходит в атмосфере уважительного отношения к ребенку. Такой подход требует от взрослых пристального внимания к ребенку, узнавания и понимания его. У ребенка огромнейшая потребность ощущать себя человеком, пусть ему и совсем мало лет. Не случайно даже маленькие мальчики платят восторженной преданностью отцу, который с ними разговаривает «как мужчина с мужчиной», а девочки больше всего привязаны к тем матерям, которые поддерживают с ними отношения дружелюбия и доверия.

---

[1] Маркс и Энгельс о воспитании и образовании. М., 1957, с. 197.

[2] *Крупская Н. К.* Пед. соч. в 9-ти т., т. 2, с. 634.

Детей надо не только любить всем сердцем, но и относиться к ним с уважением.

В семье Маркса отношения между родителями и дочерьми были самыми сердечными, самыми непринужденными, самыми уважительными. Элеонора утверждает, что Маркс говорил с нею, даже когда она была совсем маленькой девчуркой, серьезно и обстоятельно. Маркс никогда не запрещал детям входить в свой кабинет и очень внимательно выяснял, что их интересует. То, что детей не удаляли из комнаты, в которой собирались гости, а разрешали им слушать споры и разговоры старших, тоже было в какой-то мере выражением уважительного отношения к ним.

Маркс много играл со своими детьми. Ему всегда удавалось занять такую позицию, что дети ощущали внутреннюю близость с ним. С маленькими он играл, как будто сам был в их возрасте, с подростками беседовал и играл, как их ровесник, со старшими детьми спорил, рассуждал, радовался их новым «открытиям» с горячностью и любознательностью, свойственными юности. Он не приспосабливался к детям, оставался на высоком уровне мудрого, взрослого человека и в то же время умел стать с ними вровень, быть близким и понятным им.

Представление о «золотой» поре детства у любого из нас связано с увлекательными, беззаботными играми.

Вильгельм Либкнехт свидетельствовал, что Карл Маркс был «нежнейшим отцом, который мог часами играть со своими детьми, как ребенок». И дети особенно любили играть с отцом потому, что в играх он был неутомимым выдумщиком и заводилой, потому что сам искренне увлекался и удивительно легко и непринужденно включался в них. Однажды он получил от своей младшей дочери, проказницы и выдумщицы Элеоноры, приглашение на детский праздник. Ответил ей письмом. Приводим его полностью, так как этот ответ ярко характеризует стиль его общения с детьми, а также ранний уровень развития девочек и их умение понимать и поддерживать шутки взрослых.

«Дорогая мисс Лилипут!

Вы должны извинить меня за «промедление» с ответом. Я принадлежу к тому типу людей, которые всегда дважды подумают, прежде чем принять то или иное решение. Поэтому я был несколько смущен, полу-

чив приглашение от совершенно неизвестной мне проказницы. Тем не менее, убедившись в Вашей респектабельности и в солидности тех сделок, которые Вы заключаете с Вашими поставщиками, я с радостью воспользуюсь этой несколько странной возможностью быть допущенным до Ваших яств и напитков. Но, пожалуйста, не относитесь к последним с пренебрежением, ведь девицы имеют это скверное обыкновение. Так как я страдаю приступами ревматизма, то надеюсь, что в Вашей гостиной не будет никаких сквозняков. О необходимой вентиляции я позабочусь сам. Я несколько туг на правое ухо, поэтому посадите, пожалуйста, справа от меня какого-нибудь скучного малого, в обществе которого никто не будет нуждаться. А по левую руку от меня, надеюсь, Вы посадите красавицу — я хочу сказать: наиболее красивую даму из Ваших гостей...

До свиданья, моя милая маленькая шалунья-незнакомка.

Ваш навеки

д-р Чудак» [1].

Письмо это написано десятилетней Элеоноре.

Сколько чудесных дней провели дети вместе с Марксом! Несмотря на свою крайнюю занятость, он, например, улучал несколько минут, чтобы сделать для девочек флотилию бумажных корабликов. И у детей тотчас начинала бурно работать фантазия. Им чудились безбрежные морские просторы, неведомые страны, таинственные острова, они вспоминали о морских битвах и кораблекрушениях, о Колумбах и Магелланах. Вместе с детьми отец пускал кораблики в плавание в большом тазу. И сколько же было визга и хохота, когда капитанов и флибустьеров окатывали брызги воды.

Невозможно удержаться, чтобы не вспомнить о том, что, будучи уже очень пожилым человеком, Маркс играл со своими внуками. Тот же Либкнехт рассказывал, что однажды маленькому внуку Маркса, Джонни, который приехал из Парижа погостить к деду, «пришла в голову остроумная идея превратить Мавра в омнибус, на козлы которого, то есть на плечи Маркса, он и взобрался; Энгельс и я были произведены в лошадей. Ког-

[1] Семья Маркса в письмах, с. 82—83.

да мы как следует впряглись, началась дикая скачка... Джонни принялся нас погонять, понукая международными немецко-французско-английскими выкриками...».

Хорошо понимая, что игра — это жизнь ребенка, Маркс никогда не отказывал детям в игре. А по утверждению Элеоноры, Маркс был еще и единственным в своем роде непревзойденным рассказчиком сказок. «Моим сестрам (я тогда была еще очень мала),— писала Элеонора,— он рассказывал сказки во время прогулок, и эти сказки делились не на главы, а на мили. «Расскажи нам еще одну милю»,— требовали обе девочки.

Что касается меня, то из всех бесчисленных чудесных историй, которые рассказывал мне Мавр, самой чудесной, самой восхитительной была сказка «Ганс Рёкле». Она длилась месяц за месяцем; это была целая серия сказок. Жаль, что некому было записать эти сказки, столь насыщенные поэзией, остроумием, юмором!»

Ганс Рёкле — волшебник. Он владел игрушечной лавкой, но денежные дела его всегда были запутаны. Лавка Рёкле была полна чудесных вещей: деревянные куклы, великаны и карлики, короли и королевы, рабочие и хозяева, четвероногие животные и птицы — в таком же большом количестве, как и в ноевом ковчеге,— столы и стулья, экипажи и ящики всех видов и размеров. Но, несмотря на то, что Рёкле был волшебником, он все же никогда не мог уплатить свои долги ни дьяволу, ни мяснику и потому был вынужден совершенно против своего желания постоянно продавать свои игрушки дьяволу. Однако после многих удивительных приключений все эти вещи потом всегда возвращались в лавку Ганса Рёкле.

Воспитательное значение сказок огромно. Сказки, придумываемые Марксом, были доступны, увлекательны и настолько интересны, что запомнились прочно, на всю жизнь. Элеонора спустя двадцать лет помнила их во всех деталях.

Сказки, как и игры, развивали у маленьких девочек внимание, память, воображение. Дети размышляли над сложными перипетиями, которые происходили в сказках, задумывались над столкновением добра со злом, над судьбой симпатичного и несчастного Рёкле.

Все это нравственно развивало детей, обогащало их ум.

А как много значило то, что они подолгу слушали правильную, образную, сочную речь отца! Ведь одним из важнейших условий умственного развития детей является овладение языком. Вместе с речью развивается мысль. Поэтому-то и рекомендуется с маленькими детьми не только играть, но и побольше разговаривать: рассказывать им увлекательные и понятные сказки, новеллы, повести. Пусть дети учатся слушать, воспринимать и думать. Пусть обогащаются их ум и чувства. Ведь когда дети волнуются за судьбу героев сказки, восхищаются их смелостью и отвагой, радуются торжеству добра и поражению зла, они к тому же приобретают опыт эмоциональных переживаний.

Особенно родители заботились о радостных эмоциях детей. В 1853 году, когда Женни было восемь лет, а Лауре — семь, в доме на Дин-стрит для них впервые устроили елку. Она оставила неизгладимое впечатление на всю жизнь. «Помнишь ли ты веселые вечера на Дин-стрит? — спрашивала Лауру в письме уже взрослая Женни.— Я, как сейчас, вижу, как ты, Эдгар и я с нетерпением прислушивались к звуку колокольчика, который должен был пригласить нас войти в комнату, где стояла елка, и, когда этот давно желанный звук наконец раздался, он почти испугал нас, так как в таинственной гостиной мы не были уже целую неделю.

Вы робко остались сзади, в то время как я стремительно бросилась вперед с необыкновенной решительностью, для того чтобы скрыть свою робость. Какой великолепной показалась нам гостиная, какой элегантной и новой выглядела там старая пыльная мебель госпожи Маренго».

Маркс и его жена были сторонниками раннего умственного развития детей. Возможно, здесь сказалось влияние старого Людвига фон Вестфалена, который в самые ранние годы знакомил Женни, Эдгара и Карла с классическими произведениями литературы и философии. И Генрих Маркс также приучал сына к самостоятельному чтению, начиная с ранних лет.

Карл и Женни Маркс так же последовательно и ненавязчиво приобщали своих дочерей к чтению произведений классической литературы. Они не ждали, пока девочки научатся читать, они сами читали им лю-

бимых классиков. Обратимся к воспоминаниям Элеоноры:

«Мавр имел также обыкновение читать своим детям вслух. Как и моим сестрам до меня, он прочел мне всего Гомера, всю «Песнь о Нибелунгах», «Гудрун», «Дон Кихота», «Тысячу и одну ночь» и т. д. Что касается произведений Шекспира, то они были настольной книгой в нашем доме, всегда у нас в руках или на устах; шести лет я уже знала наизусть целые сцены из Шекспира.

Когда мне исполнилось шесть лет, Мавр впервые подарил мне ко дню моего рождения роман — бессмертного «Петра Простака»[1]. Потом последовали полные собрания сочинений Марриэта и Купера, и мой отец читал со мной все эти повести и совершенно серьезно обсуждал их содержание...»

Совместные чтения поддерживали контакт между родителями и детьми, укрепляли авторитет старших. Когда Элеонора, воодушевленная морскими рассказами Марриэта, объявила, что она тоже хочет сделаться «капитаном корабля» (по ее собственному признанию, не совсем понимая, что это значит), и спросила отца, нельзя ли ей «одеться мальчиком» и «сбежать, чтобы наняться на военное судно», тот уверил ее, что это, конечно, вполне возможно, не нужно только никому говорить об этом ни слова, пока планы не созреют вполне. Вот каким другом был отец дочерям. Разве можно кому-нибудь, кроме друга, доверить самую сокровенную тайну?

Маркс неоднократно перечитывал дочерям Вальтера Скотта. Он восхищался им и знал его так же хорошо, как Бальзака и Филдинга.

Девочки научились читать, полюбили книги. Родители подбирали им литературу, учили их размышлять над прочитанным, понимать его смысл, проявляя при этом большой такт. Элеонора вспоминала, что влияние родителей было столь незаметным, что дети не осознавали, что их учат.

Конечно, нельзя привить ребенку любовь к чтению путем нажима и многократных требований побольше сидеть за книгами. Это всегда вызывает сопротивление. Важно развивать интерес к чтению. Женни и Карл Маркс шли именно по этому пути. Они обраща-

---

[1] Роман английского писателя Ф. Марриэта.

ли внимание детей на красоту художественного произведения, на богатство его языка.

Особенно страстно увлеклась чтением старшая дочь Маркса, Женни. Может быть, поэтому у нее особенно было развито воображение. Часто, взгромоздившись на стул, Женни произносила перед своими сверстниками длиннейшие монологи, придуманные ею самой. «Меня поражает эта малышка,— читаем мы в письме Женни мужу.— Ты не представляешь, как гладко и блестяще говорит этот ребенок».

Чтение развивало память. Хорошая память — основное условие для усвоения новых знаний, а следовательно, и умственного развития.

Сам Маркс обладал феноменальной памятью, которая была не только природным даром, но и результатом сознательного и упорного самоусовершенствования. Поль Лафарг рассказывал, что у Маркса «была привычка после продолжительных перерывов перечитывать свои записные тетради и отмеченные в книгах места для того, чтобы закрепить их в своей памяти, которая отличалась исключительной остротой и точностью. Он изощрял ее с юных лет, выучивая, по совету Гегеля, наизусть стихи на незнакомом ему языке».

В дни семейных прогулок Маркс выразительно читал длинные отрывки из «Божественной комедии» Данте. Читал он также сцены из Шекспира, причем его жена, великолепный декламатор, часто сменяла его.

По примеру родителей и девочки упорно и настойчиво заучивали наизусть большие отрывки из литературных произведений. Начиная с шести-семи лет, они, не заглядывая в книгу, тоже декламировали целые сцены из драм Шекспира. И чем старше становились, тем больше знали наизусть. Такое заучивание не было просто тренировкой памяти, оно способствовало общему умственному и эмоциональному развитию. Дети младшего возраста очень легко заучивают наизусть стихи, сцены из пьес, отрывки из художественной прозы. Но их надо к этому побуждать, а затем поощрять одобрением и лаской.

По мере взросления юный человек все более осмысливает щедрое содержание выученных в детстве великих классических творений, и они продолжают обогащать его в умственном и нравственном отношении на протяжении всей жизни.

Чтение классиков на языке оригинала помогало усвоению иностранных языков. Знанию их в доме Маркса придавалось очень большое значение.

Для умственного развития дочерей очень много значило то, что они всегда получали от родителей доступные их пониманию, конкретные ответы на все вопросы, которые у них возникали. А этих вопросов у детей, особенно у малышей, бывает очень много. Случается, что у родителей хватает стойкости переносить детские капризы, но не хватает терпения отвечать на вопросы. И они стараются их избегать. А между тем, когда из-за раздраженности или равнодушия родителей дети вообще перестают задавать вопросы, это, по сути, значит, что затормаживается их умственное развитие.

Маркс щедро делился своими феноменальными знаниями с детьми. Может быть, порой вопросы задавались детьми не вовремя, может быть, иногда дети были слишком настойчивы — все равно никто не видел у Маркса даже намека на раздражение.

Элеонора писала: «Я помню... с каким бесконечным терпением и кротостью Мавр отвечал на все мои вопросы... он никогда не допускал, чтобы у ребенка зародилась мысль, будто он является помехой отцу».

Карл и Женни Маркс часто бывали с детьми в зоопарках и ботанических садах, помогали девочкам знакомиться с жизнью природы. Девочки во время загородных прогулок наблюдали за птицами, ловили бабочек, собирали букеты цветов. Эти прогулки развивали в них не только горячую любовь к природе, но и учили наслаждаться красотой. В. Либкнехт рассказывал: «...мы собирали цветы, определяли растения, что городским детям доставляет особенное удовольствие... Какая это была радость, когда мы в наших странствиях наткнулись на маленький, затененный деревьями пруд, где я впервые показал детям живые «дикие» незабудки. Еще больше было радости, когда однажды на роскошном темно-зеленом бархатном лугу, на который мы проникли после предварительной тщательной разведки местности, назло всем запретам, мы нашли среди других весенних цветов на защищенном от ветра месте гиацинты...»

Как бы ни были малы и тесны квартиры, в которых жила семья, родители всегда шли навстречу желанию малышей ухаживать за птичками, ежами, кошками и собаками.

Эгу же возможность им предоставлял Энгельс, когда дети его друга приезжали к нему в гости. Вернувшись домой, девочки вели с Энгельсом оживленную переписку, не забывая в каждом письме поинтересоваться, а как живется псу по кличке Дидо, ежику, любимцу Элеоноры.

Когда у Элеоноры погибла птичка, то в письме к Энгельсу вместе с важными новостями из жизни Интернационала Маркс сообщает: «Тусси пережила сегодня большое потрясение. Она нашла Дики мертвым в клетке, хотя он вчера еще превесело пел. Он погребен со всеми почестями»[1].

Важным условием формирования личности является воспитание убеждений, причем с самых ранних лет. Со своими дочерьми Маркс беседовал о политике и религии, пробуждал в их сознании первые представления о классовой борьбе, о жестокости эксплуататоров «А как врезался мне в память его рассказ,— вспоминает Элеонора,— о плотнике, убитом богачами; я не думаю, чтобы кто-либо до него (Маркса.— *И. П.*) или после него так рассказывал об этом!»

Такие беседы закладывали прочную основу мировоззренческих убеждений, без которых нет полноценной личности.

Карл и Женни Маркс старались различными путями развивать у дочерей самостоятельность и инициативу. Они хорошо понимали, что всякое навязывание своей воли может вызвать у ребенка отрицательную реакцию, так как это противоречит его стремлению к самостоятельности.

Кстати, здесь хочется заметить, что стремление некоторых родителей выработать у детей стереотипные нормы поведения, воспитать у них послушание становится помехой для развития живых сил самого ребенка: инициативы, фантазии, юмора. Подсознательно дети развивают эти живые силы в себе сами: в играх, спорте, в общении с товарищами и друзьями. Родители же вместо того, чтобы поддерживать и радоваться этому, порой мешают этой сложнейшей психологической работе ребенка: «Прекрати!», «Не смей!», «Сколько раз тебе повторять!» Родителям кажется, что это и есть необходимая требовательность, подлинно строгое воспитание без баловства и

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 32, с. 116.

потачек. А в действительности такая требовательность оборачивается потерями в развитии самостоятельности, уверенности, воли, желания самоутверждения.

На это суждение может последовать такое возражение: разве не следует пресекать неправильное поведение детей? Следует. Но только в том случае, если оно продиктовано капризами, желанием сделать что-то назло или из эгоизма. И опять-таки лучшее средство — помочь ребенку осмыслить неблаговидность поступка, преодолеть упрямство, отказаться от каприза. Это даст ему первый драгоценный опыт в работе над собой.

Дочери Маркса не росли тихонями и скромницами. Были и шалости, и капризы, и упрямство, и озорные выходки. Особенно этим отличалась Элеонора. Резвушка и проказница, она была сущим сорванцом. Маркс, шутя, уверял, что жена ошиблась, произведя Элеонору на свет девочкой.

И все-таки ни отец, ни мать никогда не наказывали детей, не кричали на них, а терпеливо убеждали расшалившихся девочек взять себя в руки и всегда добивались своего. Это, конечно, очень трудно. Куда легче излить свой гнев в угрозах и наказаниях, строжайших запретах.

Вот что пишет Поль Лафарг об этой родительской черте Маркса: «Не было и тени отцовской власти в его отношении к дочерям, которые были необыкновенно к нему привязаны. Он никогда ничего им не приказывал; если же хотел чего-нибудь от них, он их просил как об одолжении или уговаривал отказаться от того, что ему было нежелательно. И, тем не менее, редкому отцу удавалось добиться большего послушания. В глазах дочерей он был другом, и они обходились с ним, как с товарищем. Они называли его не отец, а «Мавр»,— так в шутку прозвали Маркса за смуглый цвет лица и за черные, как смоль, волосы и бороду...»

Соратник Маркса и Энгельса — немецкий социалист Теодор Куно в воспоминаниях, которые он написал в 1932 году по просьбе Института марксизма-ленинизма, также обратил внимание на то, что дети видели в отце скорее веселого товарища, чем сурового и властного главу семьи.

В семейном воспитании Карл Маркс не признавал

авторитарности. В одном из писем к старшей дочери он писал, что на отцовский авторитет он не привык ссылаться.

Маркс никогда не подавлял дочерей своим авторитетом, а всегда обращался к их сознанию, к сердцу.

Такой же линии придерживалась и его жена. Об этом можно судить хотя бы по ее письму к Луизе Вейдемейер, в котором она дает своей приятельнице совет: «Будьте верным, не требующим чрезмерного почтения товарищем Ваших милых детей».

И не поэтому ли даже большая шалунья и «баловень всей семьи» младшая дочь Маркса, Элеонора, выросла человеком очень дисциплинированным и скромным?

Девочка родилась вскоре после смерти Эдгара, вся любовь и нежность к сыну были перенесены на нее. Старшие сестры нянчили ее «с почти материнской заботливостью». Безгранично любил и баловал ее Энгельс. Елена Демут вообще не могла на нее наглядеться и выполняла любые желания девочки. Такая всеобщая любовь обычно портит ребенка. Но Элеонора не стала ни капризной, ни эгоистичной.

В чем же здесь секрет? А в том, что, балуя ребенка, нельзя забывать и о требовательности к нему.

Женни Маркс приучала девочку к повседневному умственному труду: читать, заучивать наизусть, упражняться в иностранных языках. Элеонора всегда любила домашних животных, и дома у нее был настоящий зверинец. Элеонору можно считать баловнем в том смысле, что на ее долю выпало много ласки, нежности, заботы, света, веселого общения с членами семьи. Но ей не позволяли бездельничать и приучали довольствоваться тем, что она имеет.

У дочерей Маркса всегда существовали обязанности, которые они должны были выполнять неукоснительно. С малых лет девочки привыкали постоянно что-то делать, быть доброжелательными, отзывчивыми к родным и друзьям, любили дарить им подарки, всегда сделанные своими руками и, как правило, самостоятельно.

Одним из самых ярких и счастливых событий детства остались в воспоминаниях дочерей К. Маркса воскресные семейные прогулки в Хэмпстед-Хис. На этой городской окраине находился дом Маркса по Графтен-Террас. В те далекие времена эта незастроен-

ная, протянувшаяся на многие километры холмистая местность в северо-западной части Лондона, поросшая деревьями и диким кустарником, была излюбленным местом прогулок и пикников горожан.

Всю неделю дети только и говорили о предстоящей прогулке, да и для взрослых эти прогулки были настоящим праздником среди суровых эмигрантских будней. «Наши прогулки в Хэмпстед-Хис! Проживи я еще тысячу лет,— я их не забуду»,— вспоминал Вильгельм Либкнехт.

Часов в одиннадцать утра из дома Маркса выходила большая шумная компания. Впереди обычно шел Либкнехт с Женни и Лаурой, то рассказывая им всякие истории, то занимаясь гимнастикой на ходу, то собирая полевые цветы. За ними — кое-кто из друзей, затем следовали «главные силы»: Маркс с женой и каким-нибудь воскресным гостем, требовавшим известного внимания. Шествие замыкала Елена Демут с «самым голодным» из гостей, который помогал ей нести корзину с провизией.

После завтрака каждый выбирал себе местечко поудобнее, мужчины вынимали из карманов купленные по дороге воскресные газеты, начиналось чтение и обсуждение политических вопросов. Дети между тем быстро находили себе товарищей и играли с ними. Нередко и взрослые включались в эти игры, а то устраивали бег вперегонки, борьбу, метание камней.

Но самым большим удовольствием было катание на осликах. «Сколько тут было смеха и ликования! Какие забавные сценки! Как веселился Маркс! Он забавлял и себя и нас...» Часто устраивались игры в «кавалерию». Маркс сажал себе на плечи одну дочку, Либкнехт брал другую — и начинались «скачки» вперегонки. Иногда разгорались кавалерийские битвы, девочки резвились совсем по-мальчишески и даже не плакали, когда им слегка попадало.

Походный порядок на обратном пути менялся. Набегавшиеся за день дети составляли арьергард вместе с Ленхен. Обыкновенно затягивалась какая-нибудь песня, чаще всего народная.

Маркс с упоением декламировал стихи. Иногда на Женни снисходило вдохновение, глаза ее начинали «блестеть и пылать» и начиналась самая фантастическая импровизация, например о жизни на звездах.

Жена Маркса, потерявшая нескольких детей,

очень волновалась, видя необычное возбуждение дочери. Ей казалось признаком нездоровья такое раннее развитие ребенка. Маркс успокаивал жену, а дочка, «пробудившись от своего пророческого сна», весело прыгала и шалила.

Прогулки — великолепное средство укрепления здоровья. От дома до холмов и обратно надо было идти три часа. Это около пятнадцати километров. Таким образом, девочки получали очень большую физическую нагрузку. В этот период Женни было примерно лет восемь, а Лауре — семь.

Либкнехт писал, что «девочки были хорошие ходоки, проворные и неутомимые, как котята».

Выносливость детей уже в младшем возрасте объяснялась тем, что они с первых лет жизни были приучены к систематическим занятиям гимнастикой. Причем эти занятия предлагались детям не сами по себе, а в соединении с игрой. Упражнения выбирались увлекательные. И девочки охотно занимались гимнастикой. Десятилетняя Элеонора в семейной анкете ответила, что самое ее любимое занятие — гимнастика.

Умственные и физические занятия детей в семье Маркса были основой их будущего всестороннего развития.

«СТРЕМИСЬ ВПЕРЕД!»

Отрочество дочерей Маркса было омрачено большими лишениями. «...Наступил первый американский кризис и уменьшил наполовину наши доходы [1], — вспоминала жена Маркса. — Опять началась скудная жизнь и долги. Их приходилось делать, чтобы продолжать по-прежнему только что начатое воспитание девочек».

В эти годы у Маркса шла интенсивная работа над книгой «К критике политической экономии» — прелюдией «Капитала», а в его собственном кармане было пусто, «точно в испанском банке». Здоровье Маркса (болезнь печени) резко ухудшилось, а бремя забот и расходов возросло. Об отчаянном положении

[1] В связи с кризисом Маркс уже не мог публиковать статьи в американской газете «New York Daily Tribune», которые давали ему систематический заработок.

семьи можно заключить по письму Маркса к Энгельсу.

«Я не знаю, что мне делать, если не удастся добиться ссуды в каком-нибудь ссудном обществе или обществе страхования жизни. Если бы даже я решил сократить расходы до крайних пределов,— например, взять детей из школы, переехать в чисто пролетарскую квартиру, отпустить прислугу, питаться картофелем,— то и продажи моей мебели с аукциона не хватило бы, чтобы удовлетворить хотя бы живущих поблизости кредиторов и обеспечить беспрепятственный переезд в какую-нибудь трущобу... Для меня лично ни черта не стоило бы жить в Уайтчапеле[1], лишь бы, наконец, снова обрести хоть час покоя и получить возможность отдаться своей работе. Но для моей жены в ее теперешнем состоянии такая метаморфоза могла бы повлечь за собой опасные последствия, да и для подрастающих девочек она вряд ли была бы подходящей»[2].

Маркс и Женни очень страдали от того, что именно в то время, когда дочери подросли, приходилось во многом ограничивать их потребности.

«...Бедственное положение началось как раз тогда, когда старшие девочки вступали в прекрасную золотую пору юности,— писала Женни в «Беглом очерке беспокойной жизни».— Мы снова вернулись к пережитым десять лет тому назад страданиям, заботам и лишениям, с той только разницей, что тогда их терпели пяти- и шестилетние дети, не сознавая, в чем дело, а теперь, через десять лет — вполне сознательные цветущие пятнадцати- и шестнадцатилетние девушки...»

В письмах к Луизе Вейдемейер Женни рассказывает о дочерях: «Рискуя прослыть в Ваших глазах самодовольной, слабой матерью, я должна все же похвастать достоинствами милых девочек. У них обеих чрезвычайно доброе сердце, хорошие наклонности, поистине очаровательная скромность и девическая застенчивость. Женни 1 мая исполнится семнадцать лет. Она чрезвычайно миловидная девушка; со своими темными, блестящими, густыми волосами и та-

---

[1] Район Лондона в его восточной части, где сосредоточено наибольшее количество рабочего населения, живущего в трущобах.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 29, с. 280.

кими же темными, блестящими и ласковыми глазами, со своим смуглым лицом креолки, которое приобрело, однако, свойственную англичанкам свежесть, она выглядит даже красивой. Глядя на милое, добродушное выражение круглого, как яблоко, детского лица, забываешь о некрасивом, вздернутом носике и радуешься, когда открывается прелестный ротик с красивыми зубами.

Лауре в сентябре прошлого года исполнилось пятнадцать лет. Она, пожалуй, более красива и у нее более правильные черты лица, чем у ее старшей сестры, полной противоположностью которой она является. Она так же высока ростом, так же стройна и изящна, как Женни, но во всем светлее, легче, прозрачнее. Верхнюю часть ее лица можно назвать красивой, так хороши волнистые, пышные каштановые волосы, так очаровательны милые зеленоватые глаза, в которых всегда как бы светится радостный огонек, так благородна и красива форма ее лба. Только нижняя часть лица менее правильна и еще не вполне оформилась. Обе сестры отличаются поистине цветущим видом и обе так мало кокетливы, что я часто про себя дивлюсь этому, тем более что не могу сказать того же об их матери во времена ее молодости, когда она еще носила легкие, воздушные платья».

Нужно было иметь настоящий писательский талант, чтобы на одной страничке так искусно и ничуть не шаблонно обрисовать каждую из дочерей. Причем обычное восторженное отношение к детям не помешало Женни Маркс указать на недостатки в их внешности. Мать не была ослеплена достоинствами дочерей. Она их оценивала объективно.

К сожалению, мать не оставила словесного портрета младшей дочери, Элеоноры. Она была еще ребенком, когда старшие сестры вступили в пору ранней юности, и всегда оставалась «лучиком света всего дома».

По воспоминаниям современников, Элеонора была похожа и на Женни, и на Маркса. От матери она унаследовала красивый цвет лица, а черты его, особенно глаза, напоминали отца. «Она обладала удивительной живостью, необычайной восприимчивостью и была самым веселым созданием... Она не была красавицей, но все же производила впечатление краси-

вой, благодаря своим сверкающим глазам, выразительному лицу и темным вьющимся волосам. Она была необычайно яркой личностью с ясным и логическим умом»[1].

Главной заботой родителей, как мы уже не раз отмечали, было всестороннее развитие детей. Прежде всего Карл и Женни Маркс хотели, чтобы их дочери выросли людьми широких общественных интересов, чтобы основой их человеческого достоинства стала гражданственность.

Маркс считал, что в ту эпоху, на поворотном моменте истории, в «самый революционный период, какой когда-либо приходилось переживать человечеству», самым главным должна стать борьба за коммунистические идеи.

Именно поэтому Женни и Карл Маркс так сердечно поддерживали дружбу дочерей с революционерами всех стран и с теми, кто помогал революционерам в их борьбе. В частности, у них сложились очень хорошие отношения с ирландкой Лиззи Бёрнс, женой Энгельса. Лиззи Бёрнс горячо поддерживала борьбу ирландских революционеров (фениев), укрывала эмигрантов, спасла от казни одного из руководителей революционного движения.

Когда Энгельс и Лиззи Бёрнс решили отправиться в поездку по Ирландии, они попросили Маркса и его жену отпустить с ними четырнадцатилетнюю Элеонору. И те согласились на это без колебаний, так как знали, что такое путешествие поможет дочери увидеть жизнь порабощенной страны и понять сущность классовой борьбы, которая там происходила.

И действительно, Элеонора воочию убедилась, как страдает ирландский народ, и глубоко возненавидела его палачей.

Несмотря на все лишения эмигрантской жизни, Маркс и его жена делали все возможное, чтобы дать детям хорошее образование. До 1860 года старшие дочери посещали сначала начальную, а потом высшую школу для девочек. Позднее и Элеонора окончила высшую школу. Высокоодаренные девочки учились прекрасно, в школе они всегда получали первые награды.

Недостатки школьного образования дополнялись,

[1] Исторический архив, 1959, № 2, с. 50.

когда позволяли средства, частными уроками и занятиями с родителями, которые не только расширяли знания девочек, но, главное, приучали их к самообразованию. Именно в самообразовании Карл и Женни Маркс видели основу нравственного и умственного совершенствования.

Еще в юные годы Карл Маркс писал: «...человеческая природа устроена так, что человек может достичь своего усовершенствования только работая для усовершенствования своих современников, во имя их блага». От этого педагогического принципа Маркс не отступил ни тогда, когда воспитывал юных коммунистов, прививая им материалистическое мировоззрение и вооружая диалектической методологией, ни тогда, когда в кругу семьи заботился о духовном развитии своих дочерей.

Сила его педагогического дара как раз и состояла в неутомимом собственном самоусовершенствовании, постоянном интеллектуальном и духовном возвышении. «Учиться! Учиться! Таков был категорический наказ, который он часто внушал нам, но который заключался уже в его личном примере и даже в одном лишь зрелище этой постоянной, могучей работы великого ума»,— вспоминал Либкнехт.

Карл Маркс «гнал» молодежь в читальню Британского музея, где постоянно работал сам. Он никому не прощал невежества и поверхностного восприятия наук и в этом отличался исключительной требовательностью. Если Маркс замечал у дочерей или у своих молодых соратников пробелы в знаниях, то бурно настаивал на их восполнении, тут же давал советы, как это лучше сделать.

Маркс придавал огромное значение знанию иностранных языков. Он считал, что языки — оружие в жизненной борьбе. Сам он владел английским, немецким, французским, испанским, итальянским, пятидесяти лет изучал русский, немного знал румынский язык.

Маркс не только заставлял своих дочерей и юных друзей неустанно учиться, но и строго проверял, как они усвоили тот или другой материал, постоянно принуждал своих учеников к самокритике, не допуская, чтобы они удовлетворялись достигнутым.

Привычка к самостоятельному напряженному умственному труду вырабатывалась продуманно и

постепенно. В доме был заведен такой порядок: дети ежедневно сидели за книгами, делали выписки, составляли конспекты. Уже в подростковом возрасте их приучали систематически трудиться над переводами. Занятия иностранными языками считались обязательными на протяжении всей юности.

У Маркса была своя система изучения языка, которую он рекомендовал и детям. «Он придавал главное значение чтению,— вспоминал Вильгельм Либкнехт.— У кого хорошая память... тот, много читая, быстро усваивает словесный материал и обороты речи данного языка. После этого овладеть языком практически уже нетрудно».

Детей обучали иностранным языкам теми способами, которые были доступны их возрасту и развитию. Сказки и декламация родителей сменялись самостоятельным детским чтением и упражнениями в переводах. Читали и переводили девочки очень много. Родители это всячески поощряли. Сохранилась, например, тетрадь Женни с надписью: «Tutti Frutti» («Всякая всячина»). В нее были переписаны стихотворения, басни, поэмы различных авторов, причем каждое стихотворение записывалось на языке оригинала: Гёте, Шиллер, Гейне, Фрейлиграт — на немецком языке; Расин, Кориель, Вольтер, Лафонтен, Беранже — на французском; Шекспир, Байрон, Шелли, Бёрнс, Мильтон — на английском; Данте, Петрарка, Ариосто, Тассо — на итальянском; Кальдерон — на испанском языке. (Выбор авторов свидетельствует о высоких литературных вкусах юной Женни.)

Женни Маркс в письме от 11 марта 1861 г. не без гордости сообщает Луизе Вейдемейер, что дочери свободно владеют английским языком и довольно хорошо знают французский. По-итальянски понимают Данте, немного читают также по-испански. Только с немецким дело никак не шло на лад, хотя она и старалась время от времени разговаривать с ними по-немецки. Девочки неохотно поддерживали разговор на немецком, и здесь матери не помогал ни ее авторитет, ни их уважение к ней. Но и мать, и отец были очень настойчивы. Постепенно они добились того, что старшие дочери отлично овладели и немецким языком.

С каждым годом родители все активнее приобща-

ли девочек к классической литературе. На ее лучших образцах воспитывался вкус, развивались речь, память и фантазия, благородство чувств и чистота помыслов. Ну, а компасом им конечно же служил безупречный вкус родителей, их любовь к литературе, их энциклопедические знания.

Женни зачитывалась Шекспиром, в ее комнате в новом доме на Майтленд-парк было множество книг и портретов великого драматурга.

Дети росли в атмосфере поисков истины, дружеских бесед о литературе, искусстве, о новейших научных теориях и открытиях. Этот богатый интеллектуальный фон способствовал работе мысли. Девочки становились умными, интересными собеседницами. Родители неизменно поддерживали их первые робкие попытки высказывать свои суждения, анализировать содержание литературных произведений, вдумчиво вникать в смысл книги.

Марксу удалось передать дочерям свой глубокий интерес к древним грекам. Сохранилась изящная записная книжечка тринадцатилетней Женни. Девочка заполнила ее записями по истории Греции. Как видно, ее интересовали сведения о населении Греции, о конституции Спарты, о реформах Солона и Клисфена, о битве при Фермопилах, об афинской демократии, о характере Перикла. Ей уже были хорошо знакомы имена Гомера, Фукидида, Геродота.

В эти же годы Женни по собственной инициативе заучивала наизусть гекзаметры Гомера, которого когда-то боготворил ее дед, Людвиг фон Вестфален. Ум Женни все время жаждал новой, разнообразной пищи.

В ее записной книжке-календаре мы находим также большой список научных книг и биографических очерков, которые она прочитала. Здесь названы книги о женщинах Востока, произведение Арсена Уссэ «Мужчины и женщины Франции прошлого столетия», мемуары г-жи де Сталь и мадам Лафайет и многие другие.

Литература, особенно поэзия, была страстью и второй дочери Маркса, Лауры, прозванной в доме Поэтессой. Возможно, поэтический дар она унаследовала от отца.

В архивах хранится тетрадь Лауры со стихами на английском языке. В юности она увлекалась перево-

дами из Гейне и других немецких поэтов, переводила на английский язык «Фауста» Гёте. Любимыми поэтами Лауры были Шекспир, Шелли и Бёрнс. Их портреты бережно хранились в записной книжке, где было выписано множество любимых строк из Шекспира, Байрона, Китса, Колриджа, Мура, Вордсворта и других.

С огромным увлечением собирала Лаура народные французские, немецкие, итальянские, португальские песни. В записную книжку она переписала собственный перевод песни Земфиры из поэмы Пушкина «Цыганы».

Чем старше становились дочери Маркса, тем большее влияние оказывал на них Ф. Энгельс. Он, как и отец, был для них ярким образцом постоянного и неутомимого самообразования, освещал их сердцам путь к идеалу.

Еще в 1842 году двадцатидвухлетний Энгельс писал немецкому публицисту А. Руге, что он принял решение на некоторое время совсем отказаться от литературной деятельности и вместо этого побольше учиться. Энгельс понимал, что у него достаточно знаний для того, чтобы составить себе определенные убеждения и в случае надобности отстаивать их, но недостаточно, чтобы развивать их дальше. Энгельс называл себя «самоучкой в философии» и считал, что его первые теоретические работы были лишь попыткой показать себе самому, позволяют ли его природные способности плодотворно содействовать прогрессу и принимать живое участие в современном движении. Самокритичный юноша считал своим долгом путем научных занятий усваивать все то, что человеку не дается от рождения.

Этому «кредо» Энгельс остался верен до конца жизни.

Он, как и Маркс, всегда стремился вперед, всегда учился и побуждал к этому дочерей Маркса. Ведь девочки очень часто и подолгу гостили у Энгельса. При всей своей занятости он никогда не скупился на время для дочерей своего друга. Он много занимался с ними иностранными языками, предоставлял в их полное распоряжение свою богатую библиотеку, знакомил их с новыми открытиями в области естественных наук.

Энгельс усердно изучал русский язык, знал на-

изусть отрывки из «Евгения Онегина» Пушкина и с удовольствием их декламировал. Русские друзья отмечали, что произношение у него было превосходное. Энгельс прочел в подлинниках «Медного всадника» Пушкина, «Горе от ума» Грибоедова, многие произведения Державина, Салтыкова-Щедрина, Гоголя, Герцена, ряд статей Добролюбова и Чернышевского.

Элеонора особенно часто и надолго приезжала к Энгельсу. Она больше других была привязана к нему. В своих деловых письмах Марксу Энгельс постоянно описывал игры, прогулки Элеоноры, ее занятия спортом и музыкой, сообщал о ее настроении и здоровье.

Особенно внимательно руководил Энгельс чтением Элеоноры. Он старался поддерживать у нее интерес к древнегреческой литературе и народному эпосу, зароненный в семье. Энгельс, как и Маркс, стремился сам к основательности, обстоятельности и глубине знаний и Элеонору приучал к этому.

Вот несколько отрывков из писем Энгельса Марксу о литературных и музыкальных занятиях тринадцатилетней Элеоноры.

Тусси, сообщает он, читает теперь сербские народные песни в немецком переводе, которые ей, по-видимому, очень нравятся; она освободила меня от занятий по музыке с Мери Эллен, к большой пользе для последней. «Когда погода хороша и мне не нужно идти в город, мы каждое утро гуляем несколько часов; в противном случае, если погода благоприятствует, вечером» [1].

««Германа и Доротею» (Гёте.— *И. П.*) она прочла... Теперь я ей дал «Младшую Эдду», где есть несколько красивых мест; после этого она сможет прочесть из «Старшей Эдды» песни о Сигурде и Гудруне. На рояле она тоже играет прилежно. Я читал с ней и датские героические песни» [2].

«Тусси читает теперь Фирдоуси... Пока он ей очень нравится, но сумеет ли она полностью одолеть весь этот громадный том, это другой вопрос» [3].

Ф. Энгельс заразил Элеонору и любовью к филателии. Они вместе занимались собиранием марок. Пересылая марки для Элеоноры, Энгельс пишет Марксу: «Многие марки в двух экземплярах. Дублеты

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 32, с. 268.
[2] Там же, с. 259.
[3] Там же, с. 284.

идут здесь на обмен. Итальянскими, швейцарскими, норвежскими и некоторыми немецкими марками могу снабдить в большом количестве» [1].

Маркс и его жена хорошо понимали, что восприимчивость к красоте в детстве и в отроческие годы значительно прочнее и искреннее, чем в последующие периоды развития человека. Именно поэтому столь большое значение они придавали воспитательному воздействию музыки и живописи. Женни Маркс была хорошей пианисткой, но ей не так просто было приступить к обучению дочерей музыке. Она рассказывает в письме к Луизе Вейдемейер от 11 марта 1861 г.: «К сожалению, девочки очень поздно стали учиться музыке — примерно лишь года полтора назад. Достать для этого денег было выше наших сил. К тому же у нас не было рояля, да и наш теперешний, который я взяла напрокат, настоящая развалина».

Особенно упорно, как и все, что она делала, упражнялась в игре на рояле Женни и добилась больших успехов.

У Женни были несомненные способности и к рисованию. Лучшим украшением квартир, в которых жили Марксы, были ее наброски карандашом. Она, например, сделала прекрасную копию с картины неизвестного художника «Портрет Горация». Со свойственным всем дочерям Маркса стремлением приносить радость друзьям и близким Женни охотно дарила им свои рисунки.

Карл Маркс в письме Энгельсу от 13 декабря 1859 года сообщал: «Женничка приготовила в подарок тебе скопированную ею мадонну Рафаэля, а для милого Лупуса [2] — двух раненых французских солдат» [3].

Лаура же рисовала неохотно и небрежно. И родители справедливо решили, что это занятие, к которому она относится с холодным сердцем, не принесет ей пользы.

Художественные наклонности Лауры больше всего проявлялись совсем в другой, прикладной, сфере. Она, как и ее мать, очень любила шить, и за умение элегантно, с большим вкусом одеваться, а также за чисто женскую слабость к нарядам ее прозвали дома

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 30, с. 283.
[2] В. Вольф.
[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 29, с. 426.

Мастер Какаду — по имени модного портного в одном старом романе.

Любила она и музыку, хорошо пела. Мать писала, что Лаура прилежно учится играть на рояле и очень мило поет с сестрой немецкие и английские дуэты. Маркс всегда радовался, когда дочери исполняли романсы, особенно на стихи шотландского поэта Бёрнса.

Не была ей чужда и поэзия. Она переводила стихи и революционные песни автора «Интернационала» Эжена Потье, отрывки из «Фауста» Гёте, перевела знаменитое стихотворение Беранже «Сенатор» и другие. Ее переводы высоко оценивал Энгельс.

Женни мечтала стать актрисой. Обладая драматическим талантом и имея сценические данные, Женни в своих артистических дебютах оставалась верной Шекспиру. Франциска Кугельман, друг семьи Маркса, в своих воспоминаниях писала, что Женни как-то исполняла у них дома в присутствии своего отца и родителей Франциски сцену из «Макбета». А однажды Женни даже выступила в роли леди Макбет в одном из лондонских театров. Деньги, полученные за это выступление, Женни отдала на покупку бархата на пальто для Елены Демут. Мечта Женни стать актрисой не осуществилась. О причинах мы узнаем из письма матери к ее давней приятельнице Берте Маркгейм: «Главный талант Дженнихен — это ее дикция и красивый голос. Он у нее низкий и приятный. С детства она фантастически увлекается Шекспиром и проявляет большую склонность к сценическому искусству. Она давно бы уже поступила на сцену, если бы не семейные предрассудки и пр., пр. Многие слушавшие ее утверждают, что в ней кроется талант Рашели или Ристори и что несправедливо удерживать ее от этого шага. Мы бы ей не препятствовали, если бы она была физически покрепче. К тому же она очень деликатна по натуре и слишком близко приняла к сердцу то трудное положение, в котором мы оказались в последние годы».

Самым большим увлечением Элеоноры, так же как и Женни, было драматическое искусство. Она с неизменным успехом участвовала во многих любительских спектаклях. Энгельс не раз присутствовал на спектаклях, в которых его любимица играла глав-

ные роли. В письме от 7 июля он писал Марксу, что Тусси играла превосходно, она «была очень хороша в страстных сценах, но было заметно, что она взяла себе за образец Эллен Терри... если она хочет производить впечатление, она, безусловно, должна выработать собственную манеру игры, и она это, конечно, сделает» [1].

Поощряемые родителями, все три дочери Маркса постоянно разучивали все новые и новые произведения классиков мировой художественной литературы и, как их мать, очень любили декламацию. На семейных праздниках Маркс часто просил ту или другую дочь почитать что-либо из Шекспира или баллады Бёрнса.

Женни Маркс вместе с дочерьми регулярно посещала концерты и театры. Вообще она всегда с огромным интересом следила за театральной жизнью тех стран и городов, где проходила их жизнь. Ее первые публицистические статьи были посвящены театру и культурной жизни Англии. Они печатались в 1875—1877 годах во «Frankfurter Zeitung». Свой первый театральный обзор Женни Маркс посвятила Генри Ирвингу — одному из лучших исполнителей шекспировских ролей. По свидетельству М. Ковалевского, Карл Маркс тоже очень любил шекспировские спектакли, особенно «Гамлета» с участием Ирвинга, которого ставил выше прославленного Сальвини.

Интересно отметить, что к первой статье Женни Маркс в газету сопроводительное письмо парижскому корреспонденту «Frankfurter Zeitung» написала Элеонора. Вот оно: «Мама хотела бы, если Вы это сможете, поместить эту статью во «Frankfurter Zeitung».

Если бы у папы было время, он бы сам написал статью о г-не Ирвинге, который нас очень интересует (хотя мы и не знаем его лично). Прежде всего потому, что это человек редкого таланта, а также потому, что вся английская пресса, вследствие наиподлейших интриг, ополчилась на него и развернула против г-на Ирвинга настоящую кампанию. Опубликовав мамину статью во «Frankfurter Zeitung», Вы доставили бы нам огромное удовольствие» [2].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 35, с. 3.

[2] Там же, т. 34, с. 387.

Вся семья была единодушна в своем увлечении театром, и общий любимец Ирвинг был взят под коллективную защиту.

Когда в доме Марксов наступало относительное материальное благополучие, в нем собиралась молодежь, устраивались танцевальные вечера, звучала веселая музыка.

Эстетическое воспитание дочерей Маркса, полученное ими в семье, дало прекрасные плоды. У дочерей Маркса были многогранные интересы в области искусства и незаурядные творческие способности.

Мир увлечений дочерей Маркса был очень разнообразен, и не последнее место в нем занимали цветы и домашние животные. Родители отчетливо осознавали, что любовь к природе — один из столпов нравственного воспитания.

Благодаря небольшому наследству, полученному после смерти матери, К. Марксу удалось снять хорошую квартиру. Семья переехала в новый, приветливый, расположенный на солнечной стороне дом с просторными комнатами. Девушки получили по комнате, и каждая обставила ее по своему вкусу.

Женни, всегда любившая цветы, устроила у себя целую оранжерею. Она ухаживала за цветами с величайшим прилежанием, аккуратно их поливала, пересаживала. «Женни в своей оранжерее работает не за страх, а за совесть и устраивает там висячие сады Семирамиды»,— рассказывала ее мать.

Трудиться в оранжерее Женни помогала Лаура. Цветы были подобраны так, что глазам открывалась великолепная гамма оттенков от нежно-белого до ослепительно-красного. Вся семья любовалась диковинными растениями, семена которых присылал то родственник, живший в Капштадте, то Энгельс, получавший цветы даже с мыса Доброй Надежды. (Энгельс тоже очень любил цветы.)

Увлечение цветами развивало трудолюбие, наблюдательность, понимание законов природы.

То же самое можно сказать о любви к животным. В подростковом возрасте девочки ухаживали за животными особенно усердно. И это прежде всего относится к Элеоноре. Она никогда не забывала вовремя дать птицам и собакам пищу, очень ласково обращалась с ними, когда животные заболевали, лечи-

ла их. И ее питомцы платили ей горячей привязанностью.

Когда девочки вступили в подростковый возраст, затем в пору ранней юности, родители по-прежнему заботились об их физическом развитии, так как хорошо знали, что между физическим здоровьем и духовным существует прямая зависимость. Бодрость, жизнерадостность в значительной степени определяли умственное развитие, веру в свои силы.

Карл и Женни Маркс внушали дочерям, что гимнастика закаляет организм, помогает стать стройными, гибкими, ловкими, грациозными. И девочки так привыкли заниматься гимнастикой, что она стала их потребностью. Поскольку и уважаемые ими взрослые — отец, мать, Энгельс, друзья семьи — не чурались спорта, девочки с особенным удовольствием участвовали в совместных спортивных играх и занятиях, сами придумывали упражнения потруднее. Например, Женни просила своих сестер привязать ее к стулу веревками, а затем молниеносно выбиралась из сетей. Лаура освоила искусство верховой езды, за что ее прозвали в семье Наездницей. Учителем Лауры был Энгельс, который имел собственных лошадей и считался блестящим наездником. Маркс тоже охотно катался верхом. В одном из писем Энгельсу он сообщает, что на его здоровье неблагоприятно отразилось то, что он был вынужден прекратить занятия верховой ездой.

Кстати сказать, Маркс увлекался и фехтованием. «Я часто с ним фехтовал...— вспоминал Вильгельм Либкнехт.— Французы устроили себе на Ратбонской площади, на Оксфорд-стрит, «оружейный зал», где можно было упражняться в фехтовании саблями и шпагами и в стрельбе из пистолетов. Там бывал иногда и Маркс и добросовестно состязался с французами. Чего ему недоставало в искусстве, он старался возместить стремительностью. И если ему попадался недостаточно хладнокровный противник, ему удавалось иногда сбить его с позиции».

Маркс упражнялся и в стрельбе из пистолета, и вполне возможно, именно он послужил примером для Лауры, которая усердно занималась этим видом спорта.

С восторгом следили девочки, когда Энгельс выполнял сложнейшие гимнастические упражнения, слу-

шали его рассказы об охоте на лис, о скачках, соревнованиях в стрельбе. Лафарг вспоминал, как во время травли лисиц Энгельс был в числе первых в яростной скачке за зверем и рвы, изгороди и прочие препятствия были ему нипочем.

Энгельс едко высмеивал изнеженную молодежь из буржуазных семей: «Нечего сказать, хороша опора отечества — молодежь, которая, подобно бешеной собаке, боится холодной воды, кутается в три-четыре одеяния при малейшем морозе и считает для себя честью освободиться по слабосилию от военной службы!» [1]

Заботясь о всестороннем развитии детей и желая серьезно подготовить их к жизни, Карл и Женни Маркс много внимания уделяли участию девочек в ведении домашнего хозяйства. Но в этом самым мудрым учителем была для них, конечно, Елена Демут.

Девочки учились у нее аккуратности, организованности и расторопности. Елена Демут в течение дня успевала сделать все для того, чтобы в доме был полный порядок. И хотя за высшее счастье считала «обед, который не сама приготовила», утомительную, подчас неблагодарную хозяйственную работу она выполняла без нервозности, легко и даже весело. Она всегда была бодра, всегда улыбалась. Так же работали и девочки, которых она привлекала себе на помощь. В крестьянской семье, где родилась Ленхен, как ее ласково называли все, и где провела она первые девять лет жизни, дети начинали трудиться очень рано, и Елена Демут считала естественным поручать дочерям Маркса посильную домашнюю работу. Она была для девочек примером бережливости и умелого распределения очень скудных средств, обучала их кулинарному искусству. Особенно хорошо научилась готовить «фея кухни» — Лаура. Уже подростком она умела печь вкусные пироги, торты, приготовлять необыкновенные соусы. Тут она, как и ее наставница Елена Демут, проявляла подлинный талант.

Мать писала Эрнестине Либкнехт [2] о Лауре: «Вы бы, вероятно, удивились, если бы вы увидели эту девушку дома. Необходимость заставила ее стать умелой хозяйкой. Лаура во всем более расторопна, Жен-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений, с 364—365.
[2] Жена Вильгельма Либкнехта,

нихен немного неповоротлива. Ее областью была уборка, мытье посуды досталось мне».

Мать и Елена Демут обучали девочек шитью и различным видам рукоделия. Девочки сами шили себе белье и платья, вышивали, вязали. Маркс всячески поощрял рукоделие дочерей. Вот, например, что он писал Энгельсу 11 января 1868 года: «Я был бы тебе очень благодарен, если бы ты мог к 16-му числу сего месяца прислать для Тусси моток хлопчатобумажной пряжи»[1]. В другом письме Маркс сообщает: «Тусси затеяла безумную работу — вышить для вас к рождеству диванную подушку... Она не позволяет делать ни одного стежка ни маме, ни Женничке, ни Ленхен, и поэтому вот уже несколько недель *ничем* другим не занимается. Это, однако, *великая тайна,* тебе, естественно, *не* следует *даже отдаленно* намекать на то, что ты об этом что-нибудь знаешь. Тусси меня съест»[2].

Элеонора вязала и вышивала разнообразные вещички для матери, сестер, Елены Демут. Ей хотелось доставить радость близким людям, этим доказать свою привязанность к ним и благодарность.

Женни, Ленхен и девушки должны были прилагать немало труда и изобретательности, чтобы, перекраивая старую одежду, шить себе наряды. В одном из писем Б. Маркгейм Женни Маркс писала, что с приходом весны надо очень много шить и перешивать и что у них ежедневно руки полны работы.

Мы уже говорили о большой дружбе, которая связывала в семье Маркса детей и родителей. Эти дружеские отношения еще больше укрепились в пору отрочества и юности дочерей, то есть в тот трудный переломный период становления личности, когда утверждается самостоятельность мыслей, поступков и когда наиболее болезненно воспринимаются нравоучения и опека. Карл и Женни Маркс находили верный тон взаимоотношений с детьми, который выдержал испытания и трудного переходного возраста.

Сошлемся на такой пример. В 1864 году Женни и Лаура поехали с отцом в Маргейт, где он лечился. Женни Маркс регулярно писала мужу и дочерям письма, в которых в шутливо-дружеском тоне описывала домашние дела, рассказывала о знакомых и друзьях, давала советы. Женни она сообщает «важную но-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф,* Соч., т. 32, с. 16.
[2] Там же, с. 338.

вость», а именно, что растения из ее «висячего сада» лезут вверх «руками и ногами». Лауре, «фее кухни», мать пишет, что приготовила варенье, причем пишет об этом, подражая автору «Капитала»: «Я вложила во фрукты и сахар капитал в 1 фунт 10 шиллингов, который принес 100% прибыли».

Дочери Маркса воспитывались в духе пролетарской морали, как говорится, с молоком матери впитали ее принципы. Все помыслы в семье были пронизаны духом революционной борьбы, основной темой разговоров всегда были текущие политические события и проблемы рабочего движения. Девочки рано были вовлечены в круг научных интересов отца и сочувствовали его идеям. Так же, как и родители, они были непримиримы к любому произволу. Четырнадцатилетняя Женни отказалась писать письма в Манчестер отцу, без которого очень скучала, только потому, что не могла примириться с цензурой частных писем. Девочка очень рано оценила значение трудов отца для революционного рабочего движения. Когда мать заболела оспой и девочки жили в семье Вильгельма Либкнехта, они ежедневно писали письма домой. Женни допытывалась, как продвигается работа над книгой «Господин Фогт». О первом томе «Капитала» Женни писала: «Я была счастлива услышать хорошие новости о книге Чарли[1]. Наконец, кажется, немецкие тупицы проявили к нашему Мавру хоть немножко справедливости — они никогда не смогут вознаградить его за все то, что он им дал».

Дочери Маркса были самыми юными среди первых читателей его произведений. Маркс любил порассуждать с ними о ходе исследований и результатах научных поисков.

Максим Ковалевский в статье «Встречи с Марксом» рассказывал, что Маркс отдавал жене и дочерям весь досуг, что в воскресные дни он очень любил гулять с семьей и во время этих прогулок темой для разговоров нередко служили волновавшие его проблемы. Маркс не всегда был в состоянии прервать нить своих научных размышлений даже в часы отдыха, да, может быть, и не старался этого делать. Естественно, то, что было девочкам доступно и интересно, западало в их сознание. Из года в год дочерям стано-

[1] Одно из семейных прозвищ К. Маркса.

вились все ближе и поиятнее великие открытия отца, их революцноииое содержание.

Уже в годы отрочества они с большим и иесомненым интересом старались разобраться в существе той работы, которой был заият отец. То, что в них старательно развивали с детства — умеиие думать, вникать в смысл прочитаиного,— здесь им пригодилось в особеиности. Дочери «болели» за успехи произведеиий Маркса.

Десятилетией девочкой Элеонора иаписала в семейиой аикете, что ее любимый девиз — «Стремись вперед!».

Стремление вперед, иевзирая иа трудности, стало жизнеиной позицией ие только Элеоноры, но и ее сестер. Оии всю свою жизнь стремились вперед — к знаниям, к революциоиным победам.

РАСЦВЕТ ЮНОСТИ

Юность — это такая пора в жизни человека, когда созревает ум, стаиовнтся высоким сознание н тем самым создаются благоприятнейшие условия для самообразоваиия и самовоспитаиия личности. Но и в этот период влияние родителей весьма существенно.

Маркс настойчнво продолжал приучать дочерей к самообразоваиию, развивал у ннх иитерес к наукам, и прежде всего к иовым научным открытиям. Он посещал вместе с ними публичиые лекции по различиым отраслям науки, выставки.

Дочери Маркса вместе с отцом восторженно восприияли великое открытие Чарльза Дарвина. Вильгельм Либкиехт в связи с этим записал: «Когда Дарвин, сделав выводы из своих исследоваиий, представил нх на суд общественостн, мы целыми месяцами ие говорили ни о чем другом, как о Дарвиие и революциоиной силе его открытий».

Маркс был одиим из первых, кто до коица оцеиил зиачение учеиия Дарвина. В зиак глубокого к нему уважеиия ои послал ему первый том «Капитала» и в ответ получил письмо, которым очень гордился. Естествеино, с этим письмом он прежде всего озиакомил жеиу и дочерей. Киигу Ч. Дарвииа «О происхождеиии видов путем естествеиного отбора» в семье прочитали все, но иаиболее глубокое впечатление она

произвела на Женни, которая стала с той поры верной дарвинисткой. Отец помогал ей отыскивать и изучать нужную литературу. 23 января 1869 года он пишет Энгельсу, что Женни просит прислать ей Бюхнера, «так как она проштудировала Дарвина и хочет теперь познакомиться также с великим Бюхнером»[1] (имеется в виду книга Бюхнера «Шесть лекций о дарвиновской теории превращения видов».— *И. П.*).

Сама Женни в письме к Лауре сообщает, что она становится все более фанатичной последовательницей Дарвина. Женни делала подробные выписки из книги Г. Льюиса «О гипотезах Дарвина», а также из книги Л. Бюхнера.

То же самое можно сказать и о самовоспитании. Здесь, на наш взгляд, прежде всего оказывала воздействие самая большая педагогическая сила — сила примера родителей.

Дочери взрослели, а близость между ними и родителями не уменьшалась, как это иногда бывает, а, напротив, крепла. Их объединяли общие духовные интересы, презрение ко всему мелкому, мещанскому, единодушное деятельное устремление к коммунистическому идеалу.

Родители помогали дочерям совершенствовать их достоинства и преодолевать слабые стороны характера. Это делалось, как всегда в семье Маркса, очень тактично и незаметно для самих девушек.

Естественно, что методы педагогического влияния с годами менялись.

Отец доверял старшей дочери, Женни, прочитывать газеты, делать для него выписки и отбирать материал по интересующим его проблемам. Лаура частенько сопровождала отца в библиотеку Британского музея, помогала ему делать выписки и систематизировать их. По поручению отца она написала его корреспондентам сотни писем, которые Маркс называл «прелестнейшими».

Когда подросла младшая дочь, а старшие уже покинули отчий дом, Маркс поручил ведение своей корреспонденции Элеоноре. Она с полным знанием дела, обстоятельно, умно, с радостной готовностью выполняла все его поручения.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 32, с. 198.

Если принять во внимание высокую требовательность Маркса, его скрупулезность в научном труде, можно себе представить, какую нелегкую и вместе с тем полезную школу прошли все три дочери, будучи в «ранге секретарей».

Когда Маркс поехал в Гаагу на конгресс I Интернационала, он взял с собой дочерей. Немецкий социалист Теодор Куно вспоминал, что в дни Гаагского конгресса I Интернационала Карл Маркс познакомил его с Женни, Лаурой и Элеонорой. Испанский коммунист Ансельмо Лоренцо рассказывал, что его представили дочерям Маркса. Он пожелал отправить телеграмму в Валенсию, и ему дали в проводники Элеонору.

«Легкость, с которой эта услуга неизвестному иностранцу была поручена девушке, совершенно не соответствовала обычаям испанской буржуазии, и я был чрезвычайно восхищен этим,— вспоминал Ансельмо Лоренцо.— Эта девушка, вернее, девочка, настоящая красавица, веселая и смеющаяся, воплощение юности и очарования, не знала испанского языка. Она прекрасно говорила по-английски и по-немецки, но французский, на котором я кое-как мог объясняться, знала плохо. И вот каждый раз, когда она или я отвечали невпопад и говорили вздор, мы хохотали так непосредственно, так искренне, как будто бы мы давно и хорошо были знакомы друг с другом».

Элеоноре тогда было шестнадцать лет.

На участников конгресса очень хорошее впечатление произвела и Женни. Вот что писал о ней тот же Ансельмо Лоренцо: «Старшая дочь Маркса, исключительно красивая девушка, не была похожа ни на один виденный мною образец женской красоты. Она знала испанский язык, но, как и ее отец, произносила слова не совсем правильно. Чтобы послушать правильное произношение, она попросила меня прочесть что-нибудь вслух. Я подошел к большой библиотеке и вынул «Дон Кихота» и собрание драм Кальдерона. Из первой книги я прочел речь Дон Кихота к пастухам, из второй — возвышенные стихи из драмы «Жизнь есть сон», признанные перлами испанского языка и блистательнейшим выражением человеческой мысли. Я стал было пояснять их, но это оказалось излишним: моя юная собеседница обладала достаточным образованием и тонкостью чувств, она обнаружила это, прибавив

к моему изложению множество метких замечаний, каких мне никогда не приходилось слышать».

Как известно, на Гаагском конгрессе I Интернационала был дан решающий бой анархистам, которые не просто произносили громкие речи, но угрожали своим противникам огнестрельным оружием.

Дочери Маркса видели, как неустрашимо сражались с врагами революции Маркс и Энгельс. Но главное в том, что девушки не просто наблюдали все, что происходило, а оказывали посильную помощь участникам конгресса — коммунистам. Элеонора выполняла отдельные поручения, Женни и Лаура энергично работали с делегатами в качестве добровольных переводчиц, а Женни, кроме того, переписала ряд документов Интернационала, в том числе Учредительный манифест.

Отцу были обязаны девушки и знакомством с героями революционной борьбы в России. Встречи с ними очень много дали для углубления у дочерей Маркса интернациональных чувств.

С русскими революционерами они неоднократно встречались дома. Например, известный народоволец Герман Лопатин в течение длительного времени бывал в семье Маркса как свой человек. Особенно подружился он с Элеонорой. Лопатин занимался с девушкой русским, а она учила его говорить по-английски.

Естественно предположить, что он рассказывал Элеоноре и ее сестрам о самоотверженной борьбе народовольцев. У них вызвало бурную радость известие, что Лопатин взялся за перевод первого тома «Капитала» Маркса на русский язык.

Правда, случилось так, что закончить работу над переводом «Капитала» он не смог[1].

В статье «Г. А. Лопатин о своих встречах с Марксом», опубликованной в газете «Новый день» уже после свершения Великой Октябрьской социалистической революции, рассказывается: «Г. А. Лопатин, по выходе из Шлиссельбурга, познакомился в русском издании с «Перепиской Маркса и Энгельса» и с теплым чувством говорит о напоминающих ему дни его юности отзывах о нем в письмах Маркса. С особой сер-

[1] Перевод «Капитала» на русский язык был позже продолжен и закончен русским экономистом Николаем Даниельсоном.

дечностью относится он к дошедшим до него сообщениям, что вся семья Маркса, а особенно младшая дочь его Тусси (Элеонора), с которой он подружился в дни пребывания в Англии,— внимательно следила за судьбой «шлюшенцев»[1],— знала о всяких переменах в жизни русских мучеников, на всю жизнь заключенных в этом каменном мешке...»[2]

Навсегда запомнилась дочерям Маркса и совсем еще юная русская революционерка Елизавета Томановская. Она была членом Русской секции I Интернационала и появилась в Лондоне с рекомендательным письмом к Марксу от руководителей этой секции: Н. И. Утина, А. Д. Трусова, В. И. Бартенева и других.

В письме говорилось о том, что Елизавета Томановская искренне и горячо предана революционному долгу, что в Русской секции Интернационала она принимает деятельное участие и может дать подробную информацию о ее работе. Выражалась также уверенность, что через Елизавету Томановскую руководству секции удастся войти в более тесный контакт с вождем I Интернационала.

Томановская стала бывать у Марксов очень часто, и всегда ее встречали радостно и сердечно. Не менее часто приходили к ней в отель Женни и Элеонора. Между девушками возникла душевная дружба. Елизавета Томановская много рассказывала о страданиях русского народа и о борцах за его свободу, которых не страшат ни кандалы, ни каторги, ни виселицы.

В дни Парижской коммуны Елизавета Томановская ринулась в революционный Париж и проявляла чудеса храбрости и отваги. Она командовала отрядом вооруженных женщин, защищавших баррикады Батиньоля и Монмартра, была для них примером меткости в стрельбе, в военной находчивости, целые ночи проводила у изголовья раненых коммунаров, изо дня в день писала информации для Маркса о ходе событий в Париже и еще была автором пламенных воззваний. В различных районах Парижа звучали ее страстные речи с призывами сражаться, не отступать.

В числе русских, которые встречались с членами семьи Маркса и которые, безусловно, вызывали чув-

[1] Так называли узников Шлиссельбургской крепости.

[2] Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969, с. 50.

ство симпатнн, был члеи «Народной воли» Н. А. Морозов. Существует запись иа пластинке голоса Н. А. Морозова, сделанная уже прн Советской власти, в которой ои рассказывает об одном своем посещении семьн Маркса в Лоидоие.

В первый раз Н. А. Морозов пришел к Марксам в декабре 1880 года вместе со своим соратником по «Народиой воле» Л. Н. Гартмаиом. Ои вспоминал, что их встретила хорошенькая, стройная девушка иемецкого тнпа, напоминавшая ему романтическую Гретхеи или Маргариту нз «Фауста». Это была Элеонора.

Оии заговорили по-английскн, ио девушка быстро уловила, что гости затрудияются произносить некоторые слова, н перешла на фраицузскнй.

Маркс в это время был в Брнтаиском музее.

В следующий раз Н. А. Морозов пришел однн, н Маркс был дома. Оии сндели в его кабииете и вели долгую, задушевиую беседу. Участие в разговоре снова принимала младшая дочь Маркса.

Н. А. Морозов рассказывал о действиях героев «Народиой воли». Карл Маркс отнесся к его рассказу с большнм интересом, задавал вопросы н в заключение с одобрением заметил, что борьба русских революционеров «с самодержавием представляется ему, как и всем европейцам, чем-то совершенно сказочным, возможным только в фаитастических ромаиах»[1].

Через два дня Н. А. Морозов снова провел несколько часов в обществе Маркса и его младшей дочерн. Морозов собирался ехать в Россию. Маркс и Элеонора крепко пожали ему руку иа прощаиие, пожелали успеха в опасной борьбе и нового прнезда к ним из Россин в Лондон с победой.

На протяжении всей жизни дочери Маркса пристально следили за развитием революционного движения в России и радовались успехам русского рабочего класса в борьбе протнв самодержавия.

Узиав о революции 1905 года, Лаура восторженно писала: «В общем революция началась, и Россня... с ее доблестным пролетариатом, мужчинамн н женщинами, которые так мужественно борются, вступает в новую эру».

Дочери Маркса, следуя примеру родителей, ие только сочувствовали революционерам других стран н

[1] Русские современникн о К. Марксе и Ф. Энгельсе, с. 85.

народов, а старались посильно действовать им в помощь.

Так, например, они не только глубоко приняли к сердцу трагедию французских коммунаров, но и беспощадно клеймили их палачей, всячески помогали эмигрантам из Парижа. Женни решительно выступила в одной из популярных американских газет со статьей, направленной против французского правительства.

Достойным соратником отца проявила себя Женни и в период обострения классовой борьбы в Ирландии.

Тут необходимы некоторые пояснения. В начале 60-х годов была создана организация ирландских революционеров-фениев под названием «Ирландское революционное братство». В ряде городов ею были подняты восстания, которые жестоко подавили английские правительственные войска. Далее последовал страшный террор. Ирландский народ выступил против репрессий. Карл Маркс и Фридрих Энгельс поддерживали национально-освободительное движение в Ирландии и очень много делали для защиты ирландских революционеров.

В письме к Лауре и Полю Лафарг 5 марта 1870 года Карл Маркс сообщал, что он добился в Генеральном Совете проведения резолюции против поработителей ирландского народа. «Вы, конечно, понимаете,— писал Маркс,— что я руководствовался не только чувством гуманности. Помимо этого есть и другие причины. Для того, чтобы ускорить социальное развитие Европы, необходимо ускорить крушение официальной Англии. А для этого необходимо нанести ей удар в Ирландии. Это ее самый уязвимый пункт. С утратой Ирландии Британской «Империи» — наконец, и классовая борьба в Англии, протекавшая до сих пор в дремотно-затяжной форме, примет острый характер. А ведь Англия — метрополия лендлордизма и капитализма во всем мире»[1].

В 1869—1870 годах вновь приняла широкий размах кампания за амнистию заключенных фениев.

И вот в это-то время появились в газете «Марсельез» одна за другой восемь статей юной Женни Маркс, раскрывающих истинное положение заключенных. Подписаны статьи были «М-р Дж. Уильямс». Это был

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 32, с. 549.

псевдоним Женни. Она сумела раздобыть правдивые факты о пытках, которым подвергались ирландские революционеры, использовала письма их жен, точные сведения, полученные через жену Энгельса Лиззи Бёрнс. Статьи были написаны с таким гневом, что каждая вызывала взрыв возмущения действиями английского правительства.

Маркс и Энгельс высоко оценили статьи Женни, горячо поддерживали ее, следили за откликами в печати. В письме к Марксу от 13 марта 1870 года Энгельс писал о «блистательном» и «вполне заслуженном» успехе Женни. «Браво, Дженни!» — восклицал он. Маркс называл Женни «наш знаменитый г-н Дж. Уильямс». Член Генерального Совета I Интернационала Фридрих Лесснер назвал Женни «прекрасным защитником бедных ирландцев» и очень сожалел, что ее статьи не были опубликованы на английском языке.

Поздравляя ее с успехом, он писал: «Я хорошо понимаю ваши благородные мотивы и знаю, что вы делали это не ради славы, а ради дела, как вообще всегда поступали в доме Мавра».

В связи с ирландскими статьями Женни хочется подчеркнуть еще одну яркую черту взаимоотношений родителей и повзрослевших дочерей в семье Маркса — сотрудничество. Маркс заявил, что Женни пишет свои статьи от имени всей семьи. Третья статья Женни в «Марсельез» была написана ею в непосредственном творческом содружестве с отцом. Конечно, такая совместная работа давала необычайно много не только для постижения некоторых профессиональных аспектов литературной, журналистской работы, но и еще и еще раз подталкивала к сложному и по сути бесконечному процессу самовоспитания. И если задуматься над тем, какое огромное значение в жизни дочерей Маркса имело то, что они были вовлечены в процесс самовоспитания, то снова невольно рядом с их отцом и матерью хочется вспомнить имя Энгельса.

На формирование личности каждой из них оказало влияние благородство, бескорыстие Энгельса, его отношение к их семье на протяжении многих лет. Девушки узнали великий подвиг, во имя дружбы, во имя жизни близких людей, во имя святого дела, которому посвятил себя их отец. С возрастом подвиг Энгельса осмысливался и переживался девушками все глубже,

а следовательно, получал и все более глубокое воспитательное значение.

Поражало внимание Энгельса к людям разных национальностей. «Итальянцы, испанцы, голландцы, датчане, румыны (Энгельс безукоризненно владеет всеми этими языками), а уж об англичанах, немцах и французах говорить не приходится,— отмечала Элеонора,— все они обращаются к нему за помощью и советом». И всем этим людям никогда не было отказа. Элеонора это видела своими глазами.

Живя в доме Энгельса, Элеонора наблюдала и его неисчерпаемую доброту по отношению к молодежи. Она писала: «Могу только сказать, что я очень часто видела, как Энгельс откладывал в сторону свою собственную работу, чтобы оказать дружескую услугу кому-либо из молодежи; не раз его работы отодвигались на задний план из-за того, что он приходил на помощь какому-нибудь новичку».

Далее Элеонора писала об идеальной организованности Энгельса: он «самый точный человек в мире, у которого чувство долга, и в особенности партийная дисциплина, выше, чем у всех, кого я знаю».

И еще одна очень характерная для Энгельса черта, которая оказала большое влияние на дочерей Маркса: его отвага, бесстрашие, храбрость. Эти качества проявились у него на поле битвы, что хорошо было известно всем членам семьи Маркса. «Энгельс принял участие в баденском восстании и был адъютантом у Виллиха. Он участвовал в трех сражениях, и все, кто видел его под огнем, еще долгое время спустя рассказывали об его исключительном хладнокровии и абсолютном презрении ко всякой опасности».

В 1865 году в Англии была распространена игра в вопросы и ответы. Ею сразу же увлеклись дочери Маркса. В сохранившемся до наших дней альбоме, составленном девушками, содержится более шестидесяти так называемых анкет, или исповедей. На большинстве листочков наклеены фотографии авторов ответов.

Карл и Женни Маркс охотно включились в предложенную дочерьми игру. Их ответы очень интересны.

Маркс написал, что его отличительная черта — единство цели. Его представление о счастье — борьба, а несчастье — подчинение. Недостаток, который внушал Марксу наибольшее отвращение,— угодничество. Любимое изречение отца — «Ничто человеческое

мие не чуждо». Любимый девиз — «Подвергай все сомнению». Дочери отлично понимали, что отец имел в виду: не поддаваться никаким иллюзиям, все проверять с позиций подлинной науки, с классовой, пролетарской точки зрения.

Любимое занятие Маркса — «рыться в книгах». Его антипатия — Мартин Таппер — английский писатель, пошлые произведения которого были рассчитаны на дешевый успех. Любимые поэты — Шекспир, Эсхил и Гёте.

Педагогическое значение ответов Маркса очевидно. Он не просто выполнил желание дочерей, но познакомил их с самим собой, дал им пищу для размышлений.

Так же обстоятельно и откровенно ответила на вопросы дочерей мать. Женни Маркс написала, что она больше всего ценит в людях искренность. В мужчинах Женни Маркс особенно ценила стойкость, в женщинах — сердечность.

Недостаток, который внушает Женни Маркс особенное отвращение,— неблагодарность. Она признается, что ей свойственна повышенная чувствительность. Вероятно, дочери, прочитав это, поняли, как же глубоко и больно переживала их мать беды и несчастья, через которые прошла семья.

Представление Женни Маркс о счастье — здоровье. А несчастье — это зависимость от других и долги. Мать была предельно откровенна. Пусть дочери знают, что все в жизни не просто. Девушки должны ценить те жертвы, которые приносятся для семьи родителями.

Женни Маркс поведала, что ее любимый поэт Гёте. Женни, как и Карл, любила и поэзию и философию. А Гёте был и поэтом, и философом.

Своим любимым занятием Женни назвала шитье. Возможно, это была своеобразная рекомендация дочерям побольше заниматься этим полезным женским делом.

Любимым изречением Женни Маркс было «Не придавать ничему значения», а любимым девизом — «Никогда не отчаиваться». И это своего рода совет: всегда верить, что на смену плохому и тяжелому непременно приходит хорошее. Надо беречь силы для жизни и борьбы. А если все-таки несчастье и беды обрушатся, то надо не отчаиваться, а бороться,

Нетрудно предположить, что родителн, поощряя игру в вопросы и ответы, хотели помочь дочерям осмыслить и самих себя. Ведь прежде чем ответить на предложенные вопросы, требовалось как бы заглянуть в себя, многое поиять в себе.

Оказалось, что Женни больше всего цеиит в людях человеколюбие, гумаиность. В мужчииах — моральную снлу, в жеищииах — способность любить.

А Лаура больше всего ценнт в людях правднвость. В мужчинах — справедлнвость, в женщннах — милосердие.

Выяснилось, что обе девушки отиосятся к себе критически. Женни признает, что ей свойственио честолюбие, а Лаура утверждает, что ее отличительиая черта — нерешительиость. (Родители знали, что ее иерешительность объясиялась исключительной скромиостью и застенчивостью.)

Представление о счастье у обенх девушек связано со взаимиой любовью. Представление о несчастье тоже у обенх довольно близкое: у Женни — сознавать свою винювность, у Лауры — презрение человека к самому себе.

Недостаткн людей, которые особенно ненавистны и внушают отвращенне: у Женни — лживость н раболепство, у Лауры, так же как у отца и у Энгельса,— ханжество. Любимое изречение Жении — «Будь вереи самому себе», а Лауры — «Позиай самого себя». Любимый девиз Женин — «Через тернии к звездам», а Лауры — «Истина превыше всего, и она восторжествует!».

Элеонора, которой было тогда всего десять лет, в своей исповеди очень решнтельно заявила, что она больше всего ценит в людях правдивость, в мужчинах — смелость, иедостаток, который ей виушает самое большое отвращение,— подслушивание. Ее любимый герой — Гарнбальдн. Оказалось, что у девочки уже сложились литературные вкусы. Ее любимый поэт, так же как у отца и сестер,— Шекспир, а прозаик — капитан Марриэт. Ее любнмый девиз — «Стремись вперед!».

«Исповедн» дочерей Маркса дают нам возможность лучше поиять их иравствеиный облик, представить себе некоторые черты характера Жеиии, Лауры, Элеоноры.

«МУЖЕСТВЕННЫМ ПРИНАДЛЕЖИТ МИР»

Женни, Лаура и Элеонора всю жизнь твердо шли по пути, признанному в родительском доме единственно правильным. Они стали деятельными революционерками и большими труженицами. Их жизнь была связана с жизнью и борьбой отца. Он всегда оставался самым близким их другом, советчиком, учителем и воспитателем. И девушки очень дорожили этим. Больше того, они чувствовали себя тверже в своих решениях и поступках, так как опирались на жизненный опыт и знания родителей. Но сестры всегда стремились к самостоятельности. Достаточно сказать, что они рано начали зарабатывать себе на жизнь. Некоторая материальная свобода не означала освобождения от глубоких родственных чувств друг к другу и к родителям. Карл и Женни Маркс тоже очень оберегали дружбу с дочерьми. Как и всех родителей, их волновала судьба девушек. Дочери вступали в большую жизнь, где было много терний и мало роз. Родители горько переживали все их трудности, неудачи, разочарования. Недаром Женни Маркс любила повторять народную пословицу: «Маленькие дети — маленькие заботы, большие дети — большие заботы».

Сестры не были похожи одна на другую. Каждая имела свой ярко выраженный характер, свои способности и таланты. Но у всех была общая жизненная позиция, одни и те же идеалы и устремления, одно и то же представление о цели и смысле жизни, оптимистическая вера в будущее.

В феврале 1866 года в доме Маркса впервые появился только что вступивший в Международное Товарищество Рабочих французский социалист Поль Лафарг. Примерно через полгода Женни Маркс писала Эрнестине Либкнехт:

«...Поль Лафарг — медик 24 лет, стал приходить все чаще. Я была достаточно наивна и вообразила, что он приходит к Карлу... для того, чтобы еще дальше продвинуться в области философии и политики. И была точно громом поражена, когда он внезапно попросил руки Лауры».

В эти дни и Маркс в письме к Энгельсу не без улыбки сообщал: «Первоначально этот юноша привя-

зался ко мне, но скоро перенес свою привязанность со старика на дочь»[1].

За два года, предшествующие свадьбе, родители Лауры употребили все свое влияние, чтобы подготовить молодых людей к ответственному шагу в жизни.

Поль Лафарг родился в Сант-Яго на острове Куба. Его бабка по отцовской линии была мулаткой, а по материнской — индианкой. «Он изучал в Париже в течение четырех лет медицину,— писала Женни Маркс Эрнестине Либкнехт,— в прошлом же году вместе с другими товарищами принял участие в конгрессе в Льеже, где обратил на себя усиленное внимание своими революционными речами. В результате чего был исключен из университета и прибыл в Лондон, чтобы изучать английский язык и закончить учебу в госпитале св. Варфоломея».

По описанию Женни, Поль Лафарг был очень красив. Жених Лауры нравился и Карлу Марксу, который признавал, что Поль — «красивый, интеллигентный, энергичный парень, отличный гимнаст»[2]. Они много спорили по вопросам философии, истории, теории прибавочной стоимости, политики. Под влиянием Маркса Поль Лафарг преодолел свои прудонистские ошибки. До конца жизни он остался преданным Марксу и его учению.

Маркс и Женни считали, что любовь и брак требуют от человека высочайшей ответственности. У них была твердая уверенность, что их Лаура полюбит однажды и на всю жизнь. А порывистый, нетерпеливый, влюбленный Лафарг вызывал у них тревогу: практическая сторона семейной жизни казалась юноше несущественной.

И вот Маркс, который нес отцовскую ответственность за будущее молодых людей, через неделю после помолвки, 13 августа 1866 года, написал жениху дочери письмо.

Самым неожиданным для Лафарга и опечалившим его было предупреждение, что брак не может состояться вдруг. Карл Маркс требовал от будущего зятя сознательного подтверждения серьезности его намерений: «На мой взгляд, истинная любовь выражается в сдержанности, скромности и даже в робости влюблен-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 31, с. 208.
[2] Там же.

ного в отношении к своему кумиру, но отнюдь не в непринужденном проявлении страсти и выказывании преждевременной фамильярности. Если Вы сошлетесь на свой темперамент креола, моим долгом будет встать с моим здравым смыслом между Вашим темпераментом и моей дочерью. Если, находясь вблизи нее, Вы не в силах проявлять любовь в форме, соответствующей лондонскому меридиану, придется Вам покориться необходимости любить на расстоянии» [1].

Далее Маркс рекомендует Лафаргу подумать о том, как он предполагает обеспечить семью материально. «Вы знаете, что я принес все свое состояние в жертву революционной борьбе,— писал Маркс.— Я не сожалею об этом. Наоборот. Если бы мне нужно было снова начать свой жизненный путь, я сделал бы то же самое. Только я не женился бы. Поскольку это в моих силах, я хочу уберечь мою дочь от рифов, о которые разбилась жизнь ее матери» [2]. Маркс, вероятно, имеет в виду перенесенные его женой страдания в связи с постоянной материальной нуждой и смертью четверых детей.

Маркс далее обращает внимание Лафарга на то, что тот еще студент и его будущее весьма неопределенно. «Наблюдение убедило меня в том,— пишет Маркс,— что Вы по природе не труженик, несмотря на приступы лихорадочной активности и добрую волю... Вы, убежденный реалист, не можете ожидать, чтобы я отнесся к будущему моей дочери как идеалист... Вы должны быть сложившимся человеком прежде чем помышлять о браке, и необходим долгий срок проверки для Вас и для нее» [3].

Карл и Женни Маркс хотели видеть в молодых людях единомышленников, убежденных и стойких идейных борцов, для которых семейное счастье не стало бы обузой и цепями. В письме к Эрнестине Либкнехт Женни Маркс делилась по этому поводу своими мыслями: «Я считаю большим счастьем, что у них полное единомыслие по принципиальным вопросам, особенно в вопросе о религии. Лаура поэтому ограждена от неизбежной борьбы и страданий, которые неминуемы для девушки с ее взглядами среди окружающего мира».

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 31, с. 435.
[2] Там же, с. 436.
[3] Там же.

2 апреля 1868 года Лаура Маркс и Поль Лафарг вступили в гражданский брак. Свадьба была очень скромной.

Отношение Женни и Карла Маркс к замужеству дочери, между прочим, дает ответ на вопрос, который часто возникает и перед современными родителями: должны ли они вмешиваться в личную жизнь детей и участвовать в их решении стать мужем и женой. Конечно, как бы ни были задушевны и близки отношения между родителями и детьми, любовь молодых всегда будет возникать, расцветать или угасать независимо от советов и пожеланий старших. И что касается чувств, тут родители Лауры проявили огромный такт. Но помочь подготовиться к браку, подать молодым добрый совет получше узнать друг друга — прямой долг родителей.

Карл и Женни Маркс были счастливы счастьем своей дочери. Вот что писал Маркс Лауре в Париж: «Я счастлив узнать из письма... твоего супруга... что вы полностью наслаждаетесь своей свадебной поездкой и что все внешние условия — весна, солнце, воздух и парижские развлечения — благоприятствуют вам. Что касается упомянутого супруга, то присылка им мне книг при столь критических обстоятельствах свидетельствует красноречивее всяких слов о врожденной доброте этого «молодого человека». Этот простой факт уже доказывает, что он принадлежит к лучшей расе, чем европейская» [1].

В том же письме приписка Лафаргу: «Милый Лафарг!

Не находите ли Вы, что пребывание в Париже с молодой смеющейся женой гораздо приятнее, чем занятия политикой? Когда приедет в Париж Ваш отец, передайте ему мои наилучшие пожелания, а главное, Вы с Лаурой постарайтесь сделать его пребывание там возможно более приятным. При теперешнем его слабом зрении ему нужно развлечься, и ничто не развлечет его больше, чем молодая парочка, которая полностью посвятит ему то короткое время, которое она пробудет вместе со стариком... С сердечным приветом. Преданный Вам

К. М.» [1].

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 32, с. 454.
[2] Там же, с. 455.

Женни и Карл Маркс оставались и для взрослых дочерей Отцом и Матерью с большой буквы. Они не вмешивались в супружеские отношения замужних дочерей, но продолжали нести ответственность за их жизнь. Тонко, осторожно, но постоянно они помогали им всем, чем могли, особенно в трудные периоды жизни.

Лаура и Поль в своих письмах к родным охотно делились всем светлым, что было в их жизни, но скрывали свои беды и трудности, чтобы не тревожить родителей. А те все равно тревожились. На этот счет у Маркса была какая-то особая интуиция.

В письме к Полю и Лауре Лафарг от 15 февраля 1869 года Карл Маркс пишет: «Прежде всего я должен откровенно сказать вам, что очень обеспокоен состоянием здоровья Лауры. Я не знаю, чем объяснить ее продолжительное уединение. Она не показывается моим друзьям, таким, как Дюпон[1], и это усиливает мои опасения. Как только позволят известные обстоятельства, я приеду к вам с единственной целью — взглянуть на мое дитя. После выхода в свет «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» вряд ли я буду в Париже в полной безопасности. Не делайте в ваших письмах никаких намеков относительно моего тайного намерения»[2].

Итак, Карл Маркс решает навестить дочь, несмотря на то что поездка в Париж для него небезопасна. Вполне вероятно, что его тревожило не только здоровье дочери; на первом этапе семейной жизни у молодоженов нередко возникают трудности, которые порой бывают роковыми. Своевременный совет любящего отца может очень пригодиться.

Вскоре пришло сообщение от отца Лафарга о том, что Поль небрежно относится к сдаче докторских экзаменов. Маркс тотчас написал зятю письмо со строгим упреком. Он уже считал Поля членом своей семьи и чувствовал за него такую же ответственность, как и за дочь.

Поль Лафарг правильно понял упрек и немедленно прислал ответное письмо. Оказалось, что причина его небрежного отношения к экзаменам крылась в болезни Лауры.

[1] Дюпон, Эжен — французский рабочий, видный деятель международного рабочего движения.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 32, с. 491—492.

Самостоятельная жизнь молодоженов началась в Париже.

Франция того периода жила напряженной политической жизнью. Начался новый подъем рабочего движения, среди рабочих росло влияние I Интернационала. Вместе с тем усилились репрессии против социалистов.

Поль и Лаура Лафарг с головой ушли в революционную работу по пропаганде и популяризации марксизма. Именно здесь, в Париже, Лаура и Поль переводят на французский язык «Коммунистический манифест», а весной 1870 года Лафарг готовит новое французское издание Устава Международного Товарищества Рабочих.

В сентябре 1870 года Лафарги переехали в Бордо. Среди бордоского пролетариата Лафарг развернул активную агитацию. Он создает газету «Ля Дефанс насиональ», а через месяц уже реорганизует секцию Интернационала, которая под его руководством превращается в большую разветвленную организацию. После провозглашения Парижской коммуны секция заявила о согласии с ее принципами и поставила задачу организации помощи коммунарам. Лафарг получает в Париже задание — поднять восстание в Юго-Восточной Франции.

После поражения Коммуны Лафаргам пришлось в мае 1871 года покинуть Бордо и укрыться в Люшоне, в предгорьях Пиренеев. За Лафаргом была установлена слежка. Скрываясь от преследований, Лафарги покинули Францию и нелегально обосновались в испанском местечке Босост. Испанская полиция взялась помогать французским палачам. Прокурор республики Дезагарр с эскортом жандармов отправился в Босост: арестовать Лафарга.

Женни, гостившая вместе с Элеонорой у Лафаргов в Люшоне, а затем в Бососте, рассказывала: «...в то время, как г-н Дезагарр стоит у парадной двери гостиницы Массе, г-н Лафарг, при содействии своих добрых друзей, крестьян, выходит из дома через черный ход, взбирается на гору и спасается по тропинкам, известным только проводникам, козам и английским туристам,— все проезжие дороги охранялись испанскими карабинерами».

В 3 часа утра в спальню Лауры «вламываются четыре испанских офицера с карабинами, направленны-

ми на кровать, где спит г-жа Лафарг с ребенком. Бедный больной малютка, внезапно разбуженный и испуганный, начинает кричать; но это не мешает испанским офицерам заглядывать в каждую дырку и щель в комнате,— нет ли там г-на Лафарга. Убедившись, наконец, что их добыча ускользнула от них, они объявляют, что заберут г-жу Лафарг. Тут вмешался хозяин гостиницы... Г-же Лафарг разрешили остаться в Бососте, но с тех пор за ней не прекращалась тягостная слежка агентов полиции. Отряд шпионов устроил свой главный штаб в гостинице»[1].

Лауру много раз допрашивали, требуя, чтобы она рассказала о месте пребывания Лафарга, но мужество ей не изменило. А Женни и Элеонора на обратном пути в Лондон были схвачены полицией на французской границе. Прокурор республики барон Дезагарр приказал их обыскать, несмотря на их решительный протест. Со свойственной им жестокостью полицейские допрашивали девушек в течение нескольких часов. Префект полиции де Кератри при допросе предъявлял девушкам ложные документы, использовал десятки разных провокационных приемов, но Женни и шестнадцатилетняя Элеонора упорно повторяли одно и то же: им ничего не известно о том, где находится Лафарг, они ничего не знают о его участии в борьбе коммунаров Парижа против монархии.

Женни, Лаура и Элеонора проходили школу мужества и стойкости у своих родителей. В одном из писем к Луизе Вейдемейер Женни Маркс писала: «Будьте мужественны и стойки в тяжелые дни. Мужественным принадлежит мир». Это была жизненная позиция Маркса и Женни. Вспомним, как тверда была Женни в бельгийской тюрьме, когда полицейские заставляли ее сказать, кому Маркс давал деньги на покупку оружия, вспомним ее последовательность в отстаивании революционных успехов «партии Маркса», вспомним ее упорную борьбу за издание трудов мужа и за нормальное существование семьи, за жизнь детей.

Преследования и неоднократные аресты Лафарга, крайнее переутомление, систематическое недоедание — все это тяжко отразилось на жизни семьи. За два года Лаура и Поль потеряли троих детей.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 17, с. 660.

Но это не сломило их. Напряженная работа по распространению марксизма продолжалась. Полиция по-прежнему преследует Лафарга, и в конце декабря 1871 года он вынужден переехать в Мадрид. В феврале 1872 года к нему приезжает Лаура. И они оба снова отдаются напряженной политической деятельности. Лафарг под именем Пабло Фарга работает в мадридской организации Международного Товарищества Рабочих, в газете «Эмансипасьон». Его деятельность по борьбе с бакунистами[1] за укрепление организации высоко оценили Маркс и Энгельс.

В феврале и марте 1872 года Лафарг опубликовал в газете цикл статей «Организация труда». В работе над ними принимала участие и Лаура. «В статьи для «Эмансипасьон», в которых испанцам впервые преподносится настоящая наука,— писал Энгельс Лауре,— ты тоже вносишь свою значительную долю, и как раз именно в научном отношении, за что я, как секретарь для Испании, считаю своим долгом принести тебе особую благодарность»[2].

Старшая дочь, которую Маркс ласково называл Смугляночкой, стала невестой Шарля Лонге. По утверждению русского журналиста Русанова, жених не отличался красотой, но он был неистощим в искрящемся, как шампанское, остроумии.

В письме от 26 мая 1872 года жена Маркса писала Вильгельму Либкнехту: «Итак, Вы слышали о помолвке Женни. Лонге очень одаренный, очень хороший, славный, порядочный человек, а единство взглядов и убеждений молодой четы кажется мне залогом ее будущего счастья»[3].

Этот брак одобрила вся семья. Шарль Лонге был активным членом Интернационала, избирался делегатом на его конгрессы. Он был также деятельным членом Парижской коммуны, редактировал официальный орган Коммуны «Журналь офисиель де ля Коммюн».

Свадьба Женни Маркс и Шарля Лонге состоялась в октябре 1872 года. Молодожены долго не могли найти платной работы. В одном из своих писем к Кугельману Женни сообщала: «С самого рождества

---

[1] Бакунисты — сторонники М. А. Бакунина (1814—1876) — идеолога анархизма, ярого врага марксизма.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 33, с. 359.

[3] Там же, с. 571.

я совершенно поглощена увлекательной битвой, известной под названием борьбы за существование. Если бы я перечислила, сколько раз мне пришлось пробежать Лондон с севера на юг, с востока на запад — причем напрасно — в поисках уроков французского языка, немецкого языка, пения и риторики, то страшно утомила бы вас» [1].

После многих мытарств Женни и Шарль наконец нашли работу — стали преподавателями иностранных языков. В этот же период они энергично помогали Карлу Марксу переводить на французский язык «Капитал».

Женни и Шарль очень радовались, когда у них появился сын. Но через одиннадцать месяцев мальчика не стало. Женни была в отчаянии. Только благодаря родителям и Энгельсу она смогла обрести внутренние силы и выстоять. Доброта родителей, их житейская мудрость, нежная любовь мужа поддержали Женни в это горестное время.

Женни могла бы повторить слова матери: «Страдания закаляют, а любовь служит нам поддержкой».

Всю жизнь Женни была твердой опорой Шарля. В дни, когда Шарль переехал в Париж, а Женни оставалась еще в Лондоне, она писала мужу: «...Вчера вечером я получила номер «Justice» с твоими двумя статьями и ликовала, увидев, как прекрасно ты использовал посланный мной материал. Твоя статья о границах должна вызвать сенсацию; то, что̀ ты раскрываешь, представляет собой нечто совершенно новое для Франции и малоизвестно даже в Англии, поскольку намеренно замалчивается. К тому же форма, в которую ты облекаешь скучный сюжет, столь занимательна и саркастична, что даже французский читатель не сочтет этот материал слишком сухим» [2].

В других письмах Женни давала мужу разнообразные советы: как нужно разумнее и лучше питаться, как беречь здоровье и т. д.

Прошло время. У Женни один за другим родились четыре сына и дочка. И снова в семье Маркса зазвучал веселый детский смех. Дом заполнили шумные игры, забавы, сказки.

Август Бебель, который познакомился в доме Маркса с его старшей дочерью и внуками, писал:

[1] Исторический архив, 1959, № 2, с. 50.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 34, с. 399.

«...я был приятно поражен, когда увидел, с какой сердечностью и нежностью Маркс, которого в то время изображали врагом рода человеческого, умел играть со своими внуками и как эти последние были привязаны к деду».

Сыновья Женни оживили дом Маркса. Несмотря на пожилой возраст, Маркс снова превращался то в коня, то в омнибус, то в сказочника.

Женни не могла налюбоваться на своих малышей. Они были ее отрадой и счастьем. В одном из писем мужу она писала: «Дети расцветают, как розы, и я вижу, как Гарри с каждым днем набирает силы. Он начинает очень интересоваться и любить все, что любит Волк (прозвище Эдгара, третьего сына Женни и Шарля Лонге.— *И. П.*), он ходит за ним из комнаты в комнату, зовя его, когда тот уходит. Маленький Эдгар — весь как настоящий солнечный лучик...» [1]

Карл Маркс и Женни были весьма опечалены, когда семья Лонге после амнистии коммунаров решила переехать во Францию. Маркс писал своему русскому другу Николаю Даниельсону: «...в моей семье сейчас царит ужасная суматоха по случаю переезда моей старшей дочери, г-жи Лонге, с детьми... в Париж, где ее муж после амнистии (все это время он занимал место преподавателя в лондонском Королевском колледже) стал одним из редакторов «Justice»... Вы понимаете, как тяжела эта разлука при нынешнем состоянии здоровья г-жи Маркс. Для нее, так же как и для меня самого, наши внуки... являлись неистощимым источником радости» [2].

Летом 1881 года очень обострилась болезнь жены Маркса. И все-таки она нашла в себе мужество предпринять вместе с Карлом Марксом поездку во Францию — повидаться с внуками. В семье Лонге Маркс с женой пробыли несколько недель. Внуки возвратили Женни бодрость и жизнерадостность. Путешествие сошло для нее благополучно, но Маркс заболел тяжелейшим бронхитом. Начиналось воспаление легких. Карл и Женни находились в разных комнатах, но как только Маркс почувствовал себя достаточно окрепшим, он пошел навестить жену. «Вместе они снова помолодели,— вспоминала Элеонора,— это были

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 34, с. 397—398.
[2] Там же, т. 35, с. 126—127.

любящая девушка и влюбленный юноша, вступающие вместе в жизнь, а не надломленный болезнью старик и умирающая старая женщина, навеки простившиеся друг с другом».

Маркс никогда не переставал восхищаться женой, он говорил, что даже в роковые дни болезни «ее глаза были выразительнее, красивее, лучезарнее, чем всегда!».

Женни Маркс не сдавалась до последних минут жизни. Уже совсем ослабев от болезни, она продолжала интересоваться революционными событиями и людьми, которые в них участвовали. «Она умирала в течение долгих месяцев и вытерпела все ужасные мучения, которые несет с собою рак,— писала о матери Элеонора В. Либкнехту.— И все же ее обычное хорошее настроение, ее неистощимый юмор... не покидал ее ни на минуту. С детским нетерпением справлялась она о ходе тогдашних выборов в Германии (1881 г.), и как она ликовала по поводу наших побед! До самой смерти она была добра и старалась шутками рассеять наши опасения. Она, так жестоко страдавшая, шутила, смеялась — смеялась над нами и над врачом, над нашими опасениями. Почти до последнего момента она была в полном сознании, и, когда больше уже не могла говорить, ее последние слова были обращены к «Карлу»,— она пожимала нам руки и пыталась улыбаться».

В этой последней улыбке, пожалуй, сильнее всего были выражены и великая любовь Женни Маркс к милым ее сердцу людям, и ее великое мужество, служившее примером для ее дочерей.

Пошатнувшееся здоровье Маркса требовало лечения. Врачи выражали надежду на благотворное влияние перемены климата и рекомендовали поездку в Алжир. Оторванный от дома, от внуков, Маркс очень скучал и, как всегда, изливал душу в письмах.

Он образно описывает щедрую, красочную природу Алжира. Маркс надеется, что дочь будет читать письма внукам и они представят себе дерево такой высоты, что кажется, будто оно упирается в небо. Или чрезвычайно спесивого павлина с великолепной синей шеей и красивейшим длинным хвостом.

«Как бы я хотел,— пишет он Женни,— чтобы в один прекрасный день ковер-самолет принес бы мне сюда Джонни. Как бы мой дорогой мальчик восхи-

щался маврами, арабами, берберами, турками, неграми,— словом, всем этим вавилоном, и костюмами...»

Когда Маркс вернулся в Лондон, Лонге отправили к нему Джонни. Сколько же рассказов услышал мальчик о жизни людей и о природе Алжира!

«Джонни весел и в общем «счастлив»,— сообщает Маркс его родителям,— хотя трогательно часто говорит о своей маме и Гарри. Под руководством Тусси он теперь снова привык каждое утро с головы до ног обливаться «холодной водой». Состояние его здоровья не оставляет желать лучшего; то, что он регулярно рано ложится спать (в 8 часов вечера), ему тоже на пользу. Ученость его достигла таких высот, что он уже разбирает «прописные буквы», а также большие римские цифры на часах» [1].

Это письмо было написано незадолго до смерти старшей дочери Маркса, Женни Лонге. Она умерла тридцати девяти лет, оставив пятерых детей, старшему из которых было семь лет, а младшей — четыре месяца.

Заботу о детях Женни взяли на себя Лафарги.

Через несколько недель, 14 марта 1883 года, в 2 часа 45 минут дня, тихо уснул в своем рабочем кресле Карл Маркс. Истерзанный жестокой борьбой с яростными врагами его идей, жизненными невзгодами, болезнями, потерей восьмерых детей и внуков, Маркс не смог перенести двух смертельных ударов — ухода из жизни страстно любимой жены и бесконечно дорогой его сердцу дочери.

Свою речь на могиле Карла Маркса Энгельс закончил пророческими словами: «Имя его и дело переживут века!»

Невозможно найти слова, чтобы рассказать о страданиях, которые вынесли Лаура и Элеонора, потеряв за короткий срок мать, отца и Женни. Но сестры были мужественными. Они продолжали самозабвенно трудиться. На долю Лауры выпала честь впервые перевести на французский язык «Коммунистический манифест», по выражению Энгельса, самый непереводимый из всех документов. Ознакомившись с переводом, сделанным Лаурой, Энгельс буквально ликовал: «Я по-настоящему рад, что ты взялась за это дело; у меня никогда не было сомнений в том, что ты

[1] Семья Маркса в письмах, с. 178.

справишься, если только возьмешься за дело как следует, и я доволен, что читаю *работу в законченном виде*... Это принесет огромную пользу движению во Франции...» [1]

Русский революционер и друг семьи Маркса Русанов сравнивал два перевода «Коммунистического манифеста» — французского профессора Андлера и Лауры Лафарг — и отмечал, что «добросовестный, близкий к подлиннику перевод ученого уступает значительно своими литературными достоинствами и даже истинным духом оригинала блестящему, грациозному и вместе сильному переводу Лауры Лафарг».

С таким же блеском Лаура перевела на французский язык «Людвига Фейербаха» и этюды Ф. Энгельса о социализме из «Анти-Дюринга», работы К. Маркса «К критике политической экономии», «Революция и контрреволюция в Германии».

Она же внесла серьезнейшие исправления в перевод на французский язык книги Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», сделанный профессиональным переводчиком Раве. Энгельс писал, что «Раве... допустил такие грубые ошибки, что Лауре Лафарг пришлось проделать колоссальную работу» [2].

Элеонора взяла на себя обязанность следить за изданием произведений отца, а после смерти Энгельса выполняла большую работу по переизданию трудов Маркса и Энгельса. Так, в 1896 году она издала в Лондоне сборник статей Энгельса, публиковавшихся в «Нью-Йоркской трибуне», под названием «Революция и контрреволюция в Германии», а в 1898 году — сборник статей Маркса и Энгельса из «Нью-Йоркской трибуны» по восточному вопросу. В том же году Элеонора опубликовала работу Маркса «Заработная плата, цена и прибыль». Большую переписку вела Элеонора с Н. Ф. Даниельсоном по поводу русского перевода третьего тома «Капитала».

Но переводы и издания произведений Маркса и Энгельса — это лишь одна грань кипучей и плодотворной деятельности дочерей Маркса. В международное рабочее и коммунистическое движение они внесли большой личный вклад, участвуя в нем как яр-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 36, с. 313.
[2] Там же, т. 38, с. 95.

кие публицисты, страстные революционные борцы, выдающиеся агитаторы и крупные политические деятели.

Тематика публицистических выступлений Элеоноры Маркс была чрезвычайно широка: законы против социалистов в Германии, рабочее движение, женский вопрос и т. д. Кажется, не существовало такой социалистической газеты, которая не доносила бы до своих читателей голос Элеоноры Маркс. В газете «Today» она была одним из редакторов и вела раздел «Сообщения о международном движении трудящихся масс», в 1894 году публиковала в газете «Уоркмен таймс» еженедельные обзоры международного рабочего движения, редактировала орган Социалистической лиги в Англии «Communwealth» и центральный орган I Интернационала «International Socialist Bulletin». Статьи Элеоноры печатались в «Justice», «Die Neue Zeit», «Arbeiter Zeitung», в журнале «Русское богатство» и других газетах и журналах.

Элеонора вела оживленную переписку с социалистами Германии, Франции, Голландии, Бельгии, Америки, России, в частности с Николаем Даниельсоном, Плехановым, Верой Засулич, Степняком-Кравчинским, Лавровым, Германом Лопатиным. Она перевела на английский язык книгу Проспера Оливье Лиссагаре «История Парижской Коммуны», которую очень высоко ценил Маркс. Перевела она и работу Г. В. Плеханова «Анархизм и социализм».

Элеонора и сама (с участием ее мужа Эвелинга) написала прекрасную книгу «Рабочее движение в Америке», выдержавшую несколько изданий. По просьбе членов группы «Освобождение труда» Элеонорой была написана статья об английских доках.

Замечательными творениями Элеоноры Маркс явились биография Маркса для «Австрийского рабочего календаря» на 1895 год и очерк о жизни Фридриха Энгельса.

По отзывам современников, Элеонора и в публицистике была истинной дочерью своего отца: она как бы унаследовала его стиль, его страсть, его безграничную любовь к людям труда и ненависть к их угнетателям. О статье Элеоноры «Английское рабочее движение», написанной для нюрнбергского «Народного календаря», В. Либкнехт писал, что автор с точностью схватил и передал основные черты англий-

ского рабочего. Ее работа продиктована сердцем. Элеонора жила и боролась вместе с английскими рабочими. Она составляет с ними одно целое и сама является как бы частицей современного английского рабочего движения.

А когда в 1892 году Каутский попросил Энгельса написать статью по истории социалистических организаций Англии, тот рекомендовал обратиться к Элеоноре, так как считал, что только она может справиться с этим делом.

Это лишь отдельные штрихи литературной, научной и публицистической деятельности дочерей Маркса, далеко не исчерпывающие содержания их кипучей, страстной работы. Во всем этом очень хорошо прослеживается результат семейного воспитания дочерей Маркса, влияния на них родителей, и не только в выборе рода деятельности, но и в стиле работы, в подходе к делу, в умении всегда оставаться на принципиальных пролетарских позициях.

Деятельность дочерей Маркса была тесно связана с работой I и II Интернационалов, они принимали активное участие в работе его секций. Их судьбы и революционная работа переплелись с судьбами революционных борцов многих стран.

Элеонора с восемнадцати лет активно включается в борьбу английских рабочих и становится одним из выдающихся пропагандистов марксистских идей, бессмертного учения Маркса и Энгельса. Современник Элеоноры писал о ней: «Было бы трудно найти такую рабочую трибуну в Англии, где бы она не выступала. В Лондоне и провинции ее активность была беспредельна... С тех пор, как в Гайд-парке стали праздновать 1 Мая — праздник труда, я думаю, она ни разу не пропустила случая принять участие в этих манифестациях».

Весь свой большой талант организатора, агитатора и пропагандиста, всю свою энергию Элеонора отдала работе среди английского народа, политической и профессиональной организации английских рабочих, защите их интересов.

После смерти Маркса узы отеческой любви и дружбы, связывавшие дочерей Маркса с Энгельсом, стали еще более крепкими. Лаура постоянно переписывалась с Энгельсом. Значительная часть их писем сохранилась.

Однажды Елена Демут пожаловалась Лауре, что Энгельс крайне переутомляется, совершенно не следит за своим здоровьем. Встревоженная Лаура тотчас написала Энгельсу письмо и осыпала его горькими упреками по этому поводу: «Как же ты будешь выполнять ту работу, которую оставил для тебя наш дорогой Мавр? И кто ее сделает, если ты тяжело заболеешь?»

Лаура сознательно выдвинула этот аргумент. Для Энгельса ничего не было дороже памяти друга. И он, конечно, понимал, что только ему одному по силам доработать и подготовить к изданию работы Маркса.

В этом сложнейшем труде Лаура подбадривала Энгельса выражением искренней и горячей благодарности. После выхода в свет второго тома «Капитала» она писала: «Не только я благодарю тебя за проделанную тобой работу, все наши социалисты, социалисты всех стран должны выразить тебе глубочайшую признательность».

После смерти Маркса Энгельс с особой нежностью продолжал заботиться о его дочерях. В своих воспоминаниях об Энгельсе жена Плеханова пишет, что Георгия Валентиновича необычайно восхитило нежное и заботливое отношение Энгельса к Элеоноре.

В 1884 году Элеонора вышла замуж за английского социалиста и драматурга Эдуарда Эвелинга.

Эвелинг вместе с Самюэлом Муром перевел на английский язык «Капитал» Маркса. Его пьесы ставились на профессиональных сценах. Он восхищал Элеонору и своим ораторским искусством.

Эдуарда, в свою очередь, очаровала деятельная дочь великого Карла Маркса и ближайший друг Энгельса. Элеонора была привлекательна, образованна, умна, талантлива, добра, пользовалась большим уважением всех видных деятелей социалистических партий, имела колоссальный авторитет среди английских пролетариев.

Признавать и чтить теорию социализма означало для Элеоноры постоянно действовать. В периоды своих агитационных поездок в Америку, Голландию, Шотландию Элеонора Маркс страстно ратовала за создание единой политической партии рабочего класса, выступала в газетах с описанием жестокой

эксплуатации рабочих в этих странах. И когда в 70—90-х годах такие пролетарские партии начали складываться в Америке, Англии, Германии, Франции, Италии и других странах, Элеонора была по-настоящему счастлива.

Элеонора вместе с Энгельсом принимала горячее участие в подготовке Парижского конгресса II Интернационала.

Она была делегатом VIII съезда Французской рабочей партии и съезда германской социал-демократической партии в Галле. К тому времени ее авторитет настолько возрос, что одно из заседаний конгресса Французской рабочей партии проходило под ее председательством.

Элеонора была также активным участником второго и третьего конгрессов II Интернационала. На третьем конгрессе в Цюрихе почетным председателем последнего заседания был избран Энгельс. Он же закрывал конгресс заключительной речью. На этом заседании английская делегация рабочих преподнесла Элеоноре Маркс золотые часы за ее работу в качестве переводчицы.

Она была одним из организаторов и руководителей Социал-демократической федерации в Англии, участвовала в создании профсоюзов неквалифицированных рабочих и чернорабочих, организовывала их забастовки, работала в забастовочных комитетах чернорабочих, докеров и рабочих-газовщиков, участвовала в первомайских демонстрациях.

Во время стачки в Силвертауне, на окраине восточной части Лондона, Элеонора создала профессиональную организацию женщин и девушек.

Энгельс по-отечески был привязан к Элеоноре и всячески помогал ей в кипучей революционной деятельности. Именно к нему прибегала Элеонора после выступлений на рабочих митингах, с ним она делилась результатами своих пропагандистских поездок по Америке, Ирландии и Шотландии, ему первому читала свои пламенные статьи по проблемам международного революционного движения.

С Энгельсом делилась Элеонора своими впечатлениями о встречах с великим английским драматургом Бернардом Шоу, с писателем-фантастом Гербертом Уэллсом, со знаменитыми тогда английскими общественными деятелями супругами Беатрисой и Сиднеем

Вебб, авторами книг по историн английского рабочего движения[1].

К семидесятилетию Энгельса Элеонора по просьбе австрийской газеты написала статью, которая и до сих пор является одним нз лучшнх произведений о верном друге и соратннке Маркса. В этой статье, в частности, Элеонора пнсала: «Со всеми трудностямн, которые встречаются у каждого из нас, работающнх для блага народа, мы идем к Энгельсу, и никогда наши обращения к нему не бывают безрезультатными».

Энгельс и Элеонора Маркс вместе принимали в доме Энгельса Георгия Плеханова, Веру Засулич, бесстрашного народовольца, автора нашумевшего романа «Андрей Кожухов» Сергея Степняка-Кравчннского, убнвшего шефа русскнх жандармов Мезенцева.

Элеонора Маркс была блнжайшнм соратником и другом Энгельса до последних дней его жизни. Снльная рука «второго отца» всегда была для Элеоноры надежной опорой. И не было предела ее страданию, когда, вернувшись из Ноттингема, где она агитнровала за создание незавнснмой рабочей партин, Элеонора застала Энгельса умирающим.

Через несколько дней Энгельса не стало. Это случилось 5 августа 1895 года. У гроба Энгельса было много венков, прнсланных из Германин, Австрнн, Франции, Англин, Италии, Бельгин, Голландии, Россни, Польши, Болгарин.

После смертн Энгельса Элеонора выполняла огромную работу по подготовке к четвертому конгрессу II Интернацнонала и участвовала в нем. На этом конгрессе впервые присутствовали представителн русских рабочих организацнй, которым было оказано большое внимание н выражено уважение в специальной резолюцни.

На конгрессе Элеонора прнобрела множество новых друзей.

В таком бурном кипеннн протекала жнзнь младшей дочери Карла Маркса, Элеоноры. Она всегда находнлась в центре полнтнческих событий, была подлнной профессиональной революционеркой и вела еще

[1] Вебб, Беатриса и Сидией,— авторы книги «Теория и практика английского тред-юнионизма», предисловие к I тому которой иаписал В. И. Леиин. В 1932 г. Веббы посетили Советский Союз, издали книгу «Правда о Советской России».

большую научную работу как литературовед, немало трудилась для того, чтобы заработать на жизнь.

Дочерям Маркса принадлежит неоценимая заслуга перед человечеством в сохранении и издании литературного наследства Маркса и Энгельса. Под контролем Лауры проходила публикация переписки Маркса и Энгельса. Издатель Диц присылал ей корректуры, и она подписывала к изданию каждый лист.

После того как умер Энгельс и ушла из жизни Элеонора, Лафарги остались единственными хранителями бесценного наследства. Лаура активно боролась с враждебным вмешательством оппортунистов, в частности Э. Бернштейна, которые пытались при издании книг, статей и писем Маркса и Энгельса подвергнуть их учение ревизии.

Лаура Лафарг была энергичной участницей международного женского движения и защитницей интересов угнетенных женщин. Она стремилась пробудить у трудящихся женщин разных стран классовое самосознание. Лаура выступала с горячими статьями по женскому вопросу в американской газете «Европейский корреспондент», в немецкой «Рабочей газете».

Постоянная тревога за Поля, общая революционная борьба, взаимная моральная поддержка еще более усилили любовь Лауры к мужу. И когда он, состарившись, решил уйти из жизни, чтобы не быть балластом в партии, она ушла вместе с ним.

На похоронах Лауры и Поля Лафаргов присутствовали Владимир Ильич Ленин и Надежда Константиновна Крупская, которые жили тогда в эмиграции в Париже. От имени РСДРП В. И. Ленин сказал теплое прощальное слово.

Дочери Маркса — Женни, Лаура и Элеонора — прожили жизнь мужественно и красиво, изведав счастье борьбы, труда и любви.

Человечество всегда будет им благодарно за беззаветный труд, за их бесстрашную и неутомимую революционную борьбу. Пример родителей, авторитет родителей, идеалы, зажженные в семье, неизменно были для них путеводной звездой.

ВЕЛИЧИЕ ДУШИ

Учителя, родители и молодежь часто спрашивают нас, работников педагогической науки:

Как сумели Мария Александровна и Илья Николаевич Ульяновы вырастить всех шестерых детей всесторонне развитыми людьми, бесстрашными революционерами?

Была ли в семье Ульяновых продуманная система семейного воспитания, или педагогические удачи родителей — счастливая случайность?

Как совмещал Илья Николаевич Ульянов громадную работу по инспектированию и строительству школ в Симбирской губернии с воспитанием детей? Или воспитанием занималась только мать?

Подобных вопросов возникает множество, и это понятно: никогда не иссякнет интерес к семье, в которой рос и воспитывался Ленин. Из светлого источника опыта воспитания в семье Ульяновых люди хотят почерпнуть полезное, необходимое.

С тех пор как Илья Николаевич и Мария Александровна Ульяновы ушли из жизни, прошло много лет. Мы отметили 110-ю годовщину со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Но опыт семейного воспитания Ульяновых имеет непреходящую ценность.

СЕМЬЯ УЛЬЯНОВЫХ

На крыльцо небольшого деревянного дома вышли черноглазый юноша в гимназической форме и девушка в коричневом платье с белым воротничком и в темном фартуке. Вероятно, кто-то из них сострил, потому что оба громко рассмеялись.

Вскоре они расстались. Юноша свернул влево к калитке, а девушка побежала прямо через фруктовый сад.

Им вслед из открытого окна смотрела красивая женщина с кружевной наколкой на голове. Это Мария Александровна Ульянова провожала детей в гимназию.

Дети Ульяновых учились в мужской и женской гимназиях Симбирска. Мужскую — возглавлял Федор Керенский, отец небезызвестного впоследствии врага социалистической революции Александра Керенского.

Во всех гимназиях в те времена висели портреты царей и высочайших особ. Облаченные в золотые ризы священники служили в их честь торжественные молебны. Гимназисты и гимназистки слушали проповеди о царских милостях и щедротах. Изо дня в день на уроках и в молитвах детям внушалось, что все существующее вечно и справедливо и определено богом.

Симбирск конца XIX века был типичным губернским городом Российской империи. Мария Ильинична впоследствии рассказывала: «Дворянство водило компанию в своей среде, соря деньгами, проводя жизнь в роскоши, празднествах и безделии. Освободительные реформы 60-х годов не могли не нанести ущерба его материальному благополучию, и понятно, что все стремления реакционной части дворянства были направлены на то, чтобы эти реформы не были проведены в жизнь. Таково было, несомненно, желание громадного большинства дворянского сословия...

Реакционно настроенное дворянство в своем большинстве было одной частью симбирского общества,

а другой его частью было чиновничество, поддерживающее знакомство по ведомствам, строго придерживаясь табели о рангах».

Стремление к просвещению, к духовной культуре у симбирского общества было незначительным.

Казалось бы, пропитанная духом монархизма и религии гимназическая обстановка должна была задушить в юном поколении могучую силу молодости, энергию ума, жажду поиска истины. Но с детьми Ульяновых этого не случилось. Причиной тому — семья. Илья Николаевич и Мария Александровна Ульяновы были культурными, прогрессивно настроенными людьми. Их жизнь была насыщена книгами, трудом, музыкой, общественными интересами.

История нашей Родины не знает другого такого примера, чтобы одна семья за одно поколение дала человечеству столь яркую плеяду выдающихся деятелей революционного движения, людей разносторонне развитых и образованных, обладающих талантом великолепных организаторов, волей и мужеством бесстрашных борцов.

Старший сын Ульяновых — Александр. За свою короткую жизнь получил две золотые медали: одну — за блестящее окончание гимназии, другую — за победу в научном конкурсе студентов-естественников. Никто не сомневался, что его оставят при кафедре Петербургского университета для подготовки к профессорской деятельности.

Свои жизненные принципы Александр Ульянов изложил еще в гимназическом сочинении «Что требуется для того, чтобы быть полезным обществу и государству». Он отмечал, что человеку нужны: честность, привычка к настойчивому труду, твердость характера, ум и знания. Все эти черты Александр упорно развивал в себе, и, надо думать, эти принципы оформились в сознании молодого человека не без благотворного влияния семьи.

В Петербурге студента Александра Ульянова избрали в совет и научный отдел студенческого научно-литературного общества. В 1886 году он вошел в Совет Союза землячеств Петербурга. Одновременно Александр был членом «экономического» кружка, в котором разбирались вопросы о политической свободе, о роли различных классов в революционной борьбе, изучалась история германской социал-демократиче-

ской партии. Кружок ставил своей целью также подготовку студенчества к общественным выступлениям и актам протеста. Александр занимался с несколькими группами рабочих по политико-экономическим вопросам, знакомил их с произведениями К. Маркса и Ф. Энгельса. Он перевел на русский язык статью К. Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение». Ему уже становилось понятным, что марксистские идеи применимы в России, что именно рабочий класс призван сыграть главную роль в ее социалистическом преобразовании. Но он еще не успел полностью освободиться от влияния народовольческих идей. Ему казалось, что убийство царя непременно приведет к социальным реформам, которые облегчат жизнь народа.

Александр с поразительным бесстрашием готовился к свершению террористического акта, вместе со своими соратниками разрабатывал план покушения на царя Александра III. Он очень мужественно держал себя и на суде Особого присутствия Правительствующего сената.

«Не только ничего в оправдание себя он не произнес, но он брал на себя, где мог, вину других» [1],— писала в своих воспоминаниях Анна Ильинична.

Александр Ульянов утверждал, что его интеллектуальное и нравственное участие в этом деле было в полном соответствии с его убеждениями. Он отказался от защитника и на суде сам произнес защитительную речь.

«Известно, что у нас дается возможность развивать умственные силы, но не дается возможности употреблять их на служение родине»,— заявил на суде Александр Ульянов. В этой своей последней в жизни речи он говорил о тех причинах, которые привели его на дорогу самоотверженной борьбы с царским самодержавием, о том, как назревавшее в нем недовольство существующим строем после изучения общественных и экономических наук укрепилось и «смутные мечтания о свободе, равенстве и братстве вылились... в строго научные и именно социалистические формы». «Я понял, что изменение общественного строя не только возможно, но даже неизбежно».

Анна Ильинична впоследствии писала, что речь,

[1] *Иванский* А. Молодой Ленин. Повесть в документах и мемуарах. М., 1964, с. 289.

произнесенная ее братом, произвела очень сильное впечатление: ее сравнивали с речью Желябова[1]...

«...Кое-что из речи Александра Ильича, из его поведения и выступлений на суде просочилось еще и тогда, окружив его личность ореолом, и передавалось устно, служа примером для молодежи».

Старшая дочь Ульяновых — Анна — окончила гимназию с большой серебряной медалью и приняла решение идти по пути отца — служить на ниве народного просвещения.

Много было пережито молодой девушкой. Арест — в один день с братом Александром. После ареста — ссылка. В Кокушкине Анна Ильинична вместе с матерью бывала в семьях крестьян, разъясняла, как выхаживать и воспитывать детей, дежурила в качестве сестры милосердия у изголовья больных холерой крестьян. А за ней не переставали следить полицейские. Жизнь Анны Ильиничны до самого свержения самодержавия была отражена в донесениях, протоколах допросов, обвинительных заключениях. Вся молодость Ани Ульяновой прошла в условиях гласного и негласного надзора. Полицейские появлялись в ее комнате в любое время дня и ночи. Много раз она сидела в тюрьмах, жила в эмиграции, но ничто не могло остановить горячего стремления Анны Ильиничны к революционной деятельности. Она была активной участницей «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», организатором большевистского подполья в Томске, Самаре, Киеве, Саратове. С ее именем связана деятельность большевистских газет «Искра», «Вперед», «Пролетарий», «Правда», становление старейшего в нашей стране общественно-политического журнала «Работница».

После Февральской революции 1917 года Анна Ильинична стала секретарем «Правды», затем редактором журнала «Ткач». Она участвовала в подготовке Великой Октябрьской социалистической революции. В первые годы Советской власти работала в Наркомсобесе и Наркомпросе.

Анна Ильинична — один из организаторов Истпарта и Института В. И. Ленина; до конца 1932 года — научный сотрудник ИМЭЛ, секретарь и член редакции журнала «Пролетарская революция». Мы благодарны

[1] Руководитель «Народиой воли», погибший иа виселице.

Анне Ильиничне за многие книги, которые помогают нам глубже познать жизнь и величие Ленина.

Владимир Ильич был средним сыном Марии Александровны и Ильи Николаевича Ульяновых.

Хорошо известны слова Володи Ульянова, сказанные после того, как он узнал о казни брата: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти».

Володе было тогда семнадцать лет.

Анна Ильинична писала о своих братьях: «Александр Ильич погиб как герой, и кровь его заревом революционного пожара озарила путь следующего за ним брата Владимира».

Семнадцати лет Владимир Ильич в первый раз был арестован. В своей незаконченной автобиографии он писал:

«В декабре 1887 г. я был первый раз арестован и исключен из Казанского университета за студенческие волнения; затем выслан из Казани.

В декабре 1895 г. арестован второй раз за социал-демократическую пропаганду среди рабочих в Питере» [1].

Двадцати трех лет Владимир Ильич появился в Петербурге и очень быстро завоевал души и умы прогрессивной молодежи.

Г. М. Кржижановский вспоминал:

«Верная и бестрепетная рука молодого гения открывала завесу грядущего и направляла нашу волю в такое русло, где самое слово перерастало в историческое дело... Ленин юных лет находился как бы в прямой знаменательной перекличке со своим гениальным первоучителем К. Марксом...

Юность Владимира Ильича — это юность нашей Коммунистической партии, крепнувшей и зревшей в могучем резонансе с ходом его великой жизни» [2].

Наследие Владимира Ильича неисчерпаемо. В памяти благодарного человечества он будет жить в веках.

Оля Ульянова появилась на свет через полтора года после Володи. У брата и сестры в детстве были общие игры, забавы, потом книги, мысли, волнения. Оля Ульянова окончила гимназию (так же, как и братья) с золотой медалью. Анна Ильинична говорила, что у сестры была глубокая и серьезная натура. Оля блестяще играла на рояле, пела, рисовала, делала лите-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 21.

[2] *Кржижановский Г.* Великий Ленин. М., 1956, с. 12—13, 14.

ратурные переводы художественных произведений, страстно увлекалась математикой, химией и астрономией. В 18 лет она превосходно знала немецкий, английский, французский языки. У нее было огромное желание стать учительницей народной школы или врачом. Она мечтала как можно больше принести пользы людям. Ольга решила учиться в Гельсингфорсе и для этого изучила шведский язык.

Позднее выяснилось, что для поступления в Гельсингфорсский университет требуется еще знание финского языка. И Ольга, не желая терять годы, поступает на Высшие женские курсы, с тем чтобы получить право учительствовать.

Девушка с увлечением изучала труды К. Маркса. Сохранился написанный ее рукой конспект третьей главы «Капитала».

Оля всегда понимала взгляды и устремления брата. Вместе с Володей они читали запрещенную литературу, переводили с французского «Нищету философии» К. Маркса, вместе пели на французском языке «Марсельезу». Нет никакого сомнения, что Ольгу ждало будущее видного общественного деятеля, она отдалась бы революции так же страстно, как отдавалась каждому делу, которое становилось для нее дорогим.

Но весной 1891 года в Петербурге Оля заболела брюшным тифом. Болезнь протекала тяжело. За сестрой заботливо ухаживал Владимир Ильич. Когда болезнь осложнилась рожистым воспалением, он увез ее в Александровскую больницу и вызвал мать. Оля Ульянова умерла, когда ей было девятнадцать лет.

З. П. Невзорова-Кржижановская вспоминала: «...В ветреный и сырой питерский день шли мы за гробом слушательницы Высших женских курсов Ольги Ульяновой.

У меня сердце разрывалось от жалости. Невыносимо было хоронить Олю, чудесную 19-летнюю девушку, умницу, только что развертывавшую свои блестящие способности, милого товарища, так нелепо погибшего» [1].

Так переживала смерть Оли ее подруга. Что же говорить о чувствах Марии Александровны и Владимира Ильича?

---

[1] *Невзорова-Кржижановская З. П.* Воспоминания о М. И. Ульяновой.— Исторический архив, 1958, № 2, с. 164.

Младшую дочь Ульяиовы иазвали Марией. Она очеиь рано вступила иа путь революциоииой борьбы и так же, как ее братья и старшая сестра, обладала бесстрашием, выдержкой и редчайшей иаходчивостью при выполиеиии партийных заданий. Мария Ильинична в восемнадцать лет уже была связиой между братом, заключеиным в Петербургскую тюрьму, и «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Она была сотрудницей большевистской газеты «Искра».

Семь раз царская охранка бросала Марию Ильиничну в тюрьмы, ссылала в отдалеииые губериии, держала под гласным надзором полиции. Вся ее молодость — это трудиое молчание иа допросах, пребываиие в карцере, разгадывание хитроумных провокаций жаидармов, искусиейшая конспирация и постоянный риск.

И вместе с тем Мария Ильииична постояиио училась. Владимир Ильич прислал ей из тюрьмы программу заиятий по изучеиию марксизма, и оиа настойчиво усваивала зиаиия по этой программе, неутомимо совершеиствовалась в иностраиных языках. Мария Ильиничиа выезжала в Брюссель, а затем во Фраицию для получеиия высшего образоваиия; ей был выдаи аттестат преподавательиицы фраицузского языка. В 1907 году Мария Ильиничиа перевела опубликоваииые в иемецком социал-демократическом ежеиедельиике «Новое время» знаменитые письма Карла Маркса Кугельмаиу, которые были изданы отдельиой брошюрой с предисловием Владимира Ильича. Эта брошюра сыграла большую роль в борьбе с меиьшевиками.

При Советской власти Мария Ильинична была члеиом Цеитральиой Коитрольиой Комиссии, потом Комиссии советского контроля, заведовала бюро жалоб ЦИК СССР, миого лет работала в «Правде».

Это была предаииейшая соратиица В. И. Лениив, беззаветиая тружеиица, любимица людей, человек большой души.

На II съезд РСДРП делегатом от Тулы был избран Дмитрий Ильич Ульяиов. Он участвовал в транспортировке «Искры», миого раз подвергался полицейским репрессиям, сидел в московской Тагаиской тюрьме, Одесском тюремиом замке и киевской крепости Лукьяиовке. В дни революции 1905—1907 годов ои — член Симбирского комитета большевиков.

Революционную пропаганду и партийную работу Дмитрий Ильич постоянно совмещал с врачебной деятельностью. Еще юношей он стремился к самому трудному и опасному в профессии врача — к борьбе с холерой и другими эпидемиями. Во время империалистической войны в 1914—1917 годах был военным врачом и вел революционную работу среди солдат и матросов. В годы гражданской войны Дмитрий Ильич проникал в тыл белогвардейцев, оперировал раненых красных партизан, которые скрывались в мамайских штольнях. Потом в рядах Красной Армии громил Врангеля и утверждал в Крыму Советскую власть. В Евпатории Дмитрий Ильич Ульянов был избран членом городского комитета большевиков и членом ревкома, а затем членом Крымского обкома партии. Открывал первые в Советском государстве курорты для воинов Красной Армии, рабочих и крестьян.

Потом Дмитрий Ильич был на руководящей работе в Наркомздраве, преподавал в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова, много сделал для организации важнейших направлений советского здравоохранения — санитарного и курортного дела. Им написаны в этой области научные труды.

Такими выросли дети в большой дружной семье Ульяновых.

Главой семьи был Илья Николаевич Ульянов, сначала инспектор, а потом директор народных училищ Симбирской губернии.

Дед Ильи Николаевича был крепостным крестьянином, отец числился как государственный крестьянин, а затем был приписан к мещанскому сословию и занимался портняжным ремеслом в Астрахани. Он скончался, когда Илье Николаевичу было пять лет. Единственным кормильцем семьи остался семнадцатилетний брат Василий. Об этом удивительном юноше Илья Николаевич много раз с чувством горячей благодарности рассказывал жене и детям.

«Не раз в жизни вспоминал Илья Николаевич с благодарностью брата, заменившего ему отца, и нам, детям своим, говорил, как обязан он брату,— писала в своих воспоминаниях Анна Ильинична.— Он рассказывал нам, что Василию Николаевичу самому хотелось очень учиться, но умер отец, и он еще в очень молодых годах остался единственным кормильцем

семьи, состоявшей из матери, двух сестер и маленького брата...» Василий вынужден был «оставить мечты об образовании. Но он решил, что, если самому ему учиться не пришлось, он даст образование брату, и по окончании последним гимназии отправил его в Казань, в университет, и помогал ему и там, пока Илья Николаевич, с детства приученный к труду, не стал сам содержать себя уроками.

Василий Николаевич не имел своей семьи и всю жизнь отдал матери, сестрам и брату».

Надо полагать, что такой великолепный образец ранней самостоятельности Василия Николаевича (принял в семнадцать лет на свои плечи заботы о семье) и самоотверженности (навсегда отказался от личной жизни во имя брата) очень благоприятно влиял на детей Ульяновых. Тем более, что они знали о дяде не только по рассказам отца. Мария Александровна с Аней и Сашей ездили в Астрахань повидаться с родными мужа и сказать свое сердечное спасибо его старшему брату.

Илья Николаевич относился к тем людям, которые умели ценить заботу. Он отвечал брату не только преданностью и любовью, но и прилежанием в учении.

За время обучения в астраханской гимназии Илья Ульянов несколько раз награждался. Он окончил курс с серебряной медалью. Тем не менее в выданном свидетельстве, подтверждавшем отличное поведение и хорошие оценки, указывалось, что «*Ульянову,* как происходящему из податного состояния, не представляется тем никаких прав для вступления в гражданскую службу».

Преодолевая огромные препятствия, Илья Николаевич добился поступления в Казанский университет. Окончил он его блестяще, доказав своим примером, на что могут быть способны люди «податного состояния».

Для своих детей он всегда служил образцом твердости и величайшего трудолюбия, доброты и принципиальности, настойчивости, требовательности к себе и другим.

Илья Николаевич начал свою педагогическую деятельность в Пензенском дворянском институте. Там он работал старшим преподавателем физики и математики, и, кроме того, на него была возложена обязанность заведовать метеорологическими наблюдениями. В те годы И. Н. Ульянов написал научную работу «О гро-

зе и громоотводах». Но работать в Пензенском дворянском институте Илье Николаевичу вскоре стало невыносимо. М. И. Ульянова в своей книге «О В. И. Ленине и семье Ульяновых» приводит следующее сообщение М. Молебнова, основанное на данных архивного фонда Пензенского дворянского института:

«Последние годы службы И. Н. Ульянова в институте протекали в крайне неблагоприятной обстановке... Материальная необеспеченность института... расшатала учебное дело. В 1862 году половина учеников осталась на второй год... Исключение, порка розгами стали единственными методами воспитания» [1].

Илья Николаевич подал прошение о переводе его на работу в Нижний Новгород. Его просьба была удовлетворена.

Осенью 1863 года, вскоре после счастливой женитьбы на Марии Александровне Бланк, Илья Николаевич переехал в Нижний Новгород. Там он ревностно трудился над педагогической теорией, над методикой обучения и воспитания детей в народной школе, над проблемами школоведения, преподавал в мужской и женской гимназиях и на землемерно-таксаторских курсах, исполнял обязанности воспитателя в Александровском институте. Но этого ему казалось слишком мало. Его одолевала жажда широкой деятельности. И, оставив один из культурных городов Поволжья, И. Н. Ульянов вместе с семьей переезжает в Симбирск, куда получил назначение инспектором народных училищ.

Мария Ильинична в своих воспоминаниях называет Симбирск более глухим, чем Нижний Новгород, захолустным, провинциальным городком.

Что побудило И. Н. Ульянова к переезду? Мария Ильинична высказывает предположение, что объяснение нужно искать в особенностях эпохи, в настроении передового общества того времени.

Это была эпоха освободительного движения 60-х годов. Сознание необходимости работать в народе и для народа, который нужно было просветить и вывести из темноты, нищеты и бесправия, широко охватило все передовое общество России в эту эпоху.

Вся Россия говорила об образовании. Лучшие писатели и педагоги того времени: Н. Пирогов, Л. Толстой, К. Ушинский и другие — писали по вопросам об-

[1] *Ульянова М. И.* О Владимире Ильиче Ленине и семье Ульяновых. М., 1978, с. 224.

разоваиия. Возиикали иовые школы, причем иекоторые из иих имели показательный характер, в частиости школа Л. Толстого в Ясной Поляие. Организовывались народные библиотеки и воскресиые школы для рабочих.

Илья Николаевич, происходивший из «податиого состояиия», с раииих лет зиакомый с трудиостями образоваиия простого народа, человек идейный и гумаиный, одушевлеииый лучшими идеями коица 60-х и иачала 70-х годов, ие мог остаться глух к освободительному движеиию, к вызваниой этим движеиием тяге к просвещеиию народа.

Педагогическая работа в средиих учебных заведениях перестала удовлетворять Илью Николаевича. Ему захотелось «поля работы пошире и хотелось примеиять ее ие для более обеспеченных учеииков гимиазии, а для самых иуждающихся, для тех, кому всего труднее получить образоваиие, для детей вчерашиих рабов»[1].

В Симбирске в полной мере развернулся его яркий талаит педагога, методиста, зиатока детской психологии, школоведа и оргаиизатора.

Свою методику обучеиия детей Илья Николаевич Ульянов проверял в сотиях школ и радовался хорошим результатам. Ои ие только пропагандировал, но в какой-то мере виедрял в практику иародных школ того времени идею всестороииего развития детей, настаивал иа обучении девочек, доказывая, что если оии остаиутся неграмотными, то ие смогут обеспечить хорошего воспитания последующему поколеиию. Илья Николаевич самоотвержеиио добивался открытия иовых школ.

Директор народных училищ И. Н. Ульянов вырастил плеяду своих последователей и вместе с иими создал сотни иовых школ, основаниых иа самых прогрессивиых принципах. Время его деятельиости в Симбирской губериии называли ульяновским времеием, а учителей, которых ои вырастил и вооружил новаторскими идеями,— ульяиовцами.

Илья Николаевич был педагог-борец, у которого иовая педагогическая мысль иеизмеиио сочеталась с борьбой за ее осуществление, с почти жертвенным трудом на ниве народиого просвещения. За шестиад-

[1] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспомииаиия об Ильиче.— В ки.: Воспомииаиия о Владимире Ильиче Ленине. В 5-ти т. М., 1968, т. 1, с. 19—20.

цать лет его деятельности в губернии количество учащихся увеличилось более чем в 2 раза. Это была поистине горячая, неутомимая борьба. Это было единство призывов и действия.

Говорят, что секрет педагогических успехов Ильи Николаевича заключался в умелом претворении в жизнь идей революционных демократов Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева и классиков русской педагогики К. Д. Ушинского и Н. И. Пирогова. Это справедливо. Но успех завоевывался потому, что идеи революционных демократов и прогрессивных педагогов были прочувствованы сердцем и применялись творчески.

Сила Ильи Николаевича Ульянова как неустанного деятеля на ниве народного просвещения заключалась в его преданнейшей любви к отечеству, к народу, в неутомимой энергии и страстном желании служить людям.

Немало бодрости и энергии Илья Николаевич черпал в своей семье, душой которой была верная подруга его жизни, красивая, мудрая женщина, на редкость талантливая мать — Мария Александровна Ульянова. Ее любовь к мужу и детям была пламенной, разумной и деятельной.

Мария Александровна росла сиротой. Трехлетней девочкой она лишилась матери и воспитывалась в деревне Кокушкино Казанской губернии отцом и теткой. Одаренная, серьезная и вдумчивая девушка немало думала о роли семейного воспитания в формировании человеческого характера. Она глубоко осознала все величие и значимость материнского долга. Ей было очевидно, что одним из главных условий выполнения этого долга является систематическое, глубокое образование.

В Кокушкине школы не было. Выехать для обучения в город Мария Александровна не могла из-за отсутствия средств, а учиться очень хотелось, и она занялась самообразованием. С помощью тетки Катерины Ивановны Эссен она овладела немецким, французским, английским языками, самостоятельно изучила русскую и западную литературу, другие науки гимназического курса. Затем выехала в Самару и сдала экстерном экзамены на звание домашней учительницы.

Конечно, тут сыграла огромную роль талантливость Марии Александровны, но надо заметить, что она

росла в среде демократически настроенной интеллигенции, где самообразование, стремление к широким, разносторонним знаниям были жизненной нормой, где учились не только для собственного удовольствия, но сознавая, что образованный человек принесет больше пользы своему народу.

Так же самостоятельно девушка училась музыке. Ею было сыграно на рояле бесчисленное множество упражнений, этюдов, пьес. Рояль стоял в сенях, которые плохо отапливались. Девушка порой играла окоченевшими пальцами. Какое же упорство и терпение проявила она!

Мария Александровна научилась рукоделию, шила, вышивала. Кто же будет обшивать детей, создавать уют в доме? Конечно, мать. Может быть, эти стремления были подсознательными? Едва ли. Уж очень настойчиво она совершенствовала себя, готовясь к будущей семейной жизни. У Марии Александровны складывался волевой, целеустремленный, сильный характер. Его, как главное наследство, она сумела передать детям.

В своих воспоминаниях Мария Ильинична пишет:

«По наружности Мария Александровна была очень красива: правильные черты лица, умные, выразительные глаза, приветливое, спокойное и в то же время какое-то величавое выражение лица. Во всем ее существе чувствовалась большая нравственная сила, выдержка и цельность».

Старшая дочь Ульяновых Анна Ильинична вспоминала, что ее мать отличалась ровным, твердым характером и в то же время веселым и приветливым нравом.

Нет сомнения, что все эти черты характера, эта выдержка, огромная внутренняя сила были результатом длительной работы над собой. Мария Александровна обладала редким обаянием, всем с ней было хорошо, уютно, весело. Но вместе с тем все охотно подчинялись ее порой жестковатым требованиям, твердому порядку жизни, который она установила.

Надежда Константиновна Крупская писала, что свою силу воли Владимир Ильич унаследовал от матери.

Сам Владимир Ильич искренне восхищался силой характера матери.

Мария Александровна была большим другом мужа и детей. Часами слушала она рассказы Ильи

Николаевича о встречах с учителями и крестьянами, о его планах создания новых школ, радовалась вместе с ним успехам, горевала, когда в ответ на его настоятельные просьбы об отпуске средств на дело народного просвещения он получал отказы. Мария Александровна так глубоко прониклась интересами своего мужа, интересами народного просвещения, что и сама захотела работать с учениками. Она стала попечительницей одной из приходских школ. В фондах Дома-музея В. И. Ленина в Ульяновске хранятся воспоминания Елизаветы Осиповны Педенко, которая училась в этой школе и впоследствии стала близкой подругой Оли Ульяновой. Е. О. Педенко рассказывает, что Мария Александровна как попечительница часто бывала в их школе, интересовалась успехами девочек в ученни, «входила в их семейное положение и многим помогала».

Мария Александровна немало сделала и для учеников кокушкинской школы. Сейчас эта школа носит ее имя.

В воспитании детей Илья Николаевич и Мария Александровна Ульяновы руководствовались прогрессивными педагогическими принципами, провозглашенными в трудах выдающихся русских педагогов К. Д. Ушинского и Н. И. Пирогова и революционных демократов. Все методы и средства воспитания детей в семье Ульяновых были направлены на обогащение ума, чувств, укрепление здоровья, развитие индивидуальности.

Всю себя отдавала Мария Александровна детям. Анна Ильинична вспоминает:

«Помню зимние вечера, игру матери на фортепиано, которую я любила слушать, сидя на полу подле ее юбки, и ее постоянное общество, ее участие в наших играх, прогулках, во всей нашей жизни...

Особенно ясно запечатлелась ее игра с нами в нашем зальце и одновременно столовой на стульях, изображавших тройку и сани. Брат сидел за кучера, с увлечением помахивая кнутиком, я с мамой сзади, и она оживленно рисовала нам краткими понятными словами зимнюю дорогу, лес, дорожные встречи. Мы оба наслаждались. Ясно вставали перед глазами описываемые ею сцены. Мое детское сердчишко было переполнено чувством благодарности к матери за такую чудную игру и восхищения перед ней. Могу с уверен-

ностью сказать, что никакой артист в моей последующей жизни не пробудил в моей душе такого восхищения и не дал таких счастливых, поэтических минут, как эта бесхитростная игра с нами матери. Объяснялось такое впечатление, кроме присущего матери живого воображения, несомненно, еще и тем, что она искренно входила в нашу игру, в наши интересы, умела для того, чтобы доставить нам радость, увлечься и сама, а не снисходила до игры».

Может быть, именно поэтому она всегда выглядела очень молодой, оживленной, подвижной, жизнерадостной. Дети не старили, а молодили Марию Александровну.

Илья Николаевич и Мария Александровна сумели сделать детство своих сыновей и дочерей поистине золотым: радостным, счастливым. Но это было золотое детство без баловства, без праздности, без излишеств. Наверное, только такое детство, где много радости и много полезной деятельности, создает отличное душевное здоровье, которым были столь богаты Ульяновы.

Мария Александровна обладала даром глубокого понимания детей: она понимала их маленькими, когда дети не могли вовремя спуститься с чердака к обеду, так как до самозабвения были заняты игрой в индейцев, понимала их в отрочестве, когда они уезжали в «кругосветное» путешествие на лодках, понимала и в юности, когда все дети увлекались нелегальной литературой, а потом вступили на путь революционной борьбы. Анна Ильинична писала о матери:

«Несчастье с потерей старшего брата было из ряда вон выходящим, и все же оно не подавило ее, она высказала так много силы воли, что, скрывая, по возможности, свои слезы и тоску, заботилась, как прежде, еще больше, чем прежде, о детях, потому что после смерти мужа ей одной приходилось заботиться о них.

Она старалась, по мере возможности, не омрачать их молодую жизнь, давать им строить свое будущее, свое счастье... И она понимала их революционные стремления».

Мать ни в чем не была помехой для своих детей. Наоборот, ее поддержка, ее советы, ее мужество были для них источником новых сил и вселяли веру в победу.

Мария Александровна много читала и думала, вслушивалась в споры и суждения детей, осмысливала

сущность их сложной жизни и революционной борьбы. И чем дальше с возрастом, тем больше углублялось духовное общение между детьми и матерью, развивался интерес к новому в литературе и искусстве.

В письме из эмиграции от 24 марта 1902 года Владимир Ильич пишет матери: «Видаю иногда русские журналы... Как у вас довольны новой вересаевской повестью в «Мире божьем»?[1] Я поначалу ждал большего, а продолжением не совсем доволен.

Крепко обнимаю тебя, моя дорогая, и шлю большой привет Маняше и всем знакомым. Твой В. У.»[2]

А вот письмо из Лондона. В нем Владимир Ильич делится с матерью своими впечатлениями о новой музыке: «Недавно были первый раз за эту зиму в хорошем концерте и остались очень довольны,— особенно последней симфонией Чайковского... Бывают ли у вас в Самаре хорошие концерты? В театре немецком были раз,— хотелось бы в русский Художественный, посмотреть «На дне»...

Крепко тебя обнимаю, моя дорогая, и желаю всего лучшего, особенно здоровья»[3].

Из переписки Владимира Ильича с матерью видно, что Мария Александровна снабжала сына книгами, теоретическими журналами, бюллетенями, помогала в пересылке нелегальной литературы и рукописей, выполняла многие его поручения.

В письме к матери от 17 ноября 1908 года из Женевы Владимир Ильич писал:

«Очень прошу черкнуть мне пару слов немедленно о получении рукописи»[4].

В другом письме от 10 декабря 1908 года Владимир Ильич пишет:

«Посылаю еще несколько маленьких поправок к 5-й главе. Корректуры очень прошу высылать мне полистно... чтобы я мог просмотреть»[5].

Так мать, движимая великой любовью к сыну, была ему всегда и во всем опорой. Дело его жизни она считала своим.

---

[1] Речь идет о повести В. В. Вересаева «На повороте», опубликованной в журнале «Мир божий», 1902, № 1, 2, 3.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 219.

[3] Там же, с. 229.

[4] Там же, с. 260. Речь идет о книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

[5] Там же, с. 263.

Поражает беседа Владимира Ильича с матерью в письме, которое он ей прислал из Шушенского 1 сентября 1899 года. Тогда Марии Александровне было уже 64 года. Владимир Ильич рассказывает, что они с Надеждой Константиновной тотчас принялись читать присланную им книгу Бернштейна.

«Теоретически — невероятно слабо; повторение чужих мыслей,— пишет матери об авторе книги Владимир Ильич.— Фразы о критике, и нет даже попытки серьезной и самостоятельной критики. Практически — оппортунизм (фабианизм, вернее: оригинал массы утверждений и идей Бернштейна находится у Webb'ов [1] в их последних книгах), безграничный оппортунизм и поссибилизм, и притом все же *трусливый* оппортунизм, ибо программы Бернштейн прямо трогать не хочет. Вряд ли можно сомневаться в его фиаско» [2].

Это и многие другие письма В. И. Ленина к матери доказывают, что между ними было глубокое духовное общение.

Так эта изумительная женщина и в старости продолжала совершенствовать себя, движимая горячей любовью к детям, во имя дела, которое для нее стало родным и близким.

Смерть мужа, казнь горячо любимого первенца Александра, страдания детей в жандармских застенках, в одиночных камерах тюрем, в ссылках, смерть детей, невыносимая материнская боль и постоянная тревога за них не согнули эту мужественную женщину. Она всегда высоко и гордо держала голову.

Мария Александровна Ульянова, Мать и Человек с большой буквы, была достойна своих детей, пламенных революционеров, была достойна своего сына — гения пролетарской революции.

Мария Александровна совсем немного не дожила до торжества тех идей, во имя которых сражались, шли в тюрьмы, в ссылки ее дочери и сыновья — герои революции. Но их душевное богатство, нравственная красота и несгибаемое мужество оставались в них частью ее самой, и поэтому человечество всегда будет бережно хранить память об этой великой матери.

---

[1] Супруги Беатрисса и Сидней Вебб — известные общественные деятели, авторы ряда книг по истории английского рабочего движения, в переводе некоторых из них на русский язык, их редактировании принимал участие В. И. Ленин.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 176.

ПРИНЦИПЫ ВОСПИТАНИЯ

Высокие идеалы

Чем больше вдумываешься в факты, воспоминания, переписку и другие документы, характеризующие воспитание в семье Ульяновых, тем более убеждаешься, что это действительно была *система* воспитания, основанная на глубоко продуманных принципах.

Один из принципов — воспитание на высоких идеалах, на примерах жизни передовых русских общественных деятелей, в духе подлинной гражданственности.

Нельзя воспитывать вслепую. Идеал человека — это светлая и вдохновенная цель воспитания. Кто не осмыслит ее, тот неизбежно будет ошибаться, того ждет немало огорчений и разочарований.

Илья Николаевич и Мария Александровна Ульяновы презирали все эгоистическое, обывательское, мелкое. Они исповедовали самые высокие идеалы, повсюду искали их. «Колокол» А. И. Герцена, бесстрашные протесты певца народного горя Н. А. Некрасова, накаленное до предела гневное слово русских революционных демократов были известны им и находили в душе горячий отклик.

Илья Николаевич и Мария Александровна были страстными поклонниками идей Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева. И несмотря на то, что их литературные произведения находились в те годы под запретом, Ульяновы помогали своим детям познакомиться с ними, понять и оценить их.

Стихи повешенного Николаем I поэта-декабриста К. Ф. Рылеева, поэмы Н. А. Некрасова заучивались в доме наизусть.

Илья Николаевич часто напевал запрещенную песню поэта-петрашевца А. Н. Плещеева:

Любовью к истине святой
В тебе, я знаю, сердце бьется
И, верю, тотчас отзовется
На неподкупный голос мой.

. . . .

По духу братья мы с тобой.
Мы в избавленье верим оба,
И будем мы питать до гроба

. . . .

Вражду к бичам страны родной.

В эту песню Илья Николаевич вкладывал всю душу, она «для него была чем-то вроде «святая святых...».

Анна Ильинична вспоминает, что восьмилетний Саша с недетской серьезностью декламировал стихотворение К. Ф. Рылеева «Иван Сусанин». А в одиннадцать лет он читал наизусть «Размышления у парадного подъезда» и «Песню Еремушке» Н. А. Некрасова. Саша говорил, что эти стихи ему дал папа, они ему очень понравились, и он выучил их.

Илья Николаевич считал, что ребенок должен хорошо понимать смысл каждого прочитанного слова, понятия, названия. И нет сомнения, что в семье шли разговоры о несгибаемой воле, революционной страстности Н. Г. Чернышевского, о мученической смерти К. Ф. Рылеева, о бесстрашии и лютой ненависти к угнетателям народа Н. А. Добролюбова и Д. И. Писарева, о поэте «гнева и печали» Н. А. Некрасове.

И с очень раннего возраста в сознании детей складывался идеал борцов, которые сознательно и самоотверженно действовали оружием, разящим поэтическим словом, смелым публицистическим выступлением, защищая исстрадавшийся трудовой народ.

Дети Ульяновых хорошо знали биографии революционеров того времени. Так, Саша Ульянов, будучи подростком, с великим гневом говорил о жандарме, который видел, как тонул Д. И. Писарев, и ничего не предпринял для его спасения.

Как рассказывала Анна Ильинична, отец приобрел детям полное посмертное издание сочинений Некрасова и они читали и перечитывали его, особенно увлекались «Дедушкой» и «Русскими женщинами».

Сама Анна Ильинична под влиянием книг Д. И. Писарева, которые она перечитывала не раз «от доски до доски», решила посвятить себя педагогической и общественной деятельности.

Володя Ульянов увлекался романом Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Позднее В. И. Ленин утверждал, что этот роман «перепахал его».

В личном альбоме В. И. Ленина, где он хранил фотографии общественных деятелей, оказавших на него особенно сильное влияние, были портреты К. Маркса, Ф. Энгельса, А. И. Герцена, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского. Любовь и уважение к

революционным демократам В. И. Ленин пронес через всю жизнь. Эта любовь была взлелеяна его родителями.

Семья Ульяновых была устремлена ко всему новому, прогрессивному в литературе, искусстве, в педагогике, в жизни. Ульяновы любили поэзию А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, зачитывались великим обличителем самодержавного строя М. Е. Салтыковым-Щедриным. Они выписывали сатирический журнал «Искра», бичевавший бюрократизм, подлость, жестокость, глупость.

Родители обладали удивительной способностью очень сложный литературный и жизненный материал сделать доступным и интересным для детей разных возрастов. Например, стихи поэтов-искровцев заучивались наизусть всеми детьми, но каждый в зависимости от возраста получал особое разъяснение. Надежда Константиновна удивлялась, как много стихов поэтов-искровцев помнил Владимир Ильич с детства.

Отец и мать Ульяновы ставили перед собой практическую задачу — формирование личности гражданина. Они отдавали себе отчет в том, что эту задачу невозможно решить в полной мере, если их дети не будут приобщены к общественным делам. Илья Николаевич и Мария Александровна, по-видимому, были согласны с Н. Г. Чернышевским, который писал: «...Без приобретения привычки к самобытному участию в гражданских делах, без приобретения чувств гражданина ребенок мужского пола, вырастая, делается существом мужского пола средних, а потом пожилых лет, но мужчиной он не становится или по крайней мере не становится мужчиной благородного характера. Лучше не развиваться человеку, нежели развиваться без влияния мысли об общественных делах, без влияния чувств, пробуждаемых участием в них. Если из круга моих наблюдений, из сферы действий, в которой вращаюсь я, исключены идеи и побуждения, имеющие предметом общую пользу, то есть исключены гражданские мотивы, что остается наблюдать мне? в чем остается участвовать мне? Остается хлопотливая сумятица отдельных личностей с личными узенькими заботами о своем кармане, о своем брюшке или о своих забавах» [1].

[1] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. в 15-ти т. М., 1950, т. 5, с. 168—169.

Илья Николаевич и Мария Александровна мечтали увидеть своих детей достойными гражданами России. Поэтому они развивали у детей широту взглядов, за которой следует благородство поступков. Они поощряли развитие в детях энергии, направленной на общественную пользу. В те времена возможности для этого были довольно ограниченные. У нас сейчас дети очень рано приобщаются к общественной деятельности в октябрятских звездочках, пионерских отрядах и комсомольских организациях. Тогда же само понятие «общественная деятельность» считалось крамолой. Но отец и мать Ульяновы и в той жизни изыскивали способы развития общественной активности детей. Они одобрительно относились к тому, что их дети помогали своим одноклассникам в учении.

Дети Ульяновых постоянно были окружены одноклассниками, которым с неизменным увлечением объясняли трудные теоремы или сложные правила из латинского, греческого, немецкого и французского языков.

Будучи убежденными патриотами, супруги Ульяновы жили интересами своей страны. В пример детям они ставили героев-патриотов времен войны 1812 года, беседовали с ними о великих ученых и писателях, которые прославили русскую державу. Но вместе с тем они, надо полагать, были согласны с Н. А. Добролюбовым, который ратовал за новое, обогащенное понятие патриотизма.

«...В недавнее время,— писал Н. А. Добролюбов,— патриотизм состоял в восхвалении всего хорошего, что есть в отечестве; ныне этого уже недостаточно для того, чтобы быть патриотом. Ныне к восхвалению хорошего прибавилось неумолимое порицание и преследование всего дурного, что еще есть у нас. И нельзя не сознаться, что последнее направление патриотизма гораздо практичнее, потому что вытекает прямо из жизни и ведет прямо к делу, возбуждая энергию воли и внимание к настоящему течению дел»[1].

Формированию такого понимания патриотизма у детей способствовало чтение и обсуждение обличительных произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина, острой сатиры поэтов-искровцев, наконец, изучение произведений революционных демократов.

[1] *Добролюбов Н. А.* Собр. соч. в 3-х т. М., 1952, т. 2, с. 682—683.

Незадолго до смерти Ильи Николаевича из Петербурга на каникулы приехал Саша. Он уже тогда в студенческом кругу стал общественным деятелем. Они с Аней были участниками демонстрации в связи с двадцатипятилетием со дня смерти Н. А. Добролюбова.

Отец и Саша долго ходили по саду и беседовали. Никто не слышал этой беседы, но сестры Ульяновы в своих воспоминаниях утверждают, что у них есть основание предполагать, что Саша высказал отцу свое глубочайшее неудовлетворение существующим политическим строем.

А вот что рассказал в своих воспоминаниях Дмитрий Ильич: «Если принять во внимание, что у отца с Александром Ильичем были — судя по всем данным — самые близкие товарищеские отношения, что отца чрезвычайно интересовали все переживания брата, нельзя допустить ни в коем случае, чтобы он мог скрыть от отца свои политические убеждения».

Идейное и нравственное воспитание было предметом серьезной заботы родителей Ульяновых.

Илья Николаевич, демократ по натуре, доступный всем, очень простой в обхождении и в своих потребностях, беззаветно любил родной народ, глубоко страдал за него, отдавал все свои силы, здоровье делу его просвещения. Он восхищался героями-подвижниками, которые многим жертвовали во имя народа, верил, что эти жертвы не напрасны.

Одним из любимых стихотворений Ильи Николаевича было «Поэт и гражданин» Н. А. Некрасова, которое заканчивается следующими строками:

Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой,
Ему нет горше укоризны...
Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди и гибни безупречно.
Умрешь недаром...

Глубокая любовь к народу помогала Илье Николаевичу и Марии Александровне воспитывать детей борцами за народное счастье.

Ульяновы с уважением относились к людям труда всех национальностей. Так, например, они дружили

с семьей просветителя чувашского народа Ивана Яковлевича Яковлева.

И. Я. Яковлев был родом из чувашского села Кошки Буинского уезда Симбирской губернии. Он закончил землемерную школу при Симбирской удельной конторе, потом, несмотря на многочисленные трудности и препятствия, окончил с золотой медалью Симбирскую гимназию, а затем и Казанский университет. Иван Яковлевич добился открытия чувашской симбирской школы, а через несколько лет и учительской семинарии, которая давала по тому времени прекрасную общеобразовательную, педагогическую и трудовую подготовку будущим чувашским учителям. Сам Иван Яковлевич был впоследствии назначен инспектором чувашских школ Казанского учебного округа.

И. Я. Яковлеву всячески препятствовали, его обвиняли в политической неблагонадежности, в сепаратизме. В школе, которую он возглавлял, не раз производились обыски. И тем не менее благодаря его упорству и энтузиазму в Поволжье были открыты 1200 школ.

Илья Николаевич Ульянов неотступно помогал Яковлеву в его благородной борьбе за просвещение чувашей.

И. Я. Яковлев платил за дружбу дружбой. Он поддерживал Марию Александровну в трагические дни смерти Ильи Николаевича и казни Саши.

Владимир Ильич глубоко уважал и ценил И. Я. Яковлева, интересовался его жизнью и работой. В апреле 1918 года В. И. Ленин направил в Симбирск председателю Совдепа телеграмму следующего содержания:

«Сообщите по телеграфу обстоятельства и условия избрания председателей чувашской женской и мужской учительских семинарий. Меня интересует судьба инспектора Ивана Яковлевича Яковлева, 50 лет работавшего над национальным подъемом чуваш и претерпевшего ряд гонений от царизма. Думаю, что Яковлева надо не отрывать от дела его жизни»[1].

Настоящий патриот своей родины, человек образованный и гуманный, добрый и отзывчивый, Илья Николаевич Ульянов был подлинным интернационалистом. Для детей татар раньше существовали главным

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 61.

образом мусульманские духовные училища. Илья Николаевич организовал много светских татарских и мордовских школ, обеспечивал их учителями и необходимыми учебниками, добивался хорошей постановки преподавания. Это потребовало самоотверженной борьбы с шовинистами из местного и вышестоящего начальства, которые утверждали, что малым национальностям свойственна природная умственная отсталость. Чинились всяческие препятствия распространению среди них образования. У Ильи Николаевича было немало неприятностей по службе, но он продолжал настойчиво добиваться развития просвещения среди многочисленных народностей Поволжья.

Все это было прекрасно известно детям. Практические шаги родителей в помощь людям разных национальностей, несомненно, оказали на них благотворное влияние. Володя дружил с пастухом татарином Бахавием, другом детства Дмитрия был чуваш Алексей Яковлев.

Родители Ульяновы, воспитывая у детей благородные идеалы, помогали им приобщаться к возможной в тех исторических условиях общественной деятельности, развивали в них чувства патриотизма, интернационализма, способность ценить красоту и величие своей родины, стремление к действенному протесту против подлости, жестокости, несправедливости.

Гармоническое развитие

Родители В. И. Ленина были современниками Карла Маркса. Но марксистское учение о гармоническом развитии личности было еще неизвестно в России. И все же Ульяновы в практике семейного воспитания своих детей придерживались именно этого принципа.

Подлинно научная теория тем и сильна, что она черпает свою животворную силу в прогрессивных тенденциях практической жизни, вскрывает и обосновывает закономерности и затем освещает путь дальнейшему развитию явлений. И надо отдать должное Илье Николаевичу: он делал настойчивые попытки идею гармонического развития личности применить в какой-то мере в практике подведомственных ему школ. Об этом рассказывается в интересной книге «Семья Ульяновых», которая вышла в Приволжском издательстве,

И. Н. Ульянов не был согласен с официальным Положением о начальной школе, в котором указывалось, что учеников надо только научить читать, писать и считать. Он вводил объяснительное чтение, которое давало учащимся возможность овладеть элементарными знаниями по истории, географии и естествознанию. Илья Николаевич широко пропагандировал наглядность обучения и старался обеспечить учащихся соответствующими учебными пособиями. Он давал в школах показательные уроки и тем самым помогал учителям увидеть свои недостатки и овладеть педагогическим мастерством. Илья Николаевич интересно объяснял учителям, как необходимо учитывать личный житейский опыт школьников. Он, например, обратил внимание учительницы Волковой на то, что она напрасно использовала при объяснении дробей нарисованные апельсины, которые делятся на дольки: дети апельсинов никогда не видели.

И. Н. Ульянов настаивал на создании пришкольных участков, где дети могли бы применять полученные знания и вырабатывать практические навыки по сельскому хозяйству, добился от губернского земского собрания согласия на введение в лучших народных школах обучения слесарному, кузнечному, столярному и сапожному делу.

Илья Николаевич Ульянов требовал обязательных занятий с детьми гимнастикой; при многих школах были оборудованы гимнастические площадки. Он старался во всех школах ввести пение, добивался создания школьных хоров и настаивал, чтобы дети овладевали нотной грамотой.

Все это, вместе взятое, безусловно, было серьезной попыткой подойти к решению задачи всестороннего развития учащихся.

Этой идеей было проникнуто и семейное воспитание в доме Ульяновых.

Илья Николаевич и Мария Александровна много сил отдали умственному развитию детей, их образованию. В этом отношении они всем сердцем были согласны с Д. И. Писаревым, который писал:

«...Общее образование есть скрепление и осмысление той естественной связи, которая существует между отдельной личностью и человечеством... Давая вам возможность интересоваться теми вопросами науки и жизни, которые занимают лучших и умнейших

людей вашего времени, общее образование обогащает ваше существование такими тревогами и наслаждениями, которые совершенно непонятны и недоступны вашим необразованным современникам и соотечественникам...»[1].

Обучение чтению в семье Ульяновых начиналось с пяти лет. Средняя дочь Ольга выучилась читать четырех лет. В Доме-музее В. И. Ленина я видела под стеклом сочинение тринадцатилетней Ольги. Там есть такие строки:

«Мне было четыре года, когда моего старшего брата (Володю.— *И. П.*) научили грамоте. Я была очень дружна с братом и не хотела от него отставать. Мои родители не учили меня, думали, что я еще мала и мне будет трудно. Но у меня была большая охота учиться и я выучилась сама с помощью сестры и брата. Читать я очень любила и читала довольно много. Я прочитала довольно много детских книг; особенно нравились мне стихи и я знала их наизусть... Около шести лет я научилась писать с мамой».

Занималась с младшими братьями и сестрами и Анна Ильинична, которая сама писала и читала с пяти лет. Оля Ульянова утверждала, что первой классной комнатой для нее была комната старшей сестры Ани.

И как только дети овладевали русской грамотой (говорили, читали, писали), Мария Александровна сразу же начинала обучать их иностранным языкам. Здесь она, по-видимому, следовала указаниям Д. И. Писарева, который говорил, что знание иностранных языков необходимо каждому, кто хочет серьезно заниматься какой-нибудь отраслью науки, и далее напоминал родителям: «Маленькие дети, от 3 до 10 лет, с изумительной легкостью запоминают слова и обороты речи; в этом возрасте они могут в полгода, много в год, выучиться говорить на иностранном языке»[2].

Очень поощрялось родителями заучивание наизусть стихотворений. Володя и Оля знали в 5—6 лет большие для их возраста произведения: «Сказку о воробье, который делал в жизни все, что мог», а также «Колыбельную» М. Ю. Лермонтова.

Ярким примером был для детей Илья Николае-

---

[1] *Писарев Д. И.* Полн. собр. соч. в 6-ти т. Спб, 1914, т. 4, с. 589—590.

[2] Там же, с. 557.

вич, который сам знал множество стихов, поэм А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, А. Н. Плещеева.

Родители стремились выработать у детей постоянную потребность читать. Илья Николаевич снабжал их книгами и журналами соответственно возрасту. Выписывались журналы «Семья и школа», «Детское чтение», а когда дети подрастали, то они читали серьезные журналы — «Отечественные записки», «Русское слово», «Дело» и др.

Илья Николаевич очень серьезно руководил чтением детей. Анна Ильинична писала: «Всех русских классиков мы прочли в средних классах гимназии. Отец рано дал их нам в руки, и я считаю, что такое раннее чтение сильно расширило наш горизонт и воспитало наш литературный вкус...

Помню, как я начала «Петербургские трущобы»[1], которыми бредили в моем классе, и бросила скоро, ибо они вызывали во мне лишь скуку и отвращение».

В свое время А. С. Пушкин говорил: «Чтение — вот лучшее учение». Книга в семье Ульяновых была главнейшим средством умственного развития детей, она обогащала их новыми знаниями. Детям прививался интерес не только к художественной, но и к научной литературе. И опять-таки перед ними был удивительный пример старших. Мария Александровна с увлечением читала, например, «Историю французской революции» на французском языке. Внимательно прочитывала журналы естественнонаучного характера.

Илья Николаевич всю жизнь не изменял своим любимым математическим наукам и внимательно следил за их прогрессом. Стремясь к раннему умственному развитию детей, отец постоянно снабжал их доступной для понимания научной литературой.

В библиотеке Ульяновых были: К. Краевич — «Космос для юношества», «Метеорологическое обозрение России» (Под ред. акад. Купфера. Изд. 1850—1862), Ж. Жамен и А. Вюльнер — «Полный курс физики в четырех томах», Иоганн Г. Я. Мюллер — «Учебник космической физики», Полное собрание сочинений по геометрии (2 тома) великого русского математика Н. И. Лобачевского, книги Д. И. Менделеева — «Органическая химия», «Аналитическая химия», «Основы хи-

[1] Роман В. В. Крестовского.

мии», А. Н. Бекетова — «Беседы о земле и тварях, на ней живущих» и др.

По математике, физике и метеорологии библиотека содержала 60 книг. По естествознанию — 22 книги.

В собственной библиотеке Александра Ильича имелись книги по политэкономии, истории и социальным вопросам — всего 68 книг, в том числе: К. Маркс и Ф. Энгельс — «Манифест Коммунистической партии» (гектограф), К. Маркс — «Капитал», т. I, 1870, и 18 книг по химии, ботанике и зоологии.

Но дети пользовались не только домашней библиотекой, они брали книги в городской библиотеке имени Н. М. Карамзина. И опять-таки великолепным примером для них был Илья Николаевич, который являлся не только постоянным читателем этой библиотеки, но и членом ее комитета и не раз вносил на ее содержание деньги из своих личных средств.

Родители дали детям могучий толчок для самостоятельного изучения наук. Преподаватель Казанского университета Г. Н. Шебуев, читавший лекции по физике и математике, утверждал, что Владимир Ильич обладал математическим складом ума и огромными математическими познаниями.

Научные устремления Александра Ульянова определились рано. Естественные науки были предметом увлечения и Дмитрия Ильича. Успехи Анны Ильиничны по естественным наукам в аттестате об окончании гимназии отмечены как отличные. Очень упорной в овладении науками была Ольга. Мария Ильинична вспоминала:

«Помимо большой одаренности и развития не по летам, которому чрезвычайно благоприятствовали семейные условия, Оля обладала еще огромной трудоспособностью. Без преувеличения можно сказать, что она не работала только тогда, когда спала. Она так увлекалась своими занятиями, в частности математикой, которую очень любила, что вечером, когда вся наша семья собиралась в столовой к вечернему чаю, матери стоило большого труда настоять, чтобы Ольга отложила свои книги и тетради и присоединилась ко всем» [1].

Неотъемлемая сторона гармонического развития детей — трудовое воспитание и умение применять полученные знания на практике.

[1] Семья Ульяновых. Саратов, 1966, с. 43.

В Симбирске тех времен промышленность была развита слабо, не было железной дороги. Но Илья Николаевич не раз совершал с детьми поездки по Волге на пароходах и, как физик, не мог не обращать их внимания на работу паровой машины. Илья Николаевич ездил в Москву на Всероссийскую выставку, о которой много потом рассказывал детям дома. Привез с выставки наглядные пособия: они показывали связь физики, химии, математики, естествознания, которые дети изучали в гимназии, с новыми достижениями науки, техники и основами производства. Выписывал Илья Николаевич и политехнические плакаты (настольные выставки) и, прежде чем передавать их в школы, показывал детям.

Сам Илья Николаевич отлично владел столярным и токарным инструментами. Об этом можно судить по тому, что он собственноручно выточил из пальмового дерева полный набор шахматных фигур.

Ручному труду он обучал и своих детей.

Володя, работая топором, рубанком, ножом и стамеской, мастерил деревянные гимнастические снаряды.

Саша своими руками оборудовал химическую лабораторию, ему приходилось и столярничать и плавить стекло. В этой лаборатории вместе с Володей он проделывал сложные химические опыты. Родители поощряли эти увлечения сыновей, помогали им всем, чем могли: делом, советом.

Мария Александровна обучала девочек кройке, работе на швейной машине. Они шили платье и белье не только себе, но и мальчикам.

Дети много работали с картоном, деревом, оловом, фольгой. Все игрушки, за очень небольшим исключением, изготовлялись своими руками.

Эстетическим воспитанием детей больше всего занималась Мария Александровна. Она научила детей с самых ранних лет наслаждаться музыкой. Много пели во время далеких прогулок в лес, в поле, по берегу Волги. Постоянно составлялись дуэты, трио и хоры.

Н. И. Веретенников рассказывал, что в Кокушкине очень часто устраивались музыкальные вечера.

«В ненастные дни... собрав у рояля в кружок ребят, тетя Маша образно рассказывала содержание оперы Верстовского «Аскольдова могила», дополняя рассказ музыкой и пением... Володя и Оля, музыкаль-

ные по натуре, внимательно вслушиваются в музыку и пение. Маленький Митя, всецело поглощенный фабулой, не сводит своих разгоревшихся карих глаз с тети Маши... Мы все сидим затихшие, притаившиеся, завороженные».

В семье Ульяновых любили петь. Малыши любили песенку «Борзый конь»:

Гоп, гоп, гоп! Ну, скачи в галоп!
Ты лети, конь, скоро, скоро
Через реки, через горы...

С удовольствием пели о ласточке:

Травка зеленеет.
Солнышко блестит,
Ласточка с весною
В сени к нам летит...

Взрослели сыновья и дочери, серьезнее становились песни. Чаще всего они звучали в тихие зимние вечера, дома.

Володя и Оля любили петь дуэтом «Нелюдимо наше море». Володе особенно нравился куплет:

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья! Бурей полный,
Прям и крепок парус мой.

Владимир Ильич любил петь «Свадьбу» А. С. Даргомыжского, «Чудные глазки» на слова Гейне и арию Валентина из оперы «Фауст». Дмитрий Ильич вспоминает, что одно место в этой арии у брата выходило особенно хорошо, видимо, смысл его очень импонировал бурному темпераменту Володи, его боевому духу:

Там, в кровавой борьбе, в час сраженья,
Клянусь, буду первым я в первых рядах...

В статье «О любви к музыке» Дмитрий Ильич рассказывал, что к некоторым песням Владимир Ильич добавлял собственные куплеты. Вернувшись из Шушенского, он привез много песен, написанных ссыльными. Одна из любимых Владимиром Ильичем песен называлась «Великие устои». Вот одно из ее четверостиший:

И поднимется красное знамя,
Не помогут тюрьма и штыки.
Разгорится мятежное пламя,
Побегут перед нами полки.

Другая песия иазывалась «Турухаиской».

Очень любнл Владимир Ильич польскне революциоиные песин «Красное зиамя» и «Варшавянку».

Дмитрий Ильич рассказывал, что Владимир Ильнч очеиь жалел, что в свое время ие иаучился играть иа скрипке или рояле. Между тем, как утверждала Мария Алексаидровна, у иего были недюжнnные способности. Учиться игре иа рояле иачинали все, в том чнсле и Владимир Ильич. Мать терпеливо занималась со всеми детьми. Но вот перестал играть Саша, а вслед за ним и Володя (в воспомниаиих родиых указывается, что в те времеиа было прииято, чтобы музыкой заиимались девушкн, а не юиоши).

И хотя музыку любнли все, успешно совмещала заиятия музыкой с математикой и естествениыми иауками только одна Ольга. В одиом из писем к подруге оиа писала:

«Да, коиечно, музыка чудиая, прекрасиая вещь, источиик чистого иаслаждеиия»[1].

В другом письме нз Казаии Оля рассказывает: «Здесь можио слышать хорошую музыку: зимой в опере, а теперь иа музыкальных снмфоиическнх собраииях, которые устраиваются под руководством Орлова-Соколовского. Особеиио хорош бывает оркестр... Я очеиь люблю серьезиую музыку, хотя думаю, что еще ие довольио хорошо ее понимаю...»

Во миогих письмах подруге Саше Щербо Оля призиавалась, что часто хаидрит, ио ей помогает музыка.

«Еще вчера иа меия иапала хаидра,— писала девушка.— Но иа мое счастье удалось попасть в театр на «Фауста» (прекрасиая опера). И эти чудиые звуки приободрили»[2].

Музыка в семье Ульяиовых прежде всего была средством эстетического воспитаиия.

Илья Нnколаевнч и Мария Александровиа отличио поиимали, что Оля не стаиет блестящей музыкантшей, ио разрешали ей сидеть за роялем столько, сколько она хотела, ие считая, что девочка понапрасну теряет время. Изучая музыку, увлекаясь ею, Оля глубже чувствует красоту. Сохраиилнсь перепнсанные рукой Оли иоты: ромаис П. И. Чайковского «Нн слова,

---

[1] Пнсьма Ольгн Ульяновой к А. Щербо, март — ноябрь 1889 г. Фонды Дома-музея В. И. Ленина в Ульяновске.

[2] Там же.

о друг мой»; «Свадьба» А. С. Даргомыжского, арии из «Демона» А. Рубинштейна, «Северной звезды» М. Глинки, романс И. Саца на слова М. Ю. Лермонтова «Как небеса твой взор блистает» и другие, а также украинские народные песни.

Эти музыкальные произведения Ольга не только переписывала, но и трудилась над ними как исполнительница.

Ольга не могла жить без музыки. Как бы ни была она занята, она находила время для любимого занятия. В Казани Ольга давала платные уроки, чтобы помогать матери, изучала шведский язык и все-таки одновременно посещала музыкальную школу. «Ты спрашиваешь меня о музыкальной школе? — писала Оля подруге.— Мне очень нравится заниматься там, хотя я не думаю, что буду кончать в ней курс». (Ольга готовилась к поступлению в Гельсингфорсский университет.— *И. П.*)

Очень увлекались музыкой также Анна Ильинична и Мария Ильинична.

Старшие дети Ульяновых помогали младшим в музыкальном образовании. Александр не раз присылал ноты из Петербурга для сестер. Анна в одном из писем матери пишет, что обошла все букинистические магазины, доставала для Маняши новые ноты.

Эстетическое воспитание в семье Ульяновых не ограничивалось музыкой. Отец и мать очень глубоко чувствовали красоту природы и старались это чувство привить детям. Всей семьей часто выходили на Волгу наблюдать ледоход, совершали прогулки в лес, любовались восходами и закатами солнца.

Саша с друзьями часто отправлялся к реке, которая находилась в девяти километрах от деревни Кокушкино. Он так восхищался красотой природы, открывшейся ему там, так красочно об этом рассказывал, что однажды всей семьей решили поехать вместе с Сашей. Один из участников поездки, Н. И. Веретенников, вспоминает:

«Сразу по выезде из леса, самого по себе красивого, мы увидели обширный луг с разбросанными по нему отдельными пышными, развесистыми деревьями. За лугом, в твердо очерченных невысоких берегах, блестела широкая полоса реки. По противоположному берегу ее теснился высокой стеной сосновый бор; отражаясь как бы опрокинутым в реке, он манил к себе,

Пожалев, что нет лодки и нельзя переправиться на другой берег, мы прошли вдоль реки до поросших молодыми деревцами холмиков, тоже очень живописных...

В восхищении я воскликнул:

— Совсем как Бежин луг у Тургенева! Точно декорации!

Володя возразил, что на Бежин луг не совсем похоже, но согласился, что пейзаж действительно красивый и, конечно, лучше всяких декораций.

Впоследствии мы много раз ездили на Мешу, даже отвезли туда лодку...»

Мария Александровна всегда заботилась о том, чтобы при доме был сад и цветник. Сама она страстно любила розы и умело выращивала их. Все дети с восторгом помогали ей. Мария Ильинична писала: «Помню летние вечера после сухих, жарких дней и всех нас с лейками, с ведрами, с кувшинами — со всякой посудой, в которую можно было набрать воды, накачивающими воду из колодца и путешествующими в сад к грядкам и обратно. Помню, как быстро мчался оттуда с пустой лейкой Володя».

Ближе к вечеру все Ульяновы и их родные частенько собирались на скамейке в цветнике. Здесь росли флоксы, левкои, душистый горошек, никациана, настурции и необыкновенная по своему тончайшему запаху резеда.

В семье Ульяновых всячески поощрялось занятие детей рисованием. Саша по созданному им самим живописному орнаменту очень искусно выпилил из дерева хлебницу, которую преподнес матери ко дню рождения. Мария Александровна с этим дорогим подарком не расставалась всю жизнь. И сейчас эта хлебница лежит на комоде в ее комнате в Доме-музее В. И. Ленина в Ульяновске.

Особенный талант к рисованию оказался у Ольги. Сохранены ее рисунки. На одном из них — Волга, ее высокий берег. На другом — большое дерево, нарисованное тончайшими штрихами; слева от него — большой камень, на некотором расстоянии — два маленьких, неуклюжих деревца. А вот нарисовано спелое яблоко (чувствуешь, что оно именно спелое), веточка с четырьмя листьями, один из них перевернут. Удивительно тонко отработаны детали и оттенки. В этих рисунках ярко проявился характер Ольги, с его настой-

чивостью, требовательностью к себе. Раз уж взялась рисовать — надо выполнить все тщательно, выразительно, по возможности мастерски.

С такой же тщательностью трудился Саша над оформлением обложки журнала «Субботник». Ведь он был одновременно и главным редактором и художником! Карикатуры и дружеские шаржи на Олю и Володю Саша тоже рисовал сам.

Серьезное внимание обращалось в семье Ульяновых и на физическое воспитание детей. Мария Александровна в детстве получила хорошую физическую закалку: отец-врач требовал от дочерей регулярных занятий физкультурой, разработал собственную «методу» закаливания организма: все дочери делали по утрам холодное обтирание и круглый год ходили в ситцевых платьях с короткими рукавами и открытой шеей. До поздних лет Мария Александровна выполняла по утрам физические упражнения, совершала дальние прогулки, купалась.

Д. И. Писарев утверждал, что ребенок для укрепления своего организма должен делать как можно больше движений. Он высмеивал родителей, которые радуются, глядя на питомца, когда тот «не шумит, не кричит, не топочет ногами по комнате, а сидит себе за каким-нибудь благонравным занятием, вроде рассматривания картинок или рисования разных каракулек» [1].

Ульяновы давали полный простор развитию физической энергии детей. Гимнастика и закаливание были в семье обязательными.

Летом в Кокушкине дети ходили к реке купаться перед сном даже в дождь, в теплые ночи вытаскивали на террасу матрацы и спали на них.

Все дети Ульяновых очень рано начали учиться плавать. Это всячески поощрялось родителями, которые сами купались в любую погоду.

Николай Иванович Веретенников пишет: «Я помню, как и Володя, и я, и еще один из сверстников в одно лето научились плавать. Вообще в семь-восемь лет каждый из ребятишек переплывал неширокую реку, а если без отдыха на другом берегу мог и назад вернуться, то считался умеющим плавать. Когда ма-

---

[1] *Д. И. Писарев.* Полн. собр. соч. в 6-ти т., т. 4, с. 570.

ленький пловец переплывал речку в первый раз, его всегда сопровождал кто-либо из более старших.

Но курс плавания на этом не кончался — мы совершенствовались беспредельно: надо было научиться лежать на спине неподвижно; прыгать с разбегу вниз головой; нырнув, доставать со дна комочек тины; спрыгивать в воду с крыши купальни; переплывать реку, держа в одной руке носки или сапоги, не замочив их; проплывать без отдыха до впадения ручья, прозванного нами Приток Зеленых Роз (так как там росли болотные растения, напоминающие по форме розы), или даже до моста у соседней деревни Черемышево-Апокаево, а это уже близко к километру».

Далее Н. И. Веретенников рассказывает, как ребятишки выдумывали разные смелые затеи на реке. Спустили на воду старую, уже прогнившую, лодку, приделали к ней колеса, сами смастерили вал с лопатками, приладили его и поехали по реке: один правил, другой вертел колесо, а третий вычерпывал воду.

Однажды решили поехать на этой прогнившей и потрескавшейся лодке большой компанией. Понимали, что лодка может не выдержать.

— Так что же? Тем лучше, тем интереснее: посмотрим, как мы сумеем спасаться! — воскликнул Володя.

Так и случилось. Несмотря на то, что воду вычерпывали в два ковша, лодка вскоре пошла ко дну. Ребята спасались сами, спасали вещи, ныряли за ними. Долго искали один утонувший сапог, но вместо него вытаскивали то тину, то коряги. Потеряв надежду на успех, ребята решили отступить, и только один Володя продолжал нырять и наконец вытащил сапог, к великой радости его хозяина.

Так приобреталась физическая закалка, так воспитывались воля, решительность, «чувство локтя» по отношению к товарищам. Может быть, именно поэтому родители предоставляли детям свободу в придумывании таких рискованных забав.

В большом почете у Ульяновых был и зимний спорт.

Дмитрий Ильич Ульянов писал:

«Каждый день после обеда мы уходили... с Володей кататься на коньках. Иногда нас сопровождали

сестры, Оля также каталась на коньках, а маленькую Маню мы катали по катку в кресле. На нашем дворе также была ледяная гора с длинным ледяным раскатом — дорожкой. Гору мы делали сами около садового забора, рядом с колодцем, а раскат доводили до самого дома. В морозные вечера ходили с Володей качать воду из колодца и поливали гору и раскат. У Володи были настоящие железные санки для катания с гор, на них можно было кататься лежа и управлять руками. На деревянных санках катались с горы всей гурьбой, вываливаясь обычно в сугроб. Крика и смеху было немало»...

Анна Ильинична рассказывала, как с отчаянной смелостью ее братья сгибаются «сперва в три погибели на верхней, самой крутой части горы, потом постепенно расправляются и долго-долго катятся по раскату уже во весь рост. Я только с завистью поглядывала на них, а подражать им не решалась».

Родители приобретали детям игры, развивающие меткость и ловкость. Дети и сами придумывали такие игры. Так, например, Володя обычно привозил в Кокушкино целый мешок раскрашенных в разные цвета бабок и металлические плиточки, в которые он играл с крестьянскими ребятами.

Дети клеили змеев величиной с дверь, с мочальными хвостами, и, пуская их, много бегали. Они катались на гигантских шагах, играли в лапту, в пятнашки, «черную палочку», в бабки, крокет, в биллиард и городки.

Отец и мать Ульяновы поощряли различные виды спортивных увлечений детей: рыбную ловлю, охоту, греблю, учили детей активно отдыхать с пользой для здоровья. И сами в этом отношении были великолепным примером. В семье никогда не играли в бесконечный преферанс и вообще в карты или в «кости», как это было принято в других домах Симбирска, не засиживались по-волжски часами за самоваром, обливаясь потом, не приглашали слишком часто знакомых. Мария Александровна была свободна от привычки заниматься с соседками пересудами и разговорами по пустякам. Часы ее досуга — это, преимущественно, длительные прогулки, купанье, катанье на санках, игры с детьми на воздухе. И дети, если они не делали уроков, не читали, обычно были в движении. Даже дискуссии, обсуждения, задушевные разговоры велись

чаще всего во время прогулок по полям, по откосу Волги, при сборе грибов и ягод в лесу.

Владимир Ильич всегда и везде занимался гимнастикой. В Симбирске в каретном сарае был турник, на котором все три брата частенько «крутились». В Кокушкине напротив дома стояла трапеция и к ней — наклонная лестница для гимнастических упражнений, которыми любил заниматься Владимир Ильич. В Алакаевке (там он прожил с 1889 по 1893 год) недалеко от своего рабочего кабинета, в тенистой части сада, Владимир Ильич устроил себе, как он сам называл, «рэк». Дмитрий Ильич рассказывал:

«Это нечто вроде трапеции, только без веревок, круглая, неподвижно укрепленная на двух столбах палка. Владимир Ильич любил в те годы упражняться на рэке; он его устраивал из кленовой, хорошо оструганной палки и укреплял на высоте около сажени, так, чтобы, поднявшись на носки, едва касаться палки концами пальцев. Небольшой прыжок... Хватает палку руками, подтягивается на мускулах, забрасывает ноги вперед и ложится на палку животом. Затем усаживается и приступает к различным упражнениям. Один номер — влезать на рэк не животом, а спиной — долго ему не давался. Нужно было видеть, с какой настойчивостью он много раз, но безуспешно пытался проделать его! Наконец однажды с торжеством и лукавой улыбкой он говорит мне: «Пойдем на рэк, вчера вечером и сегодня утром я наконец сбалансировал. Гляди!» И трудный номер удается вполне»[1].

Здесь мы видим сознательное стремление натренировать свое тело, развить физические силы, еще больше укрепить здоровье, а вместе с тем это и развитие своей воли.

Владимир Адоратский, студент Казанского университета, ставший после революции видным ученым и директором Института марксизма-ленинизма, вспоминает, что Владимир Ильич рассказывал ему, как он, живя в Самаре, совершал так называемую «кругосветку» — путешествие по Волге в лодке вниз по течению до конца Самарской луки, переправа с лодкой в речонку, которая течет на север, сплав по ней до Волги, принимающей в себя эту речку у начала

---

[1] *Ульянов Д. И.* Воспоминания о Владимире Ильиче. Изд. 3-е, доп. М., 1968, с. 28—29.

Жигулей, и возвращение обратно в Самару опять-таки по течению.

Может быть, крепкие нервы, отличное физическое здоровье в какой-то мере и были источником неугасимой жизнерадостности Ульяновых, поразительной их работоспособности, выдержки при тяжелых жизненных потрясениях. Стойкости юных Ульяновых могли позавидовать самые закаленные революционеры. И это была не только сила духа. Вспомним, как Владимир Ильич делал гимнастику и совершал ежедневные «прогулки» в тысячу шагов по тюремной камере. В записках сестрам и младшему брату, которые Владимир Ильич посылал, когда они тоже сидели в тюрьмах, он усиленно рекомендовал следовать его примеру и делать не менее ста «земных поклонов» в день. Физкультура помогала Ульяновым сохранять работоспособность и нормальное физическое самочувствие в условиях одиночного заключения и во время изнурительных допросов.

Физическая культура, серьезное отношение к своему здоровью и умение сочетать напряженнейшую умственную работу с разумным отдыхом сохранились у Ленина навсегда. Друзья восхищались его способностью весело и полнокровно отдыхать, причем почти всегда это был отдых на воздухе. Если поблизости была какая-нибудь река, Владимир Ильич непременно плавал. Если поблизости были лес, сопки, болота — Владимир Ильич, надев высокие охотничьи сапоги, отправлялся бродить с ружьем. В Шушенском они с Надеждой Константиновной и другими ссыльными постоянно ходили в далекие прогулки, частенько катались на лошадях, иногда уезжали за шестьдесят — восемьдесят километров до сибирских деревень, где жили их друзья, такие же, как и они, политические ссыльные. В эмиграции Владимир Ильич увлекался велосипедным спортом. В период жизни в Париже они с Надеждой Константиновной ездили в далекое предместье города на велосипедах, чтобы навестить Поля Лафарга и его жену — дочь Карла Маркса — Лауру.

Мария Александровна и Илья Николаевич Ульяновы относились к физическому воспитанию детей как к очень серьезной педагогической задаче и уделяли ей не меньше внимания, чем учебе детей и их нравственному воспитанию.

Ульяновы на редкость внимательно относились к каждому ребенку.

Внимание к детям бывает разное. Иногда это лишь присутствие при детях. Некоторые родители гуляют с детьми, много бывают с ними дома, ходят в кино. Но в то же время они заняты своими мыслями, хозяйственными заботами и очень мало приглядываются к детям. Они, по сути дела, только наблюдают за тем, чтобы их сыновья и дочки вели себя благопристойно.

Внимание к детям у Ульяновых — это проникновение в их внутренний мир, желание понять мотивы их поступков, разобраться в их устремлениях, в особенностях их характера. Мария Александровна, конечно, наблюдала за детьми, и очень зорко. Она даже выбрала для себя весьма неудобную комнату, но зато окно из нее выходило во двор и в сад. Это давало возможность видеть игры и развлечения детей.

Мария Александровна понимала, что между ребятами всегда что-нибудь происходит: они могут бросать друг другу в лицо снежки и даже подраться, а в споре наскакивать друг на друга «петухами». Мать, вероятно, не раз видела, как кто-то из ребят дразнил — «задирал» девочек, а те давали обидчикам сдачи. Залезали дети и на деревья и на крыши надворных построек. Но Мария Александровна редко вмешивалась в отношения между детьми: у них своя детская жизнь, свои законы. Мать больше всего интересовало, как в этих детских отношениях, в поведении детей проявлялись их положительные и отрицательные качества, их интересы, наклонности, организаторские способности. Вот что было самое важное. И, пожалуй, именно это помогало матери находить «ключик» к сердцу каждого из детей, незаметно руководить их развитием и вести их в том направлении, которое они с Ильей Николаевичем считали нужным.

Она никогда не жаловалась на детей мужу, не требовала, чтобы он принял какие-то меры. Это отравляло бы радость встреч детей с Ильей Николаевичем после его возвращения из поездок по губернии, отчуждало бы детей от него, нарушало бы теплоту их отношений. Конечно, это не значит, что Мария Александровна, как говорят, «покрывала» детей. У нее с Ильей

Николаевичем была такая дружба, что, конечно, он знал все.

Но для родителей самым существенным было не то, что дети в чем-то не послушались, набедокурили, а то, что проявилось в этом: нечуткость или горячность, разболтанность или шаловливость, нелепое упрямство или сила характера? Родители прежде всего старались разобраться в сути и мотивах поступков.

Мария Ильинична пишет, что мать терпеливо боролась с недостатками детей. Надо думать, что Мария Александровна не раз обсуждала их с мужем. Но это были не жалобы с целью вызвать гнев отца, а желание общими силами во всем разобраться, посоветоваться, как в будущем поступить, если неправильное поведение детей повторится.

Обсуждались и достоинства детей. Мария Александровна слишком любила мужа, чтобы не порадовать его рассказами обо всем добром, хорошем, что она отметила в детях за время его отсутствия. Это тоже помогало лучше узнать детей, понять тенденции умственного и нравственного развития каждого из них.

Обычно, когда семья собиралась за столом, дети все рассказывали о себе. Родители всегда с нетерпением ждали, скажут дети о своих проступках и неудачах или скроют. А может быть, просто забудут рассказать? И в том, и в другом, и в третьем случаях опять-таки характер каждого ребенка становился яснее. Не побоялся и рассказал. Или — не рассказал, потому что духу не хватило. Или — о своей выходке забыл, не придал ей значения, а она серьезная и досадная. Все это очень важно для родителей, которые постоянно стремятся узнавать внутренний мир ребенка. А ребенок все время меняется, в нем непрерывно возникает что-то новое, он растет, мужает, обогащается новыми чувствами и мыслями.

Однажды маленький Володя сломал линейку, которую только что подарили старшей сестре, и тотчас сам ей сказал об этом, причем даже продемонстрировал, как он ломал линейку о коленку. Аня была раздосадована поступком брата, но мать обратила ее внимание на самое существенное. «Хорошо, что он не делает ничего исподтишка»,— сказала Мария Александровна. И этим все кончилось.

Второй случай был с графином. Он широко известен. Но хотелось бы обратить внимание на очень

своеобразную позицию матери. Она, конечно, догадывалась, что графин в доме тети Ани разбил восьмилетний Володя. И ей было горько, что сын не сознался в этом. Причину этого Мария Александровна понимала — он испугался сказать правду малознакомой тете в чужом доме. И когда на вопрос тети Ани «Кто разбил графин?» все дети закричали: «Не я!», Володя тоже крикнул: «Не я!» Все осложнилось. Теперь ему предстояло сделать двойное признание: и в том, что разбил графин, и в том, что сказал неправду. Проще всего было Володю уличить и наказать. И тогда бы, как говорится, вина — «с плеч долой». Но для Марии Александровны было важно знать, переживает ли сын свой проступок, стыдится ли своей неискренности? И она сделала вид, что поверила ему. Ей хотелось понять, как идет нравственное становление сына, помочь развитию его совести.

Это не просто. Воспитание совести иногда происходит очень медленно, потому что родители порой торопливы, бестактны: ребенок еще не успеет осмыслить и пережить неприглядность своего поступка, не успеет еще по-настоящему заговорить его совесть, а родители уже наказывают его. И порой случается, что нахлынувшие новые чувства вытесняют так и не развившееся чувство стыда.

У Марии Александровны хватило выдержки и терпения, чтобы три месяца молчать и ждать. Материнское чутье ей подсказывало, что Володю терзает совесть. Мать, конечно, жалела его, но решила быть стойкой. Надо было дать время для того, чтобы чувство совести как можно больше активизировалось. И Мария Александровна продолжала молчать, втайне наблюдая за сыном. Ее расчет оказался верным.

В минуту, когда она однажды перед сном подошла к мальчику, приласкала его, он вдруг расплакался: «Я тетю Аню обманул: я сказал, что не я разбил графин, а ведь это я его разбил».

Мать утешила мальчика, сказав, что напишет тете Ане и она, наверное, простит его.

Маленький Володя едва ли мог понять, почему так светло улыбается мать. А ей было радостно, что в нравственной борьбе внутренних мотивов, которая происходила в сыне, победило хорошее, честное. Оказалось, что у него есть и мужество, и совесть.

Для Марии Александровны это было особенно

важно, потому что случаю с графином предшествовало еще одно маленькое событие. Она чистила яблоки. Володя захотел съесть кожуру, но ему было сказано, что этого делать не следует, кожуру не едят. Может заболеть желудок. Потом мать чем-то отвлеклась, а когда вернулась к своей работе, Володи в кухне не оказалось. Она заглянула в сад и увидела, как он уплетает кожуру от яблок. Мария Александровна так пристыдила его, что он плакал и обещал больше никогда ничего не делать скрытно. Но вот он скрыл, что разбил графин... И теперь, когда Мария Александровна услышала чистосердечное признание сына, она, конечно, была очень довольна.

Мария Александровна и Илья Николаевич охотно шли навстречу желаниям детей. Каждое желание тоже в какой-то степени выявляет существо интересов и характера ребенка. А дело, выполняемое им по своему желанию, обычно особенно захватывает, вызывает прилив энергии и радости. Выполнять неразумные желания и капризы детей вредно, а идти навстречу их хорошим желаниям — прекрасно. Ульяновы придерживались именно этого правила. Володя любил русский обычай весной выпускать на волю птиц. Мать охотно давала ему на это деньги, находя такое занятие интересным и полезным для сына: забота о птицах, наблюдения за их жизнью дадут ему многое. Купленных птичек Володя сначала держал дома, ухаживал за ними: поил, кормил, чистил клетки, с удовольствием слушал их пение. А весной выпускал. Анна Ильинична писала: «В клетке у него был как-то, помню, реполов. Не знаю, поймал он его, купил или кто-нибудь подарил ему, помню только, что жил реполов недолго, стал скучен, нахохлился и умер. Не знаю уж, отчего это случилось: был ли Володя виноват в том, что забывал кормить птичку, или нет... помню серьезное, сосредоточенное выражение, с которым он поглядел на мертвого реполова, а потом сказал решительно: «Никогда больше не буду птиц в клетке держать».

И больше он действительно не держал их».

Несмотря на то, что Мария Александровна считала это занятие очень полезным для мальчика, она не стала настаивать на новой попытке заняться птицами, потому что понимала, какое тяжкое впечатление произвела на Володю смерть реполова. Может быть, он действительно чувствовал свою вину в этом. Нель-

зя было допускать травмы, и Мария Александровна предпочла переключить виимаиие и интересы Володи на другие дела.

Все, что известно о Марии Александровне и Илье Николаевиче Ульяиовых из различных документов и воспоминаний, создает твердое убеждение, что сила их талаита как воспитателей заключалась в очень хорошем знании и понимании детей, в улавливании малейшего движения их души.

Володя отдал одному из беднейших одноклассников свои брюки. Это, конечно, нанесло материальный ущерб семье, но мать увидела в этом прежде всего доброту: ведь очень важно, чтобы сын не вырос эгоистом. По той же причине Мария Александровна ие обижалась на него за то, что завтраки, которые она аккуратно укладывала в раиец сына, тот часто отдавал ребятам, жившим в паисиоие.

Одноклассник Володи Василий Друри вспоминает: «Я жил в пансионе при гимназии, где, конечио, и кормили нас крайне слабо; Владимир же Ильич жил у своих родителей и, приходя в класс, приносил с собой что-либо на завтрак. Вот этот-то самый завтрак он сам почти не ел, а отдавал нам, полуголодным пансионерам. Вообще он не только делился куском хлеба и завтраками с другими учениками, но даже часто отдавал и свои учеиические принадлежности, как-то: тетради, карандаши и перья, оставаясь сам без иих, за что даже частенько подвергался строгим замечаниям со стороны гимиазического инспектора Ивана Яковлевича Христофорова».

Оля нередко, отложив свои уроки, бежала к больной подруге, чтобы объяснить ей, что задали, и помочь решить задачи.

Одиоклассники Володи рассказывают, что он постояиио защищал гимназистов из младших классов, которых обижали старшие. Ему порой и самому доставалось от озорников. Матери бывало жаль сына, но что делать, главиое — он не трус и любит справедливость.

Невольно приходит в голову мысль: а зиают ли современные родители обо всех хороших поступках, которые совершают дети в школе? Ведь навериякa у них проявляется и доброта, и чуткость, и смелость, борются они и с ленью, неискреииостью, отстаивают справедливость, может быть, даже порой страдая за

это. Одобрение и моральная поддержка родителей могут подтолкнуть дальнейшее развитие этих прекрасных качеств. Недостатки лучше всего преодолеваются при помощи развития в ребенке всего положительного.

Дети Ульяновых были разными по своему характеру. Саша и Аня росли спокойными, послушными. Они были по-детски подвижными, но их никак нельзя было назвать шаловливыми. А маленький Володя был кипучим, много шалил, частенько ходил «колесом». Оля была такой же живой, как Володя. Г. Назарьева, которая много бывала в доме Ульяновых, рассказывает в своих воспоминаниях, хранящихся в фондах Дома-музея В. И. Ленина в Ульяновске:

«Целый день можно было слышать, как Ольга пела, прыгала на одной ножке, вертелась или играла с Володей, который, мне кажется, больше всех доставлял хлопот матери и старшей сестре».

Совсем разными они были и в более старшем возрасте. Марию почти всегда переполняла искристая жизнерадостность, ее называли хохотушкой. Анна была мечтательной, Александр — серьезным, сосредоточенным. Словом, сколько детей — столько характеров, столько индивидуальностей. И каждый требовал своего подхода. Воспитание в семье Ульяновых протекало так, что каждый из детей оставался самим собой. Все интересное, особенное, что обозначалось у любого из детей, поддерживалось, развивалось родителями. Затормаживалось только плохое, причем всегда щадилось самолюбие и человеческое достоинство детей.

Ульяновы пристально наблюдали, как проявляет себя каждый из детей в играх, в труде, во взаимоотношениях с младшими и старшими братьями и сестрами, а также с товарищами и подругами, которые постоянно бывали у них дома.

Разве, например, не отрадно было заметить, что при игре в шахматы Володя не любил легких партий и, когда обыгрывал слабого игрока, заявлял: «Это не я выиграл, а ты проиграл».

А Митя, наоборот, больше всего любил играть с отцом, потому что тот снисходительно разрешал брать ходы обратно. Пусть это маленькая деталь, но она свидетельствовала о разных характерах братьев, а, следовательно, перед родителями стояли разные педагогические задачи.

Особенно сложный характер был у Саши. Он отличался замкнутостью (в этом отношении они были сходны с Аней), любил уединенные серьезные занятия. Застенчивый и малоразговорчивый, Саша с детства обо всем имел свое собственное, самостоятельное и порой очень самобытное мнение. Для него была характерна постоянная серьезная сосредоточенность. В. А. Калашников, первый учитель Володи, вспоминает, что «несмотря на его (Саши.— *И. П.*) молочно-бледное лицо, тихий голос, спокойные движения, в его больших черных глазах светилась такая внутренняя могучая сила, которая для достижения намеченной цели могла, кажется, преодолеть всякие препятствия».

Все это ценилось родителями, но для них было ясно, что Саше полезно чаще «встряхиваться», участвовать в общих развлечениях, веселиться, радоваться. Сашу втягивали в коллективные игры, занятия, в общие прогулки, шутливые разговоры. И он так же серьезно, как отдавался занятиям, включался в игры, ребячью беготню, прогулки. Анна Ильинична писала: «Помню, как мы взлетали с ним, распевая что-нибудь из Некрасова, на подгнивших качелях, с каким жаром играл он в крокет, бегал на гигантских шагах, увлекался плаваньем, лодкой. За шахматами он мог также забываться...» Умственным занятиям Саши это не вредило, а развитие его становилось более разносторонним.

Очень помогали родителям лучше узнать и понять детей ребячьи споры. В семье Ульяновых это чаще всего были литературные споры. Саша в детстве очень любил А. С. Пушкина, а Аня предпочитала М. Ю. Лермонтова. Спорили они много и горячо. Каждый доказывал преимущества таланта своего любимого поэта. В двенадцать-тринадцать лет Аня и Саша прочли «Войну и мир» Л. Толстого. Саша отнесся отрицательно к Андрею Болконскому и Пьеру Безухову. Его пленил Долохов. И дети горячо отстаивали свои идеалы.

А сколько было горячих споров, когда уже в последних классах гимназии начали читать и перечитывать Д. И. Писарева, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова!

Отрочество и юность — это возраст споров и поисков истины. И в этих спорах выявляются устрем-

ления, вкусы, идеалы, сомнения. Это особенно благоприятное время для узнавания и понимания детей. У Ульяновых споры и обсуждения велись и за столом и во время коллективного чтения классических литературных произведений. Володя очень любил спорить, тем самым он как бы вырабатывал и укреплял свою точку зрения. Один из его одноклассников рассказывал, что однажды Володя завел с ним спор на религиозно-философские темы и буквально ошеломил своей критикой общепризнанных истин. Смущенный одноклассник молчал, а Володе наскучило молчание, и он прекратил спор, так как любил активный обмен мнениями.

Илья Николаевич и Мария Александровна, уважительно относясь к достоинству детей, разрешали им участвовать в разговорах старших и даже вступать с ними в дискуссии. В Доме-музее В. И. Ленина в Ульяновске находится любопытное письмо В. В. Кашкадамовой, близкого друга семьи, в котором она, описывая свое первое знакомство с Володей Ульяновым, рассказывает, как менялось выражение его лица, когда старшие затевали какой-то серьезный разговор. По его коротким замечаниям: «Гм, ну да!», «Почему?» — видно было, что он близко к сердцу принимал то, о чем говорили старшие. Когда речь заходила о какой-нибудь несправедливости, то не только лицо, а вся фигура его выражала негодование.

Илья Николаевич иногда просто усмехался, продолжая разговор, иногда приостанавливался, возражая Володе, но тот не всегда соглашался, а, вступая порою в спор с отцом, горячо отстаивал свое мнение. Тогда Илья Николаевич тоже серьезно объяснял Володе непонятое им, внимательно приглядываясь к сыну.

Уважение к детям тоже было одним из важнейших принципов воспитания в семье Ульяновых. Это положительно влияло на развитие личности ребенка, вселяло в него веру в свои возможности, помогало самовыражению.

Когда к детям относятся с подлинным уважением, в частности позволяют им в соответствующем возрасте участвовать в серьезных разговорах старших и вести дискуссию, это, естественно, заставляет детей думать, у них вырабатывается умение логически мыслить, доказывать, обосновывать, бороться за свою

точку зрения. А старшим это помогает лучше узнать и понять детей.

Особенно пристально родители Ульяновы следили за возникновением и развитием у детей творческих способностей.

В семье Ульяновых было так: интересуешься каким-то видом искусства или науки, значит, можешь развить свои способности в этом направлении, борись, старайся, трудись — и достигнешь многого непременно.

Когда по инициативе Саши в семье стали издавать рукописный журнал «Субботник», родители сумели поддержать ребят, углубить их интерес к нему. Журнал делали со всеми отделами и рубриками, какие бывают в настоящих печатных изданиях.

Организация журнала была очень простой, материал не переписывался, не редактировался, а просто складывался в папку. И так, вероятно, было лучше, потому что каждый оставался в творчестве самим собой без всяких «приглаживаний» и шлифовок редактора.

То, что супруги Ульяновы очень внимательно присматривались к детям, старались разобраться в их способностях и возможностях, показывает рассуждение Ильи Николаевича по поводу разных темпераментов сыновей и дочерей. «Помню,— писала Анна Ильинична,— что он (отец.— *И. П.*) говорил как-то, что у брата Володи темперамент холерический, у Оли — сангвинический, а у меня меланхолический»[1].

В. Кашкадамова писала:

«Илья Николаевич любил разделять своих детей на пары. В каждой паре было по мальчику и девочке.

— Плохих детей у меня нет,— говорил Илья Николаевич,— но все-таки каждая пара совершенно отличается от других пар.

— Первая пара — Александр и Анна, люди способные и талантливые, и из них в будущем выйдет большой толк. Вторая пара — Владимир и Ольга, самая любимая, эти, пожалуй, будут получше старших и пойдут еще дальше. Третья пара — Дмитрий и Мария — народ тоже довольно способный, но сказать про них ничего еще нельзя»[2].

[1] *Иванский А.* Молодой Ленин, с. 110.
[2] Там же, с. 111.

МЕТОДЫ ВОСПИТАНИЯ И САМОВОСПИТАНИЕ

Самодисциплина

Усилия родителей Ульяновых были направлены на развитие у детей способностей к самодисциплине, самообразованию, самоусовершенствованию. Им внушалось, что они достигнут многого, если сами того захотят.

Все дети Ульяновых с большим рвением учились, много работали, читали, занимались физическим трудом, упражнялись в различных видах спорта, закаляли свой характер. И всем им была свойственна самодисциплина. Но этому обычно предшествует воспитание у человека дисциплины. Оно начиналось в семье Ульяновых, когда дети были еще маленькими.

В доме всякое случалось. Дети были как дети. Шаловливостью и резвостью особенно отличались Володя, Оля и Митя. Анна Ильинична рассказывает, как однажды Саша разложил на ковре театральные афишки, которые он собирал. Вдруг в комнату влетел маленький Володя. Он начал топтать афиши и некоторые изорвал. Мария Александровна поскорее увела сына.

Бывало, что малыши без разрешения убегали из дому. Как-то Володя вышел на улицу и уселся посреди дороги. На него налетела лошадь, он остался жив только благодаря счастливой случайности.

Иногда детишки дразнили друг друга, мешали один другому заниматься.

Как же родителям удалось, не подавляя самостоятельности и инициативы детей, воспитать у них дисциплинированность и высокую требовательность к себе?

Прежде всего следует сказать, что в семье Ульяновых совершенно были исключены физические наказания. Илья Николаевич всегда восхищался выдающимся русским педагогом и врачом Н. И. Пироговым и был с ним согласен в том, что «розга — слишком грубый и насильственный инструмент для возбуждения стыда. А чувство стыда — это такой нежный, оранжерейный цветок, который разом завянет, когда побывает в грубых руках. Розга вселяет страх,— это

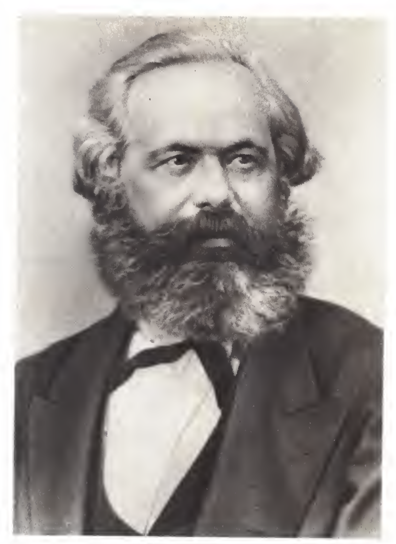
Карл Маркс — студент

Женни фон Вестфален в 30-е годы

Елена Демут

Сын Маркса
Эдгар (Муш)

Карл Маркс
(1867 г.)

Дочери Маркса:

Женни и Лаура
в 50-е годы

Элеонора
в 60-е годы

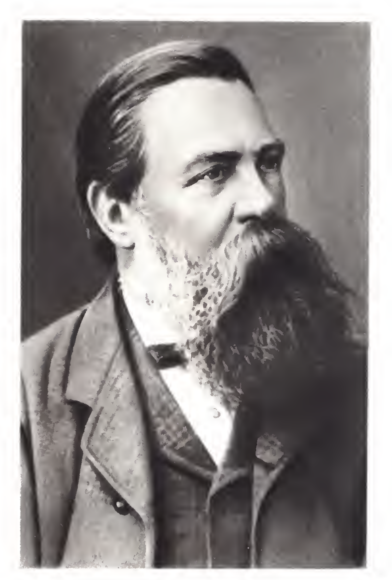

Женни Лонге

Лаура Лафарг

Элеонора Маркс

Энгельс
в конце 70-х годов

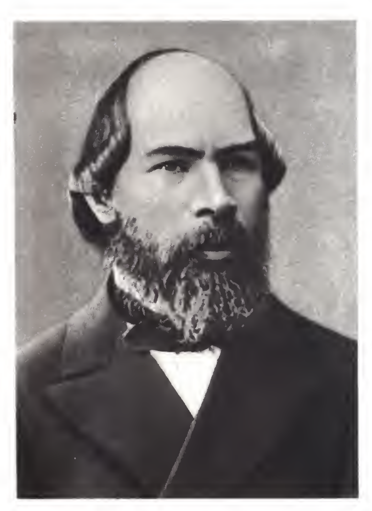
К. Маркс, Ф. Энгельс
и дочери Маркса
в 60-е годы

Карл Маркс
с дочерью Женни
(1869 г.)

Семья Ульяновых.
1879 г.

Илья Николаевич
Ульянов

Мария Александровна
Ульянова

Анна Ильинична
Ульянова

Александр Ильич
Ульянов

Володя и Оля Ульяновы
в раннем детстве

В. И. Ленин
(Ульянов) —
гимназист 8-го класса.
1887 г.

Ольга Ильинична
Ульянова

Маняша и Митя
Ульяновы.
1880 г.

Дмитрий Ильич
Ульянов
в гимназические годы.
1893 г.

Мария Александровна
и Мария Ильинична Ульяновы.
1913 г.

правда, но не исправительный, не надежный, а прикрывающий только внутреннюю порчу. Она исправляет только слабодушного, которого исправили бы и другие средства, менее опасные...» [1].

Правда, сам Н. И. Пирогов был не до конца последовательным, допуская угрозу розгой. Илья Николаевич и с этим был не согласен. Никаких угроз физическими наказаниями! Никаких размахиваний розгами! Он категорически отрицал воздействие на детей страхом и болью, призывал проникать в душу ребенка, влиять на его сознание, подбирать ключ к его сердцу.

В самом деле, почему многие воспитатели пользуются физическими наказаниями, этим варварским средством дикарей и педагогических невежд? Только ли вследствие консерватизма («Дед бил отца, меня бил отец, и я буду бить сына — так ведется испокон веков»)? Нет ли здесь их собственной беспомощности или лени? Чтобы воздействовать на ребенка, надо анализировать поступки и причины, их вызывающие. Воспитателю, педагогу или родителям надо себя так поставить, чтобы ребенок охотно выполнял их требования, признавал их авторитет. Все это требует от воспитателей немалого напряжения, умения проникать в жизнь детей и самим быть для них примером. А это не просто и не легко. Куда проще и легче наказать ребенка. Неважно, что нарушается внутренний контакт с ребенком, подавляется развитие его энергии, самостоятельности. Главное — чтобы дети не причиняли беспокойства и огорчений.

Супруги Ульяновы не хотели да и не могли быть такими воспитателями.

А применялись ли в семье Ульяновых вообще какие-либо наказания? Да. Если кто-то из малышей чересчур шалил и вообще совершал недозволенное, его отводили в кабинет отца, сажали в большое кожаное кресло, которое дети называли «черное кресло», и он должен был там некоторое время посидеть и поразмыслить над своим поведением. Иногда провинившемуся объявлялся выговор, который тоже был нелегким моральным наказанием. Такой выговор — сильное наказание и одновременно воспитание совести.

---

[1] *Пирогов Н. И.* Избранные педагогические сочинения. М., 1953, с. 109.

В тихие вечерние часы, когда все чем-нибудь занимались, а Володя вдруг начинал шуметь и всем мешать — отец забирал мальчика к себе в кабинет и заставлял смирно сидеть возле него. Такое наказание для живого, подвижного Володи, надо думать, также было нелегким.

В воспоминаниях родных и друзей Ульяновых никаких упоминаний о других видах наказаний нет.

Вообще наказания в воспитательной системе Ульяновых занимали очень незначительное место. По отношению к маленьким вместо наказания чаще всего прибегали к простому и распространенному педагогическому средству — отвлечению. Во многих воспоминаниях рассказывается, что мать уводила расшалившихся детей в столовую, садилась за рояль и начинала петь с ними детские песенки или все вместе начинали игру, а иной раз мать просто выпроваживала детей в сад.

Но главное, что помогало родителям воспитывать детей дисциплинированными,— это строгая, последовательная и неотступная требовательность. Об Илье Николаевиче, как об инспекторе, говорили, что он был очень строг и требователен, но одновременно деликатен и чуток. И. Н. Ульянов решительно настаивал на выполнении своих указаний, но всегда прекрасно владел собой: никогда не повышал голоса, если сталкивался с нерадивостью учителей или разболтанностью учеников. Он всегда старался воздействовать на сознание, вызвать осмысленное и твердое желание изменить себя к лучшему и вместе с тем терпеливо развивал у своих коллег и учеников чувство ответственности. Таким же Илья Николаевич был и в семье. Что бы ни натворили дети, никогда не допускались резкие окрики, обидные упреки и тем более ругань.

Н. Г. Чернышевский писал: «Ребенок, который переносит меньше оскорблений, вырастает человеком, более сознающим свое достоинство» [1]. Эта мысль была очень созвучна собственным убеждениям Ильи Николаевича и Марии Александровны Ульяновых. Какой бы гнев ни вызывали у них капризы детей,

---

[1] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. в 15-ти т. М., 1949, т. 9, с. 628.

они всегда умели сдержать себя, найти разумные средства воздействия на них и настоять на своих требованиях.

Воспитанию дисциплины способствовала хорошо продуманная организация жизни семьи. Анна Ильинична писала, что талант организатора Владимир Ильич унаследовал от матери.

В семье у детей с раннего детства были абсолютно точно определены часы питания, сна, занятий, игр, у них постепенно вырабатывалась привычка соблюдать режим, а с годами эта привычка становилась естественной нормой поведения. Единственной уважительной причиной опоздания, например к обеду, считалось самозабвенное увлечение каким-то серьезным занятием, а для маленьких — игрой. В этих случаях за опоздавшим кого-нибудь посылали и принимали от него извинения без всяких замечаний.

Анна Ильинична очень точно описала режим дня Владимира Ильича в детстве. Он всегда вставал ровно в семь часов и тотчас одевался, не позволяя себе валяться в постели. Быстро чистил зубы, умывался, обтирался до пояса, непременно убирал за собой постель и садился за повторение уроков. Затем вместе со всеми завтракал и ел все, что было подано. Оставлять на тарелках не полагалось. Затем Володя укладывал в ранец приготовленный матерью завтрак, десять минут ждал за столом, пока остынет горло после горячего чая. Ровно десять минут девятого (занятия в гимназии начинались в восемь часов тридцать минут) вставал, прощался с матерью и отцом, быстро одевался, застегиваясь по форме на все пуговицы, и уходил.

Придя домой из школы, он час-два гулял во дворе: играл в лапту, в салочки, в казаки-разбойники.

— К обеду мы собирались все вместе,— вспоминала Анна Ильинична,— и очень весело обедали, рассказывая все, что было днем. Мать и отец с терпеливым вниманием выслушивали все наши детские суждения и принимали близкое участие во всех наших делах... После обеда он (Володя.— *И. П.*) сейчас же садился за уроки и с большим вниманием и старанием исполнял их... После приготовления уроков он с увлечением играл с сестрой Олей. Потом мы все пили чай; ужинали ровно в 8 часов вечера, а в восемь с половиной Володя шел умываться перед сном и, со все-

ми простившись, быстро ложился спать и засыпал немедленно [1].

Этот режим для Володи, так же как для других детей Ульяновых, был установлен родителями, которые строго требовали его исполнения.

В доме были заведены так называемые «тихие часы», когда все одновременно работали или читали: и родители, и дети, включая самых младших. Нарушать тишину в эти часы не позволялось. Дмитрий Ильич в одной из своих статей рассказывал:

«Не могу не вспомнить вечер в нашем доме в детстве, когда мне было пять — семь лет. Везде и на всем лежит отпечаток рабочей обстановки. Отец сидит за работой в своем кабинете. Наверху в антресолях, каждый у себя в комнате, сидят за книгами братья Саша и Володя. Внизу в столовой, за большим столом, сидит за шитьем или другой работой мать. Тут же около нее, с книгами и тетрадями, сидят сестры Аня и Оля, здесь же и мы, меньшие (Митя и Маня), тихо чем-нибудь занимаемся. Шуметь и мешать старшим строго запрещается. Бывало, только кто-нибудь из нас запищит или Володя, кончив занятия, сбежит вниз и начнется шум, сейчас же является отец и строго говорит: «Что это за шум? Чтобы я больше этого не слыхал!» — и все опять стихнет. В крайнем случае, отец берет провинившегося к себе в кабинет и усаживает при себе за какую-нибудь работу. Порядок, в общем, был строгий» [2].

Такие «тихие часы» вырабатывали у детей привычку к самодисциплине, к уважению других членов семьи, к самообладанию.

Инициатива детей никогда не подавлялась. Но с раннего детства они точно знали, что можно и что нельзя. И тут в семье существовали три незыблемых правила. Первое — если чего-то нельзя, то нельзя, отступлений не допускалось. Маленькая Оля плакала, протестовала, когда ее посылали спать, уверяла, что все равно никогда не спит, а только лежит с закрытыми глазами. Но никакие слезы и протесты не помогали. Спать приходилось ложиться вовремя.

Второе — дети должны были понимать, почему

[1] *Бонч-Бруевич В. Д.* В семье Ульяновых.— Семья и школа, 1946, № 10-11, с. 8—9, 10.

[2] *Ульянов Д. И.* Воспоминания о Владимире Ильиче. Изд. 3-е, доп., с. 14.

нельзя. Так, не разрешалось вертеть швейную машину, потому что она может сломаться и мама не сможет сшить нужные всем вещи. Нельзя бегать перед тем, как выходить в морозный день на улицу, потому что можно простудиться.

И третье — заведенный порядок соблюдали в одинаковой степени и старшие и младшие. Никто из членов семьи не разбрасывал на столе книг, журналов, письменных принадлежностей, никто не позволял себе без предупреждения где-то задержаться и т. д.

Родители строго следили, чтобы дети не проводили время в праздности, чтобы их досуг был всегда заполнен разнообразными занятиями. Ведь больше всего нарушений дисциплины происходит, когда дети не знают, куда девать излишки своей бурной энергии. В этом отношении очень много значило доверие отца и матери Ульяновых к инициативе, силам детей. На первый взгляд могло показаться, что они предоставляли детям чрезмерную свободу. Но в этом был большой педагогический смысл. Мальчики в каникулярное время по нескольку раз в день купались, много гуляли, лазали по деревьям, по многу часов не уходили с чердака, где происходила игра в индейцев. Иногда дети, играя дома в салки, жмурки, догонялки, прятки, гремели стульями, громко спорили, кричали, визг и хохот оглашали весь дом. И если в это время дома никто не занимался, не отдыхал, детей не останавливали. Ведь это не только полезные для физического развития детей движения, не только удовольствие, игра, развлечение, но и выход энергии. В ответ на вопросы: «Можно ли поиграть?», «Можно ли побегать?» — дети чаще всего получали согласие. Родители очень мудро учитывали, что для соблюдения в семье дисциплины большое значение имеют не только запрещения, но и разрешения: все можно, что требует детское сердце, возраст, что может поглотить излишние бурную энергию ребят, что развивает их инициативу, волю, стремление проявить себя.

Анна Ильинична писала:

«Мать наша умела поддерживать дисциплину, никогда излишне не стесняя нас...

Большую роль в этом играла привычка читать. Чтение развивало усидчивость, способность длительно сосредоточиваться. Этому же помогала игра в шахматы и другие настольные игры. Отец начинал учить

играть в шахматы сыновей и дочерей с восьми-девяти лет. Вместе со взрослыми дети играли в крокет и биллиард. Требовалось строгое выполнение правил. И детям нравилась эта серьезность в игре. Володя и Оля сами установили дополнительные правила игры в крокет, неукоснительно придерживались их сами и строго следили за другими участниками. Например, они не позволяли долго вести шар молотком, а требовали короткого удара. С такой же строгостью Володя и Саша относились к выполнению правил при игре в биллиард.

Старшие дети помогали матери приучать младших к дисциплине. Мария Александровна рассказывала Анне Ильиничне, что однажды, когда Саша и Володя сидели за шахматами, она напомнила Володе, что он чего-то не выполнил. Володя ответил небрежно и не спешил исполнять. Мать настаивала, но Володя так увлекся шахматами, что не двинулся с места. Сашу это возмутило.

— Володя, или ты сейчас же пойдешь и сделаешь, что мама тебе говорит, или я с тобой больше не играю.

Старший брат сказал это так твердо, что Володя тотчас встал и исполнил требуемое.

А Володя в свою очередь умел благотворно повлиять на Митю, когда тот не желал прекратить игру и на требование няни идти спать отвечал отказом.

Много внимания уделялось в семье воспитанию у детей вежливости, почтительности к старшим, деликатности в обращении и хороших манер. Родители и в этом были для детей подлинным образцом.

В. А. Калашников рассказывал об Илье Николаевиче как руководителе съездов учителей: «Его такт, мягкость, деликатность, сдерживание слишком горячих в прениях с товарищами характеров в каждом из нас оставили воспоминания о съездах, как о счастливых днях...»

Таким же деликатным, терпеливым и добрым был Илья Николаевич и в семье. Он с большим уважением и неизменной почтительностью относился к жене, был очень вежлив с няней Варварой Григорьевной. Уважительно относился он и к детям. Иногда в шутку даже обращался к ним на «Вы». У него не было привычки говорить им, чтобы они не совали нос куда не следует, отец никогда не обрывал их, если

они что-то рассказывали путано или длинно, доброжелательно помогал им разобраться в своих проступках. Даже упреки и выговоры делал в деликатной форме.

Что касается Марии Александровны, то она была олицетворением выдержки и обаятельной деликатности. Иногда матери раздражаются и нервничают, если дети шумят, пристают с бесконечными вопросами, требуют к себе внимания, шалят. А Мария Александровна родила восьмерых детей, шестерых вырастила. Сколько приходилось Марии Александровне думать над тем, как распределить средства, особенно после смерти Ильи Николаевича, и время, чтобы все были сыты, одеты, ухожены, чтобы в доме было уютно и чисто, в саду цвели розы, наливались соками фрукты. А бессонные ночи, трепетное волнение за новорожденного, тысячи мелких и больших забот, ведомых лишь женщине, хозяйке дома, матери большой семьи!

И, несмотря на все это,— никакой нервозности, раздраженности, недовольства шалостями детей. Даже чем-то разгневанная, Мария Александровна оставалась корректной, деликатной. В этом ей помогала сильная воля и длительная работа над своим характером.

Вежливость, сдержанность, деликатность, благожелательность — это прежде всего проявление человечности. А хорошие манеры — внешнее выражение этой человечности.

Вот почему Ульяновы терпеливо воспитывали у детей эти качества. Методы были простые: объяснения, показ, постоянные упражнения, напоминание, терпеливая выработка привычек. Родители начинали заботиться о воспитании навыков культурного поведения детей, когда те были еще малышами. Старшие говорили детям: следи за своим тоном в разговоре, не повышай голоса; если твой товарищ неправильно произносит слова, деликатно поправь его, но не допускай, чтобы над ним смеялись; нечаянно огорчил — извинись; у няни плохое настроение, она хмурится — успокой, развесели ее; не забудь пожелать всем спокойной ночи, в том числе и самым маленьким братьям и сестрам.

Дети Ульяновых никогда никому не грубили, никогда не относились к людям пренебрежительно (ес-

ли, конечно, это не были ничтожества), не обижали людей.

Когда Володя помог бедному крестьянину вытащить увязший в грязи воз, поднял оброненную им рукавицу, уважительно поговорил с ним, а на прощанье крепко пожал руку,— это было не только воспитанной у него вежливостью, но и проявлением уважения к трудовому человеку.

Доброе и предупредительное отношение Саши к малограмотному старику — рассыльному отца, с которым он всегда здоровался и прощался за руку,— безусловно, было выражением человечности.

Дети Ульяновых были воспитаны так, что для них каждый человек был Человеком. Володя с одинаковым почтением разговаривал и со своим учителем, и с грузчиком баржи, и с волжским бурлаком, и с прачкой.

Когда Володя ездил в Кокушкине в ночное или играл в бабки с деревенскими ребятишками, то и с ними он был так же вежлив и предупредителен, как и с двоюродными братьями, потому что иначе не мог, таким его воспитали родители. Вежливость и хорошие манеры были выражением его внутреннего благожелательного отношения к человеку, к сверстникам.

Все, кто знал В. И. Ленина, восхищались его манерами. Он всегда пропускал спутника вперед, извинялся за допущенную оплошность и непременно благодарил даже за мелкие услуги, уступал место старшим и женщинам, целовал руку матери. Причем он никогда не отказывался от этих манер: ни в кругу только что вернувшихся с фронта солдат, ни среди крестьян в лаптях и рваных армяках, ни в кругу рабочих. Владимир Ильич всегда и всюду оставался самим собой. Его предупредительность, чрезвычайная вежливость никогда не отталкивали от него простых людей. Наоборот, к Владимиру Ильичу люди тянулись, охотно делились с ним сокровенными мыслями.

Приучая детей к дисциплине и порядку, Ульяновы чаще всего пользовались поощрением — самым гуманным, самым трудным, но очень эффективным методом формирования личности ребенка. Трудным потому, что этот метод требует очень умелого пользования им, иначе поощрение превратится в баловство, в захваливание. И тогда вместо дисциплинированности в харак-

тере человека появляются самоуверенность и развязность.

Отец и мать Ульяновы никогда не злоупотребляли поощрениями. На первый взгляд даже могло показаться, что они вообще скупы на похвалу. Постоянная требовательность, очень мало восторгов, сдержанное отношение к успехам детей и снова требовательность. Но если глубже всмотреться в опыт семейного воспитания Ульяновых, то буквально поражает, как тонко владели они педагогическим мастерством.

Поощрения в семейном воспитании имеют свои особенности. Это одобрительный взгляд, улыбка, поцелуй, это и совместная игра, и радость, высказанная по поводу успехов, и подарок, и устройство детского праздника, и просто выражение счастья на лице матери. Ничто так не стимулирует инициативу ребенка и не побуждает к усилиям над собой, как поощрение. Острая наблюдательность, постоянное общение с детьми помогали Ульяновым вовремя приободрить детей. Интересная выдумка в игре, в занятиях, проявление упорства в овладении наукой, музыкой, иностранными языками, рукоделием, каждая попытка помочь в уроках младшим сестрам и братьям замечались и поощрялись родителями. Нет сердец более благодарных и щедрых, нежели детские. В ответ на ласку и одобрение они готовы дарить вам все новую и новую радость. Постепенно дети привыкали брать себя в руки, не совершать недозволенного, привыкали делать не только то, что хочется, но и что нужно. Так вырабатывалась самодисциплина.

В придумывании различных поощрений Мария Александровна была очень изобретательной.

«Помню, сколько интереса доставляло мне, когда я была еще совсем маленькой, обучение вязанию и шитью,— рассказывала Мария Ильинична.— Мать подарила мне большой клубок красной шерсти и крючок для вязания. Я принялась за дело и скоро увидала с удивлением, что из-под шерсти торчат какие-то твердые предметы. Постепенно, по мере того как я вязала, из клубка появлялись маленькие игрушки, конфеты и т. п. И я вязала с увлечением, стараясь поскорее разгадать все тайны, заключавшиеся в этом чудесном клубке» [1].

[1] *Ульянова М. И.* О Владимире Ильиче Ленине и семье Ульяновых, с. 281.

Оля под руководством матери обучалась музыке. Сначала Мария Александровна задавала ей уроки и просила, чтобы девочка их подготовила самостоятельно. Конечно, ей бывало приятно, если Оля выполняла их хорошо. Задания усложнялись, Мария Александровна так рассказывала о содержании музыкальных произведений, о гигантском труде великих композиторов, что девочка начинала увлекаться музыкой и уже пыталась что-то разучить по собственному желанию. Родители, естественно, радовались этому, всячески поощряли ее старательность. К тому же Оля хорошо училась, много читала. И Мария Александровна внушала дочери, что самостоятельность, сильная воля и трудолюбие помогут ей выйти на широкий путь полезной деятельности во имя людей. Такая вера в девочку, поощрение ее упорства помогали ей еще больше совершенствоваться.

И вот уже Володя мечтает стать таким же трудолюбивым, как Оля.

Добрая сила поощрения заключается еще и в том, что оно развивает инициативу, вызывает эмоциональный подъем, помогает развитию целеустремленности. Эта педагогическая мера хороша также тем, что она укрепляет и углубляет внутренний контакт между родителями и детьми, в то время как наказания этот контакт нередко нарушают.

Впрочем, если очень внимательно присмотреться к опыту семейного воспитания родителей Ульяновых, то становится очевидным, что специальные методы воздействия они применяли, главным образом, когда дети были маленькими, и редко, когда дети подрастали. Постоянное общение с детьми, незаметное для них внушение разумного и хорошего, уважительное отношение к личности ребенка и неутомимое развитие их сознания действовали лучше любых специальных педагогических мер.

Родители следовали мудрым советам одного из своих любимых учителей — Н. А. Добролюбова:

«...Главное, что должен иметь в виду воспитатель, это уважение к человеческой природе в дитяти, предоставление ему свободного, нормального развития, старание внушить ему прежде всего и более всего правильные понятия о вещах, живые и твердые убеждения, заставить его действовать сознательно, по ува-

женню к добру и правде, а не из страха и не из корыстных вндов похвалы и награды...»[1].

Нам кажется, развнтие детей Ульяновых шло именно такнм образом. Дети чувствовали, что родители, глубоко ннтересуясь нх жизнью и успехами, уважают нх, верят, что они способны самн правильно оценнть свое поведенне, сумеют, когда нужно, взять себя в рукн и поступить так, как этого требуют старшие.

Влнянне родителей было очень тонким, осторожным, тактичным, почтн не ощутнмым для тех, кого воспнтывали. Зато детн очень хорошо чувствовали тепло разумной и нежной роднтельской любви.

Когда-то еще Карл Маркс говорнл, что надо не только учить детей, но и учиться у ннх. Это очень важная мысль, над которой полезно призадуматься всем родителям.

Н. А. Добролюбов в свое время также утверждал, что детн во многих отношеннях значнтельно нравственнее некоторых взрослых. «Они не лгут (пока их не доведут до этого страхом),— писал Н. А. Добролюбов,— они стыдятся всего дурного, они хранят в себе святые чувства любви к людям, свободной от всяких житейскнх предрассудков. Онн сближаются с сверстником, не спрашивая, богат лн он, ровен ли им по происхождению; у них замечена даже особенная наклонность — сближаться с обиженными судьбою... И чувства их всегда выражаются на деле, а не остаются только на языке, как у взрослых; ребенок никогда не съест данного ему яблока без своего брата или сестры, которых он любит; он всегда принесет из гостей гостинцы своей любимой нянюшке; он заплачет, вндя слезы матери, из жалости к ней»[2].

Илья Николаевич и Марня Александровна Ульяновы буквально заражались от детей жизнерадостностью, изобретательностью, увлекались вместе с ними играмн, чтением, прогулкамн. Роднтели и детн былн очень близкн, дети чувствовалн себя со взрослымн непринужденно, свободно, не терялн своей живостн н детской непосредственностн. Но вместе с тем роднтели настойчиво воспнтывали в ннх серьезность, требовательность к себе, ответственность за свои поступки и прнвычку к строгому порядку.

---

[1] *Добролюбов Н. А.* Собр. соч. в 3-х т. М., 1950, т. 1, с. 189.
[2] Там же, с. 188.

Самообразование

Человек никогда не сможет развить свой ум, если не будет систематически обогащать память новыми знаниями. Самообразование — это основной элемент самовоспитания, потому что вместе с накоплением знаний идет нравственное становление и совершенствование личности.

Постоянная жажда знаний — характерная черта всех Ульяновых. Дети, и старшие и младшие, прочитывали одну книгу за другой, старательно учили уроки, собирали разнообразные коллекции, вели наблюдения за явлениями природы, проделывали опыты по химии, физике, естествознанию, то и дело заглядывали в словари и энциклопедии. У них выработалась привычка запоминать, быть внимательными, усидчивыми, заниматься все больше и сосредоточеннее. Такая жажда знаний, разумеется, возникла не стихийно. Ее пробудили родители.

Мария Александровна и Илья Николаевич прежде всего стремились заинтересовать ребят учебой. Маленькие дети учились играя. Обучая детей иностранным языкам, Мария Александровна, например, завела такое правило: в определенные дни дети обращались к матери только по-немецки или по-французски.

Конечно, детям не просто было в течение всего дня разговаривать на иностранном языке. Порой они не могли найти нужного слова или оборота. Иногда Мария Александровна их выручала и что-то подсказывала им, но чаще всего она рекомендовала детям самостоятельно выходить из затруднительного положения и обращаться к словарю.

Привитая в детстве привычка пользоваться словарем помогала Ульяновым в дальнейшем самостоятельно изучать новые иностранные языки.

Овладеть иностранными языками помогала и педагогическая работа. Мария Александровна часто просила старших детей позаниматься языком с младшими. Оля помогала овладевать английским языком Мите. Володя старательно занимался французским языком с Маняшей. Причем он придумал даже свою «методику» и не заставлял девочку выписывать новые слова, а включал их в различные предложения в устной речи, с тем чтобы они запоминались более осмысленно.

Лучший метод самообразования и развития самостоятельности в изучении иностранного языка — переводческая работа. Мария Александровна сама была в этом отношении примером для своих детей. Она усердно занималась литературными переводами, главным образом с французского. Некоторые из переводов Мария Александровна даже публиковала в журнале «Русское богатство».

Володя, еще будучи гимназистом, вместе со своим одноклассником Кузнецовым пытался переводить с немецкого на русский «Капитал» Карла Маркса.

Анна Ильинична перевела с итальянского на русский язык книгу Э. Амичиса «Школьные товарищи», которая вышла отдельным изданием в России и несколько раз переиздавалась.

Оля перевела рассказы шведского писателя Сигура «Слишком поздно» и «Теща».

Упорная самостоятельная работа над иностранными языками развивала у детей волевые качества, которые помогали им успешно заниматься самообразованием и в области других наук.

Важнейшим условием постоянного самообразования является высокий интерес к знаниям. Отец и мать Ульяновы всячески старались развивать у детей этот интерес и стремление хорошо учиться.

Бывший ученик одной из приходских школ Степан Алексеевич Клюжев рассказывал на страницах «Ульяновской правды», как однажды в торжественный день выпуска к ним пришел Илья Николаевич Ульянов вместе со своим сыном Володей, который тогда обучался в четвертом классе гимназии. Илья Николаевич собственноручно вручил Степану Клюжеву похвальный лист за успехи и прилежание. В этой грамоте значилось:

«Симбирское 3-е мужское приходское училище, уважая отличные успехи, прилежание и похвальное поведение ученика Клюжева Степана, удостоило его на торжественном акте сей публичной награды. Симбирск, 6 июня 1883 г.

Директор народных училищ Симбирской губернии, действительный статский советник, кавалер И. Ульянов».

Илья Николаевич пригласил с собою Володю не случайно. Он хотел, чтобы сын увидел торжественную обстановку, в которой происходил выпуск школьников,

увидел радость учителей и самих ребят при выдаче награды.

Владимир Ильич учился очень хорошо, у него обнаружились блестящие способности к учению. Но Илью Николаевича это не успокаивало. Наоборот, он не раз выражал немалую тревогу по поводу того, что средний сын слишком легко все усваивает. Как бы не пострадало развитие у него упорства, терпения, прилежания. Без этого невозможно будет в дальнейшем овладевать более глубокими знаниями. Может быть, Илья Николаевич потому и взял Володю на торжество в приходскую школу, чтобы тот увидел, каких успехов достиг Степан Клюжев и другие ребята, несмотря на то, что они жили и учились в трудных условиях. Их никто не готовил к школе, классы были перегружены, да и домашняя обстановка не всегда благоприятствовала занятиям. Детям помогало необыкновенное упорство и труд.

Отец постоянно заботился о воспитании у всех детей чувства ответственности за учебу. Анна Ильинична писала об отце:

«Отличавшийся сам строгим выполнением долга и чрезвычайной исполнительностью, он считал важным привить эти качества и детям. Следя за уроками обоих старших сыновей, он и до гимназии и во время прохождения ими младших классов приучал их к щепетильно точному, отчетливому выполнению всех уроков».

Илья Николаевич ввел для детей систему своеобразного самоотчета. Анна Ильинична вспоминала, что, «возвращаясь из гимназии, Володя рассказывал отцу о том, что было на уроках и как он отвечал. Так как обычно повторялось одно и то же — удачные ответы, хорошие отметки, то иногда Володя просто, быстро шагая мимо кабинета отца по проходной комнате, через которую шла его дорога к себе, наверх, скороговоркой на ходу рапортовал: «Из греческого пять, из немецкого пять».

Так ясна у меня перед глазами эта сцена: я сижу в кабинете отца и ловлю довольную улыбку, которой обмениваются отец с матерью, следя глазами за коренастой фигуркой в гимназической шинели, с торчащими из-под форменной фуражки рыжеватыми волосами, проворно мелькающей мимо двери. Предметы, конечно, менялись: иногда звучало: «Из ла-

тыни пять, из алгебры пять», но суть была одна: получалась обычно одна отметка — 5».

По-видимому, такой доклад был обязательным. А это показывает, что родители очень внимательно следили за успехами детей. И опять-таки характерно, что отец и мать не допекали того же Володю вопросами: «Как дела?», «Вызывали?», «Какие получил отметки?», а требовали, чтобы он сам докладывал о своих успехах. Это, естественно, приучало мальчика к самоконтролю. Анна Ильинична рассказывала, что Володя всегда по всем предметам делал больше, чем задавали, читал книжки, писал изложения прочитанного, рассказывал прочитанное, делал лишние задачи. Он глубоко любил и уважал отца и, зная, что Илья Николаевич в свободную минуту непременно поинтересуется его учебными делами и попросит рассказать о том, что и как он делал, старался все делать больше и лучше.

Очень способствовала хорошей успеваемости детей забота отца о том, чтобы в доме были наглядные пособия. Вместо принятых во многих домах украшений в виде литографий и полочек с безделушками на стенах квартиры Ульяновых висели географические карты. В комнатах были барометры и настенные термометры. Дмитрий Ильич Ульянов писал, что отец «выписывал из Москвы или из Петербурга различные наглядные учебные пособия. Так, например, он выписал астрономический прибор, состоящий из лампы, которая играла роль солнца и освещала землю и луну — маленький глобус (земля) и серебристый шарик (луна). Глобус приводился в вращательное движение вокруг собственной оси и по эклиптике вокруг солнца при помощи особого часового механизма. В определенных фазах луны прибор демонстрировал солнечное или лунное затмение, полное или частичное, в зависимости от того, в тень или полутень входила земля... Он выписывал также из Москвы или из Петербурга политехнические выставки, например хлопчатобумажное производство, производство из льна, шелковичные коконы, веревочное производство из пеньки и т. д. и т. п.»

Илья Николаевич получал также различные приборы по физике, материалы для химических опытов, таблицы, иллюстрирующие разнообразные сведения по географии, естествознанию, зоологии, Приобрел он

зоологический атлас. Все это использовалось для развития интереса детей к той или иной учебной дисциплине, для лучшего усвоения детьми основ наук.

Подруга Ольги Ульяновой Катя Арнольд рассказывала, как Илья Николаевич, дав собиравшейся у них в доме детворе наиграться, вел всех в свой кабинет или комнату, наполненную всевозможными пособиями и картинами по изучению географии, этнографии и естествознания. Там он показывал детям картины и карты, приборы и коллекции, сопровождая показ увлекательным рассказом. «Бывало придешь домой, а в голове — все слышанное. Фантазия работает усиленно, и кажется, что видишь все эти горы, реки, тропические леса и людей, населяющих их».

Известно, что дореволюционная классическая гимназия требовала от учащихся немалого напряжения. Почти половина учебного времени отводилась древним языкам, требующим заучивания, запоминания, непрерывных упражнений, зубрежки. Не случайно много гимназистов отсеивалось из каждого класса по мотивам неуспеваемости. Тогдашний министр народного просвещения Д. А. Толстой считал, что математика, физика и естествознание отравляют сознание детей материализмом, и на эти предметы отводилось всего шестнадцать процентов учебного времени. Но Илья Николаевич развивал у детей интерес к этим наукам. Дети не только прекрасно занимались в гимназии, но и читали рекомендованные отцом научные книги. Список их был очень большой. Родители поддерживали увлечения старших детей решением сложных математических и физических задач, химическими опытами, экспериментами по естествознанию. Например, Александр Ильич самостоятельно изучал химию по Менделееву, он давал частные уроки и заработал деньги на устройство в летней кухне химической лаборатории.

Анна Ильинична углубленно изучала гуманитарные науки. Ольга помимо гимназической программы много занималась литературой, математикой и естествознанием. Дмитрий Ильич в гимназические годы тоже увлекался естественными науками: читал специальные книги, собирал коллекции насекомых.

Все дети очень много читали. Родители следили за тем, чтобы они хорошо познакомились с классиками русской и иностранной художественной литературы, а также с произведениями крупнейших критиков, публи-

цистов. Отец и мать также наблюдали за тем, чтобы дети регулярно читали выписываемые для них журналы.

По утверждению Н. К. Крупской, Илья Николаевич много делал для того, чтобы дети осмысливали прочитанное. Это дало свои плоды. Василий Андреевич Калашников вспоминал, что Володя «удивительно хорошо, сознательно читал. Родители подбирали книги и руководили чтением детей. Страсть к чтению у Владимира Ильича сохранилась до конца. Через чтение дети очень рано получили разнообразные знания и общее развитие».

Илья Николаевич и Мария Александровна всегда знали, что именно в данное время читает каждый из детей, не забывали поговорить о прочитанном. Одноклассник Володи П. Персианинов вспоминал: «Все почти вечера мы с ним проводили за чтением книг... Илья Николаевич, заходя к нам и часто заставая нас за чтением Толстого, беседовал с Володей и со мной о прочитанных книгах».

В семье в свободные часы очень любили решать всякие шарады, викторины, загадки, которые развивали сообразительность, находчивость, заставляли работать память, тренировать внимание, а главное, заставляли думать. Отец очень рано обучил детей игре в шахматы. Анна Ильинична писала: «Володя играл в шахматы с отцом и с братом Сашей. Мы, девочки, играли меньше. Помню только одну осень, когда отец и мы, трое старших, очень увлекались четверными шахматами и просиживали за ними поздно по вечерам...»

Первое время лидером был только Илья Николаевич, но затем он вынужден был сдаваться старшей дочери и сыновьям. Дмитрий Ильич рассказывал, что однажды после крупного проигрыша Илья Николаевич ночью поднялся в комнату Саши, «стащил» у него руководство по шахматной игре, просидел за ним всю ночь и тихонько отнес обратно. В следующей «схватке» со старшим сыном отец чувствовал себя более уверенно. Из этого явствует, что он хотел быть примером для детей в самоусовершенствовании. Пусть они видят, что во всем надо постоянно продвигаться вперед. Но здесь было и другое: отец видел в шахматах прежде всего тренировку ума и хотел стать сильным противником, чтобы игра требовала от сыновей максимального напряжения мысли. Илья Николаевич понимал, что для

сыновей игра может оставаться интересной лишь при условии, если трудности будут нарастать. Недаром пятнадцатилетний Володя, играя с более слабыми игроками, давал им пешку или даже коня вперед, заявляя: «Какой же интерес для меня играть на равных силах, когда нет надобности думать, бороться, выкручиваться».

Именно поэтому Илья Николаевич однажды сказал сыну (это было зимой 1885/86 года, незадолго до кончины отца):

«Володя, ты стал меня побивать в шахматы, тебе уже нужно познакомиться с NN и с ним играть».

Человек, которого имел в виду Илья Николаевич, считался в Симбирске лучшим игроком. Таким образом, отец хотел увеличить нагрузку на интеллект Володи.

Все дети Ульяновых увлекались музыкой, книгами, математикой или языками, старались сделать как можно больше, непрерывно совершенствуя себя. Александр, например, говорил с сожалением, что он более шестнадцати часов в сутки работать не может. И действительно, будучи студентом, он работал по шестнадцать часов. Ни отец, ни мать никогда не волновались по поводу того, что дети могут переутомиться. Они, по-видимому, очень верили в большие возможности молодого организма, считали, что ум так же, как и тело, нуждается в постоянном упражнении, в закалке. Единственно, о чем заботились родители,— чтобы напряженные умственные занятия детей сочетались с прогулками, играми на воздухе, купанием, катанием на санках, физическими упражнениями, чтобы дети правильно питались и нормально спали. В каникулярное время дети хорошо отдыхали и много веселились. Может быть, в этом и кроется одна из причин того, что при очень большой умственной нагрузке они не теряли работоспособности, не изматывали силы.

Надо полагать, что во многом тут помогала собранность, высокая культура учебного труда, а также оборудование рабочей комнаты всем необходимым.

Анна Ильинична рассказывала В. Д. Бонч-Бруевичу, что у Володи был отдельный стол, где он занимался, а потом ему отвели и книжный шкаф. «Везде у него было все чисто, переплетенные книжки завернуты в газетную бумагу. В тетрадях все было у него аккуратно. Он как-то посадил большую кляксу, случайно вы-

тащив что-то из чернильницы. Это его очень взволновало. Он тщательно вынул этот лист из тетради, вшил другой и сейчас же переписал все три страницы, ранее им сделанные. Когда он занимался, то был очень сосредоточен, ничем не отвлекался. Кончив уроки, он книжки и тетрадки убирал в ранец, а все остальное в стол или на полки шкафа, в свою библиотеку, на которую у него был составлен в тетрадке каталог»[1].

Н. И. Веретенников рассказывал, что Владимир Ильич в детстве очень бережно относился к книгам. Никогда не видели у него растрепанных или разбросанных книг.

К такой аккуратности дети были приучены матерью, которая сама отличалась идеальной организованностью и аккуратностью. Кто из родителей не знает, как трудно вырабатывать у детей привычку быть точными, аккуратными в каждой мелочи, каждое, даже самое маленькое, дело выполнять тщательно, доводить его до конца, если оно не удалось, непременно переделывать. Какой нужно обладать выдержкой, терпением, непременной доброжелательностью, чтобы постоянно и настойчиво добиваться этого! Аккуратность — это не только выражение дисциплинированности и внутренней культуры человека. Это огромный организующий фактор учебы. Если школьник все делает кое-как, то чаще всего он плохо запоминает правила и законы, потом начинают «не выходить» задачи, не усваивается логика рассуждений учителя и как следствие — падает успеваемость. Это неизбежно вызывает у детей нервозность, неверие в свои силы. В результате может постепенно угаснуть интерес к учебе. Очень выводят детей из равновесия и мешают им сосредоточиться на умственных занятиях бесконечные поиски учебников, тетрадей, ручек, циркуля, красок, линеек, которые они забывают своевременно положить на место. Иногда ученики эти вещи находят быстро, иногда долго не находят, взвинчиваются, сердятся на себя и на весь свет. Из-за этого они порой надолго прерывают или совсем прекращают подготовку уроков. Нечего говорить о том, что у них расслабляется воля, портятся нервы.

Подобного не происходило с детьми Ульяновых, так как родители не представляли себе правильного семей-

[1] *Бонч-Бруевич В. Д.* В семье Ульяновых.— Семья и школа, 1946, № 10-11, с. 8—9, 10.

ного воспитаиия без воспитания организованности во всем. Они иемало сделали, чтобы развить внимание у детей, научить их сосредоточиваться на главном в работе. Детям ие разрешалось отвлекаться от занятий, пока они не выполнят все до конца. Даже заведенные в семье «тихие часы» общих занятий развивали у детей способиость длительно сосредоточиваться на чем-то одном.

В воспоминаниях родных Владимира Ильича указывается, что ради уроков Володя отказывался от интересных игр, от конькобежного спорта, которым страстно увлекался, от прогулок по «Большому Венцу». Побеждали интерес к умственным занятиям и чувство долга.

Володя часто бывал со своими одноклассниками у гимназиста Аполлона Коринфского, который владел большой библиотекой. Один нз их общих товарищей вспоминает, что Ульянова нельзя было оторвать от шкафа с книгами. Он взбирался на высокую табуретку, быстро перелистывал страницы и сосредоточенно читал. Его звали в общую комнату повеселиться, иö он отказывался.

Таким образом, ярко выраженные ннтеллектуальные интересы, которые развивали у детей родителн, помогали укреплению воли, а воля, в свою очередь, помогала развитию способиости к самообразованию.

Жизнь в труде

Когда Владимир Ильич скрывался в Разливе и жил в шалаше, он косил сеио, рубил дрова, мыл посуду, готовил пищу. В какие бы условия он ни попадал, всюду отлично справлялся с любой работой. Ои мог починить одежду, иоски, постирать рубашки.

Трудовые навыки были получены им в детстве, а любовь к труду возникла и развилась под влиянием великолепного примера родителей. Аииа Ильиничиа писала, что Илья Николаевич, иесмотря на слабое здоровье, отличался всю жизиь большой трудоспособностью и исполнительностью в работе. Свойственна ему была также большая настойчивость в проведеиии иамеченного плана всякой взятой на себя работы.

Что касается Марии Александровны, то она была олицетворением трудолюбия. Чем более читаешь вос-

поминаний и рассказов о ее жизни, тем более дивишься, как эта удивительная женщина справлялась со своими бесчисленными трудовыми обязанностями. Да ведь как справлялась! Причем сфера приложения ее сил не ограничивалась только своей семьей и детьми. Мария Александровна обучала ручному труду девочек из приходской школы, активно участвовала в работе попечительского совета и благотворительного общества.

В своей семье Мария Александровна сумела сделать труд серьезным средством воспитания детей. Воспитание трудолюбия, аккуратности, чистоплотности начиналось в мире игрушек и игр. Затем дети приучались к самостоятельности при выполнении несложных трудовых обязанностей. Будучи еще совсем маленькими, они сами прибирали свои игрушки и книжки, самостоятельно одевались, ели. Когда подросли старшие, они, видя, как трудно справляться с хозяйством и с уходом за малышами матери и няне, помогали им. Это были их новые трудовые серьезные обязанности.

Мать обучала детей труду так же обстоятельно и серьезно, как работала сама, не делая разницы между мальчиками и девочками. Она учила пользоваться иголкой и ниткой и производить простую починку своей одежды одинаково и дочерей и сыновей. По мере того, как подрастали девочки, мать их обучала вязанию, вышиванию, шитью.

«Перед глазами так ясно встает картина, как я ребенком сижу рядом с матерью,— вспоминала Мария Ильинична.— Она с работой и у меня в руках носовой платок, который я должна подрубить. Работа не очень интересная, так и побежала бы побегать по двору или саду, но мать умеет ласково удержать меня, скрашивая труд своими рассказами, и я благополучно доканчиваю работу».

В Доме-музее В. И. Ленина в Ульяновске и сейчас еще сохранились красивые работы, по которым можно судить, что дочери Ульяновых достигли немалых успехов в художественном вышивании.

А по мере того, как подрастали мальчики, отец их учил работать рубанком, лобзиком, стамеской и другими инструментами. Сохранились некоторые работы Саши. Они очень аккуратно и изящно выполнены. Чувствуется, что детей не просто учили ремеслу, а воспитывали стремление сделать вещь добротно, красиво.

Успех неизбежно дает ощущение радости труда, а с этого, собственно, и начинает развиваться подлинная любовь к труду. Вышитая «крестом» подушка на диван, выпиленные лобзиком рамки для портретов или хлебница, сделанные руками старших детей игрушки из картона, из осокоревой коры, из дерева, которыми с удовольствием играли их младшие братья и сестры,— все эти вещи вызывали удовлетворение у самих юных мастеров: вещь не только хорошо сделана, но она кому-то нужна, полезна. Это уже элемент ощущения радости труда на общую пользу.

Еще большее воспитательное значение имел труд коллективный. Тут и взаимопомощь, и трудовое соревнование, и единство чувств и мыслей, которые обычно возникают только в дружной, коллективной работе.

Анна Ильинична вспоминает: «За частыми отлучками отца мы проводили время преимущественно с матерью, читали, занимались, мастерили что-нибудь из картона и цветной бумаги для елки.

Так как почти все украшения были продуктом нашего труда под руководством матери, то начинали мы работы задолго до елки, и они заполняли содержанием наши зимние вечера. Таким образом, елка была для нас не чуждым, купленными украшениями разубранным деревом, а нашим коллективным созданием; и даже позднее, в школе, не знавшей в то время никаких ручных работ, увлекались мы этим примитивным творчеством. На общем фоне трудовой жизни оно являлось тем радостным, творческим трудом, которому придается такое значение в современном воспитании...»

Коллективных форм труда было много. Это и помощь старшим в уборке комнат, и расчистка площадки для игры в крокет или в рюхи, и поливка горки и раската для катания на санях, и сколачивание ящиков для хранения инструментов и игрушек, и мытье посуды после чаепитий, и уборка сада.

О саде надо рассказать особо. Он, так же как и почти все в доме Ульяновых, играл свою роль в воспитании детей. В саду росли клубника, смородина, вишня, малина, много овощей, хорошие сорта яблонь — анис, белый налив и еще какие-то особенно вкусные яблоки на дереве, которое дети называли «черным деревом». Ребята наблюдали за развитием растений, за жизнью птиц и насекомых. Цветение фруктовых де-

ревьев, сирени, акаций, цветов, в особенности любимых Марией Александровной роз, серебристые тополя и «Анина осинка» с вечно трепещущими листьями вызывали неизменное восхищение детей и развивали их эстетические вкусы. Развесистые вязы с толстыми стволами были своеобразными гимнастическими снарядами, дети лазали по деревьям, играли и прятались в их густой листве.

Мария Александровна просила детей, чтобы яблоки с «черного дерева», даже если они поспеют, поберечь до приезда папы и вообще стараться, чтобы папа побольше ел этих яблок. Дети знали, что отец очень перегружен работой, утомляется в частых поездках по уездам Симбирской губернии, а у него не очень крепкое здоровье. И они охотно отказывались от самых вкусных яблок в пользу отца. Конечно, в конце концов и они полакомятся этими необыкновенными яблоками. Но самое главное заключалось в том, что дети заботились об отце. С других деревьев яблоки можно было есть не раньше, чем они созреют. А до того времени позволялось собирать только те, что падали на землю. Три особенно плодородных вишневых дерева дети не трогали до дня рождения отца. Это всегда очень удивляло соседей и знакомых. Им не верилось, что никто из детей, среди которых были и подростки и малыши, не нарушал заведенного порядка.

— Дети могут кушать ягоды в другой части сада. А эти деревья я просила их не трогать,— говорила мать знакомым.

Мать указывала детям вишневые деревья, гряды клубники, части малинника, где можно было «пастись» сколько угодно. Это приучало к дисциплине.

Мария Александровна очень умело организовывала коллективный труд детей.

«В поливке сада, а иногда и в уборке его принимали участие все дети,— делится своими воспоминаниями Дмитрий Ильич.— Это была, так сказать, общественная нагрузка, от которой никто никогда не отказывался, наоборот, скорее было соревнование.

Около колодца во дворе стояла большая кадка, другая такая же кадка стояла в цветнике. От нас требовалось, особенно в жаркое летнее время, чтобы обе эти кадки были заблаговременно наполнены водой, чтобы можно было поливать цветы рано утром, что часто делала мать сама. По вечерам же брались за ра-

боту все вместе. Обычно один кто-нибудь качает воду из колодца, другие с лейками и ведрами разносят ее к месту назначения. Бывало, приходит иногда отец, и работа кипит вовсю. Если качаешь воду из колодца, не хочется уступать другому, покуда не натрешь мозолей на руках, лишь бы побольше наполнить бочку водой, не отстать от других.

Дружная, спорая бывала работа!»

Анна Ильинична и Дмитрий Ильич рассказывают о коллективной работе в саду с искренним удовольствием. Работать было весело, да еще вместе с отцом и матерью. А раз так, то труд уже был не только «нагрузкой», а радостью.

Родители считали недостаточным воспитать у детей только любовь к труду. Есть люди, которые любят труд, готовы работать, как говорят, до седьмого пота, но только в своих личных интересах. Ульяновы последовательно формировали у своих сыновей и дочерей чувство трудового долга перед семьей, перед обществом.

Трудовой долг перед коллективом — это высочайший нравственный мотив трудовой деятельности детей. Он неизбежно перерастает в чувство долга перед народом, перед Родиной. Воспитанный в таком духе человек уже не в состоянии работать только для себя, он жаждет общественно полезной деятельности и непременно находит ее.

В коллективном труде вырабатывалась привычка помогать друг другу, помогать всем, кто в этом нуждается.

На формирование у детей чувства долга очень влиял пример отца. Мария Ильинична писала: «Вечно занятый, горя на работе на благо своему любимому делу, отец и детям старался привить то сознание долга, которое было так сильно развито у него, выработать у них характер, волю, трудоспособность, развить

...доверенность великую
К бескорыстному труду».

Дети научились ценить нелегкий труд отца, на средства которого жила вся семья, и поэтому стремились поскорее вложить и свою лепту в бюджет семьи.

Саша нередко брался за частные уроки, даже учась в последних классах гимназии и готовясь к экзаменам на аттестат зрелости.

Был и такой случай. Отец систематически посылал Александру Ильичу деньги в Петербург, когда тот уже стал студентом. Но сын очень экономно тратил их, а, приехав домой на каникулы, часть денег вернул отцу.

Оля, в период жизни в Казани, тоже зарабатывала деньги частными уроками, совмещая это с занятиями шведским языком и посещением музыкальной школы.

Шестнадцатилетний Александр Ульянов считал, что главное призвание человека — это приносить пользу обществу. В гимназическом сочинении он писал: «Честность и правильный взгляд на свои обязанности по отношению к окружающим людям должны быть воспитаны в человеке с ранней молодости, так как от этих убеждений зависит и то, какую отрасль труда он выберет для себя и будет ли он руководствоваться при этом выборе общественной пользой или эгоистическим чувством собственной выгоды...

Любовь к труду должна простираться не только на легкие и ничтожные вещи, но и на то, что с первого взгляда кажется непреодолимым.

Чтобы быть действительно полезным членом общества, человек должен настолько приучиться к настойчивому труду, чтобы не останавливаться ни перед какими трудностями и препятствиями, ни перед теми, которые представляют ему внешние обстоятельства, ни перед теми, которые представляют ему собственные недостатки и слабости: для этого он должен уметь управлять своей волей и выработать себе твердый и непоколебимый характер».

Эти слова Саши очень хорошо характеризуют отношение к труду и всех остальных детей Ульяновых. У них слово никогда не расходилось с делом. Все они беззаветно трудились на благо людей, всю жизнь обогащали свой ум знаниями, работали много, творчески.

Развитие в играх

В дневнике О. П. Петровой, соученицы Оли Ульяновой, есть такая запись:

«Завтра пойдем с Катей (сестрой.— *И. П.*) к Ульяновым на елку. У них всегда очень весело...

Были у Ульяновых. Оля позвала почти всех наших девочек. Илья Николаевич сам зажигал елку, танце-

вал с нами, и мы с ним играли в разные игры: жмурки и кошки-мышки. Мария Александровна играла нам танцы. Были и мальчики, товарищи Володи. Было так весело, что не хотелось уходить...»

Так бывало не только в праздники. В этой дружной, веселой семье поощрялась любая инициатива детей, изобретательность, проявление какой угодно фантазии, предоставлялась полная свобода в выборе игр. Бытовало народное правило: «Кончил дело — гуляй смело». «Гулять» разрешалось детям как они хотели. Считалось, что чем богаче мир игр, радостей, развлечений, тем лучше. Не поощрялось только бессмысленное времяпрепровождение и праздность. Родители понимали, что человек формируется в деятельности, а для этого он должен быть предприимчивым, энергичным, инициативным. Это развивается в играх, в детских забавах, делах.

В семье Ульяновых почти не было покупных игрушек. Девочки с помощью матери и няни шили самодельные куклы, мальчики вырезали из картона и бумаги солдатиков, мастерили всевозможные игрушки из бересты, делали самодельные ходули, клеили маски. В действии были и мысли и руки детей.

Если в «тихие часы» запрещалось шуметь, то в другое время детям позволялось сколько угодно «ходить колесом», таскать «убитого дикого зверя» в виде громадного растрепанного корня дерева, размалевывать себя «под индейцев».

Родители, например, прекрасно знали, что в часы их отсутствия дети устраивали буйную игру в «брыкаску». Ее выдумал Володя, и он был главным «заводилой». Младшие дети забирались в разные уголки полутемного зала и с замиранием сердца ждали появления мохнатого «чудовища». Оно со «страшным» рычанием бросалось то на одного, то на другого. Начиналась невероятная возня, беготня, крики, хохот. Потом уже дети ловили и тузили «брыкаску», которая с громкими воплями носилась по всем комнатам. Судя по тому, что эта игра время от времени повторялась в течение нескольких лет, родители не останавливали детей. Детство есть детство. Раз эта игра вызывает у ребят восторг, заставляет фантазировать, волноваться, смеяться — значит, она полезна, она обогащает их эмоциональную жизнь, развивает фантазию, воображение.

Детям не запрещалось играть в рискованные игры на реке, кататься на санках с высоких гор, отправляться в далекие странствования по болотам и оврагам верхом «на лошадях».

Конечно, Мария Александровна и Илья Николаевич, как все родители, волновались за детей, очень берегли их, но не опекали их по мелочам, доверяли их самостоятельности. Они хотели дать обществу совершенного человека, а ребенок мог вырасти таким только при хорошей физической и волевой закалке.

Такая свобода, непринужденность имели немалое значение также и для понимания родителями внутреннего мира детей и верной оценки их возможностей. Разобраться в собственных детях легче при условии, если они до конца «выдают» все, что в них таится. Немыслимо хорошо рассмотреть и оценить индивидуальные черты в характере ребенка, если он скован жесткими назиданиями, предупреждениями, угрозами. В таких тисках ребенок не может в полной мере проявить себя. Но зато как развертывается его характер, его ум в смелой, интересной игре!

Отец и мать Ульяновы не только не затормаживали игры и развлечения детей, но часто сами играли вместе с ними. Характерно, что Мария Александровна и Илья Николаевич, как метко отмечала Анна Ильинична, не снисходили до интересов детей, а действительно увлекались играми с ними и веселились так же, как и дети, от всей души.

Чем больше подрастали дети, тем разнообразней и содержательней становились игры. Играя вместе с детьми, родители видели, как проявляются в детях человеческое достоинство, выдержка, порядочность, деликатность, справедливость, честность и т. д., а также подмечали и недостатки в их характерах: неуравновешенность, горячность, самоуверенность и тактично помогали исправлять эти недостатки. Вероятно, именно в совместных играх и развлечениях надо искать разгадку того внутреннего единения между родителями и маленькими детьми, которое было в семье Ульяновых.

Именно в совместных играх у детей возникало восхищение отцом и матерью. Папа скорее других может поймать «мышку», когда идет игра в «кошки-мышки», выше всех запускает бумажного «змея» с мочальным хвостом. Мама больше всех знает детских

песенок, умеет сочинять самые интересные сказки, мастерить самые красивые игрушки-самоделки — с этого восхищения начинается осмысленное признание авторитета взрослых.

Но играть с детьми, и с маленькими, и со старшими, непросто. Родители требовали от детей обязательного выполнения правил игры, но не навязывали своих советов, указаний, не упрекали за ошибки, не возмущались нерасторопностью. Они понимали, что игра должна быть эмоционально насыщенной, радостной, веселой. Лишь при этом условии у детей возникает желание сдерживать себя, когда это необходимо, и самостоятельно выбираться из затруднительных положений, придумывать новые игровые комбинации. А это и есть путь к самовоспитанию, развитию инициативы, выработке привычки проявлять волевое усилие.

У маленьких в большом ходу была игра в солдатики. Володя сам вырезал солдатиков из бумаги и раскрашивал их цветными карандашами. Было две армии: одна у Володи, другая у младшего брата, Мити. Солдатики стояли благодаря отогнутой у ног полоске бумаги. Размер этой полоски был строго установлен — одинаковый в обеих армиях, но различный для солдат и генералов. У последних полоски были шире, и поэтому они были более устойчивы.

Дмитрий Ильич в своих воспоминаниях рассказывает, что в солдатики одновременно играли Саша, Володя, Митя, Аня и Оля. Саша всех научил вырезать солдатиков из цветной бумаги. Вырезывались также и кони, на которых прилаживали солдатиков верхом — получалась конница. Всадники были крупного размера. Каждый игравший выставлял на полу по десять — пятнадцать солдатиков, и они сбивались маленькими резиновыми мячиками, которые употреблялись для игры в лапту. Сбитые фигурки заменялись новыми из запаса. Играли обычно в столовой.

В игре проявлялись интересы, симпатии и знания детей. Сашина армия — это итальянцы под предводительством Гарибальди. Володина — американцы Авраама Линкольна. У Ани и Оли были испанские стрелки, боровшиеся с Наполеоном Бонапартом.

Любили дети играть в «казацкую вольницу». Володя с двоюродным братом, вооружившись длинными деревянными пиками, носились по полям, лугам

и овражкам. Кое-где делали привалы, подкреплялись взятыми с собой овощами и. ягодами. Володя всегда умел придать особый интерес игре. Он предложил каждому взять имя какого-нибудь литературного героя. Себе он взял имя Тараса Бульбы, двоюродный брат был Казбич. Набеги «казацкой вольницы» постепенно перешли в краеведческие экскурсии по окрестным лесам, по берегам рек, оврагам.

Не меньше прелести было и в «сидячих» играх, в них часто участвовали и взрослые. Играли обычно в саду. Дети, предвкушая удовольствие играть вместе с родителями, бежали за стульями и табуретками. Играли в «омонимы». Кто-то один уходил, а все задумывали слово, отгадывать которое надо было, подобрав «омонимы».

Была и такая игра. Узнавали загадочного человека по вопросам, на которые отвечали только «да» и «нет». Надо было подобрать характерную черту для загаданного лица. Вопросы задавались так:

— Он?

— Нет.

— В саду?

— Да.

Далее дети спрашивали:

— В синем платье?

— С цветком за поясом?

А взрослые задавали такие вопросы:

— Смела ли?

— Догадлива ли?

Часто вопросам придавали шутливый характер:

— Упал сегодня с мостков в воду?

— Первобытный человек? (Так называли племянника Марии Александровны Николая Веретенникова, потому что он катался по пруду на камышовом плоту с парусом.)

Н. И. Веретенников рассказывал впоследствии, что в этой игре обычно затмевал всех Володя: отгадывал все с первых же слов, а сам задавал такие лукавые вопросы, что вызывал общий хохот.

Однажды был «загадан» один из двоюродных братьев. Незадолго до этого он подстрелил девять домашних уток, его так и прозвали горе-охотником (известно, что домашние утки выстрелов не боятся, и в них можно стрелять сколько угодно). Володя, быстро угадав, спросил:

— Не полагает ли загаданное лицо, что дикие утки улетают только после девяти выстрелов?

Громкий хохот играющих означал, что Володя попал не в бровь, а в глаз.

Была и такая игра: кто-нибудь читал из книги фразу, а отгадывающие должны были назвать автора и название произведения. Вначале брали только басни Крылова, а позднее и других классиков литературы.

Очень часто разыгрывали шарады.

Все эти игры на первый взгляд казались маленькими семейными развлечениями. А между тем в них крылся огромный педагогический смысл. Они сближали детей с родителями, сближали между собой всех членов семьи. Они давали возможность родителям лучше узнать и глубже понять каждого из детей. Ведь в этих играх выявлялись дерзание или нерешительность, стремительная мысль или замедленная сообразительность, сметливость или недогадливость, большой или маленький запас слов, богатство или бедность знаний, красноречие или скованность в изложении своих мыслей, лукавство или идеальная честность, честолюбие или застенчивость детей.

Самоусовершенствование

Мария Александровна и Илья Николаевич Ульяновы сумели воспитать в своих детях потребность постоянного самоусовершенствования.

Самоусовершенствование человека заключается в том, чтобы постоянно приобретать и развивать положительные качества и одновременно сводить на нет свои недостатки. А они могут быть у детей даже при хорошем семейном воспитании. Слишком сложен и многообразен процесс формирования растущего человека, на него оказывается очень много влияний извне, в том числе и неблагоприятных. Некоторые из них глубоко проникают в психику. Да и в ребенке так же, как в любом живом существе, ничего не бывает неизменным, статичным.

Ульяновы всегда внимательно присматривались к поведению детей и подмечали их недостатки. Деликатно и вместе с тем настойчиво боролись за их преодоление.

Для того чтобы маленький Володя более усидчиво готовил уроки, Илья Николаевич уводил его в кабинет и задавал ему вопросы, которые заставляли серьезно работать мысль. Володя начинал понимать, что все усвоить и прочно запомнить не так-то просто. Володю-подростка Мария Александровна пыталась убедить бросить курить, объяснив, как это вредно для здоровья. Увидев, что такой мотив на него не очень действует, она сказала, что его курение нанесет некоторый ущерб семье в материальном отношении, он же пока не зарабатывает денег. Это на Володю подействовало. Мать потом говорила, что довод о расходах она использовала в качестве последней «зацепки».

Мария Александровна останавливала младшего сына Митю, когда он, увлекаясь, так быстро говорил, что начинал заикаться, затем заставляла его неторопливо и связно изложить то, что он хотел сказать.

Родители поощряли взаимную критику детей и старались вызвать у каждого из них желание самим избавиться от недостатков. В доме могли доброжелательно высмеять, сделать ироническое замечание, прямо указать на недостатки. Маленькая Оля критиковалась за капризы; Митя за то, что много говорил; Володя — за горячность. В «Субботнике» был отдел критики, который вела Аня. Мария Александровна тревожилась: не отобьет ли критика у младших детей охоту писать. Но затем она полностью согласилась с Ильей Николаевичем и Сашей, что критика принесет всем только пользу.

Анна Ильинична вспоминала: «Я находилась в то время в периоде увлечения Белинским и была в твердом убеждении, что без отдела критики не может существовать ни один порядочный журнал, поэтому я дала разбор произведений прошлого номера...

Критика сочинений меньших была, конечно, легкой задачей. Наибольший простор для нее дал мне более длинный, чем Оли, рассказ Володи. Я подчеркивала невероятности и несоответствия, и я помню, с каким сосредоточенным вниманием слушал этот резвый мальчик новый для него род литературного произведения, не выказывая ни тени личной обиды, несмотря на язвительность некоторых словечек (ведь надо было подражать Белинскому)».

В номерах журнала было разное содержание и разная форма критики (карикатуры, веселые картинки, рецензии), но она присутствовала обязательно и, конечно, производила немалое впечатление. Постепенно дети привыкли к тому, что в журнале, как в маленьком зеркальце, они видят свои недостатки. Это были не обидные упреки, не нотации, не коварный удар по самолюбию со стороны старших, а именно дружеская доброжелательная критика. «Субботник» сыграл очень большую роль в том, что каждого из детей заставлял обращать внимание на свои недостатки, они не сердились на критические замечания, а, как говорят в народе, «наматывали их на ус». Пожалуй, тот тон взаимоотношений между детьми, что определился в номерах журнала «Субботник» (взаимная критика недостатков, дружеская поддержка всего хорошего и выявление друг у друга творческих способностей), вообще был характерен для отношений между детьми в семье Ульяновых.

Ульяновы критически относились не только к недостаткам своих братьев и сестер, но и товарищей. Причем это сочеталось с тактом и помощью им. Володя любил расспрашивать сверстников о прочитанных книгах. Однажды он спросил у двоюродного брата Коли Веретенникова, читал ли тот «Дым» И. С. Тургенева. Тот ответил утвердительно, но Володя почувствовал по его тону неправду и задал коварный вопрос:

— А повесть «Литвинов» читал?

Тот ответил отрицательно.

Володя уличил его во лжи:

— Если бы ты «Дым» читал, то знал бы, что Литвинов — герой этой повести.

Коля был очень смущен. Он ждал, что двоюродный брат сейчас его высмеет за то, что он мало читал, да еще сказал неправду. Но Володя промолчал, предоставив ему самому сделать выводы из этого разговора. Может быть, он в эту минуту вспомнил разъяснение отца, который мягко и деликатно внушал детям, что только одно незнание — еще не повод для насмешек и нельзя оскорблять человека пренебрежением. Это было после того, как один кокушкинский знакомый, который считался культурным и образованным человеком, высказал предположение, что некоторые высоко взлетающие самодельные ракеты долетают до

звезд, и все дети Ульяновых по этому поводу дружно расхохотались[1].

Н. И. Веретенников вспоминал и такой эпизод. Володя с двумя двоюродными братьями нередко прогуливались между Кокушкином и соседним селом Татарским Черемышевом и разговаривали о всякой всячине.

Кто-то заговорил о значении и силе золота. Один из спутников высказал мысль, что, если бы все согласились не придавать значения золоту, так и лучше было бы жить. На что Володя заметил:

— Если бы *все* зрители в театре чихнули враз, то, пожалуй, и стены рухнули бы. Но как это сделать?

Так коротенькой репликой он часто опрокидывал наивные рассуждения сверстников, заставляя их серьезнее и глубже размышлять над жизненными проблемами.

Одноклассник Владимира Ильича вспоминал такой случай. Он взял у Володи книгу Н. Г. Чернышевского, обещав точно вернуть в назначенное время, но потом передал ее еще одному ученику, который заболел и из-за предосторожности (книга была запрещенной) взял ее с собой в лазарет. Срок прошел, и Володя спросил:

— Что же ты не возвращаешь мне Чернышевского? Ты же знаешь, что книга чужая и я обещал вернуть ее в назначенный срок?

Гимназист рассказал Володе в чем дело. Тот поморщился и резко заметил:

— Если ты не хочешь или не можешь, я сам сумею достать книгу из лазарета. Терпеть не могу людей, не умеющих держать свое слово.

В таких случаях Володя был непримирим. В ответ на его резкость гимназист вначале вспылил, но потом осмыслил свою неправоту и, тайком пробравшись в лазарет, достал книгу. На следующий день они с Володей дружески и оживленно обсуждали содержание романа «Что делать?».

Непримиримое отношение к недостаткам людей, прямота в выражении своего мнения — это то, к чему Ульяновы сознательно приучали детей.

[1] *Веретенников Н. И.* Володя Ульянов. Воспоминания о детских и юношеских годах В. И. Ленина в Кокушкине. М., 1957, с. 34—35.

В своей критике Володя был не только прям, но и очень смел.

Как-то в седьмом классе он очень вяло излагал заданный на дом урок по логике. На вопрос директора гимназии Ф. М. Керенского, почему он так отвечает, последовало объяснение:

«Учебник логики не соответствует развитию правильного мышления, а, напротив, задерживает и туманит его».

За этот урок Владимир Ильич получил четверку, что было исключительным событием в его ученической жизни.

Володя с уважением относился к педагогам. Но не ко всем. В их классе преподавал французский язык мсье Пор, о котором говорили, что он был простым поваром и получил право преподавать в гимназии благодаря выгодной женитьбе. Все видели, что это неумный фат с большим самомнением. Преподавал он скверно. Володя это отчетливо понимал, так как Мария Александровна с раннего детства обучала его французскому языку. Ему были очевидны методические и лексические ошибки француза. И Володя нередко насмехался над педагогом. По этому поводу в гимназическом журнале, который издавали ученики (по-видимому, тайком.— *И. П.*), была нарисована карикатура на француза: закрывшись веером, он в ужасе бежал к толстой жене, спасаясь от Владимира Ульянова.

Не упускала случая высмеять любое проявление глупости, мещанства Оля. Она так же, как Саша и Володя, высоко ценила каждого хорошего человека и непримирима была к дурным людям. В одном из писем к своей близкой подруге Александре Щербо, рассказывая о жизни и людях Казанской музыкальной школы, она писала:

«Нравится мне одна классная дама здешней Мариинской гимназии, она очень любит музыку и вот учится второй год, хотя у нее мало времени. Я почти всегда сижу и разговариваю с нею: она простая, то есть не гордая, не думает о себе много, и с нею можно свободно говорить обо всем. Мы с ней обе порядочные насмешницы, и некоторым барышням, над которыми мы изощряем свое остроумие, и во сне не снится, как мы над ними смеемся».

Ольга постоянно и беспощадно осуждала одну из

своих одноклассниц — Штраль, которая считала, что образование нужно только бедным, и ничем, кроме нарядов и развлечений, не интересовалась.

Однажды Оля резко осудила и свою подругу:

«...Я, признаться, тебя не совсем понимаю, Саша. Ты пишешь, что Варя не спешит обнять тебя, а сама-то ты что же? У Вари больна мама; она сидит все время, наверное, дома с ней; конечно, беспокоится, грустит, а ты не только не пойдешь проведать и развлечь се несколько, а еще как будто обижаешься, что она была у Нины, а у тебя нет. Называй это щепетильностью с твоей стороны или там как хочешь, а, помоему, попросту это нехорошо...»

Но дети Ульяновых, непримиримо относясь к дурному в товарищах, прежде всего предъявляли очень высокие требования к себе самим и постоянно стремились совершенствоваться.

Однажды Аня попросила Сашу охарактеризовать ее недостатки. Саша ответил: «Отсутствне определенных общественных убеждений и некоторая неровность характера».

Это был не праздный вопрос. Аня искренне и серьезно стремилась стать лучше, подняться выше. Для этого надо было знать, что ей необходимо в себе развивать. Саша не побоялся ответить на вопрос сестры прямо и честно. Он знал, что это будет больно ей. Но это будет благотворная, очистительная боль, которая поможет самоусовершенствованию.

Так же относился Саша к недостаткам. Володи. Анна Ильинична рассказывает, что он осуждал его за дерзость и насмешлнвость, которые иногда проявлялись у подростка.

Вот к такому строгому отношению друг к другу постоянно склоняли родители своих детей. Они верилн в то, что дети будут взаимно помогать один другому, смело идтн по нелегким дорогам жизни к свету и добру.

Саша умел поддержать и все хорошее, что было в братьях и сестрах. Аня всегда с большим волнением давала ему прочесть свои стихи и не раскаивалась в этом. Она утверждала, что никогда «...не встречала более внимательного, серьезного и в то же время более чуткого критика. С какой-то удивительно чистой, бескорыстной радостью отмечал и приветствовал

он проявление всякой способности у другого. Так было и с моими литературными опытами».

Сам Александр достиг поразительных успехов в совершенствовании своего характера. Все родные и друзья единодушно рассказывают в своих воспоминаниях об удивительной глубине натуры Александра, а также о его идеальной выдержке, деликатности, тонком понимании людей и беспредельной доброте. Главным критерием в оценке внутренней сущности человека Саша считал его убежденность. «Оценивая человека,— писал Саша о себе,— я держусь всегда такой мерки: насколько он выработал в себе определенные общественные идеалы, идеал нового, лучшего порядка вещей. Насколько основательны и энергичны его убеждения и насколько энергично и самоотверженно он идет к их осуществлению».

Он был непререкаемым авторитетом для младших братьев и сестер. Именно поэтому Аня и захотела узнать его мнение о себе.

Володя присматривался ко всему хорошему в людях и непременно с тем, чтобы прикинуть к себе: так ли он поступает, нет ли чего в поступках другого такого, что он мог бы позаимствовать.

«Это было, по-моему, одной из сильных сторон Володи,— вспоминала Анна Ильинична.— У меня остались в памяти случаи, по поводу которых он говорил: «Я думал: хватило бы у меня мужества на это? Пожалуй, нет»».

Идеал для подражания — любимый старший брат. «Ввиду отличавшей Александра Ильича с раннего детства большой идейности, твердости воли, выдержанности, справедливости и вообще высоты нравственных качеств, между прочим огромной трудоспособности,— подражание это было очень полезно для Владимира Ильича...— писала Анна Ильинична.— Володя был с детства вспыльчив, и пример Саши, его всегдашней ровности и большой выдержки, имел для всех остальных детей, в том числе — и особенно — для Володи, большое значение. Сначала подражая старшему брату, Володя потом сознательно стал бороться с этим недостатком, и в более зрелые годы мы совсем — или почти совсем — не замечали в нем вспыльчивости».

Очень любил Володя театр, выступления артистов. Нередко его назначали в гимназии распорядителем

концертов. Однажды он как-то особенно был восхищен выступлением артиста Андреева-Бурлака, который в белом халате, с белым колпаком на голове очень талантливо читал «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя.

После его выступления Володя несколько раз повторял задумчиво:

— Вот так талантище!

А на другой день сказал своему товарищу:

— Знаешь, я хотел узнать, насколько трудно перевоплощаться в какую-нибудь роль, и пробовал декламировать «Записки сумасшедшего», да ничего из этого не вышло. Талант надо!

Такое самокритичное отношение Володи к себе самому было характерной его чертой.

Очень строгим было отношение к себе и своим способностям у подруги детства Володи, его любимой сестры Оли. Несмотря на то, что она хорошо играла на рояле и в Казани даже выступала перед публикой, участвуя в концертах классической музыки, она по своей скромности не причисляла себя к музыкантам. А поэтому искала более рационального применения своей энергии на пользу людям. Это подтверждает одно из ее писем к подруге:

«Мне кажется как-то совестно отдаться музыке, если можешь приносить какую-нибудь более существенную пользу. Разумеется, это по отношению к обыкновенным смертным, а не к выдающимся, к Моцартам или Бетховенам. А мне кажется, что не только гении, но и таланты, как я понимаю их, очень, очень редки» [1].

Никому не давалось легко изучение греческого и латинского языков. Оно потребовало немалых усилий и от Володи. Благодаря умению брать себя в руки и влиянию отца, который всегда стимулировал усиленную работу над трудным учебным материалом, Володя хорошо овладел этими языками. Его одноклассник М. Ф. Кузнецов в своих воспоминаниях свидетельствует, что Ульянов «свободно переводил на русский язык греческих историков Фукидида и Геродота, римских писателей Цицерона и Юлия Цезаря, историка Ливия, поэтов Виргилия и Горация, Овидия, Гомера — «Одиссею» и «Илиаду», Софокла — «Эдип-царь»,

[1] *А. Томуль.* Сестра Ильича.— Музыкальная жизнь, 1966, № 9, с. 8.

Платона — «Апологию Сократа» и «Критон». В то время не было в продаже никаких подстрочников и переводов этих авторов. Никто из нас не умел так быстро и правильно писать диктанты по латинскому языку, как Ильич».

Далее пришло горячее увлечение латинским языком, но, как потом рассказывал сам Владимир Ильич Надежде Константиновне, он почувствовал, что латинский язык стал мешать другим его занятиям, и перестал делать большие переводы.

Эта способность контролировать себя и сосредоточить внимание на главном в работе была присуща всем детям Ульяновых.

Эти черты характера являлись плодом длительного и очень благотворного влияния родителей, которые терпеливо и настойчиво приучали своих детей к самоусовершенствованию и были для них в этом отношении великолепным примером.

Выступая на пленуме Московского Совета 7 февраля 1924 года, Мария Ильинична сказала, что, произнеся знаменитые слова «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти», Володя Ульянов сразу же стал готовить себя к тому пути, который он считал единственно правильным для освобождения народа от ига царя и капитала.

На то же указывает Н. К. Крупская:

«Судьба брата имела, несомненно, глубокое влияние на Владимира Ильича. Большую роль при этом сыграло то, что Владимир Ильич к этому времени уже о многом самостоятельно думал, решал уже для себя вопрос о необходимости революционной борьбы.

Если бы это было иначе, судьба брата, вероятно, причинила бы ему только глубокое горе или, в лучшем случае, вызвала бы в нем решимость и стремление идти по пути брата. При данных условиях судьба брата обострила лишь работу его мысли, выработала в нем необычайную трезвость, умение глядеть правде в глаза, не давать себя ни на минуту увлечь фразой, иллюзией, выработала в нем величайшую честность в подходе ко всем вопросам».

Такую характеристику семнадцатилетний Володя Ульянов заслужил потому, что последовательно, упорно и самостоятельно трудился над выработкой своего мировоззрения, своих жизненных принципов. Он проявил колоссальную волю и, несмотря на пережитые

потрясения (смерть отца и брата), с блеском окончил восьмой класс гимназии. А став студентом Казанского университета, Владимир Ильич сразу же практически приобщился к революционному движению.

В связи с введением реакционного нового устава в Казанском университете начались студенческие волнения. Они были также откликом на подавление оружием и нагайками студенческой демонстрации в Москве.

За участие в студенческой сходке Володя был взят у себя дома полицией. Семнадцатилетнего студента заключили в тюрьму. Затем последовало распоряжение начальства о высылке исключенного из университета Владимира Ульянова в деревню Кокушкино Лаишевского уезда Казанской губернии под строгий негласный надзор полиции. Вскоре Володя отправился на место своей ссылки, где также в качестве политической ссыльной жила его старшая сестра Анна. До окраины Казани его сопровождал полицейский чин.

И вот здесь, в Кокушкине, с особой силой сказалась заложенная в детях Ильей Николаевичем и Марией Александровной привычка постоянно обогащать себя знаниями и путем самостоятельной работы над литературой вырабатывать свои убеждения. Никакого уныния, ни часу потерянного времени. Хочется целиком привести рассказ самого Владимира Ильича в записи В. В. Воровского о том, как и чем он занимался в Кокушкине.

«Кажется, никогда потом в моей жизни, даже в тюрьме в Петербурге и в Сибири, я не читал столько, как в год после моей высылки в деревню из Казани. Это было чтение запоем с раннего утра до позднего часа. Я читал университетские курсы, предполагая, что мне скоро разрешат вернуться в университет. Читал разную беллетристику, очень увлекался Некрасовым, причем мы с сестрой состязались, кто скорее и больше выучит его стихов. Но больше всего я читал статьи, в свое время печатавшиеся в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Вестник Европы». В них было помещено самое интересное и лучшее, что печаталось по общественным и политическим вопросам в предыдущие десятилетия. Моим любимейшим автором был Чернышевский. Все напечатанное в «Современнике» я прочитал до последней строчки и

не один раз. Благодаря Чернышевскому произошло мое первое знакомство с философским материализмом. Он же первый указал мне на роль Гегеля в развитии философской мысли и от него пришло понятие о диалектическом методе, после чего было уже много легче усвоить диалектику Маркса. От доски до доски были прочитаны великолепные очерки Чернышевского об эстетике, искусстве и литературе и выяснилась революционная фигура Белинского. Прочитаны были все статьи Чернышевского о крестьянском вопросе, его примечания к переводу политической экономии Милля, и так как Чернышевский хлестал буржуазную экономическую науку, это оказалось хорошей подготовкой, чтобы позднее перейти к Марксу. С особенным интересом и пользой я читал замечательные по глубине мысли обзоры иностранной жизни, писавшиеся Чернышевским. Я читал Чернышевского «с карандашиком» в руках, делая из прочитанного большие выписки и конспекты. Тетрадки, в которые все это заносилось, у меня потом долго хранились. Энциклопедичность знаний Чернышевского, яркость его революционных взглядов, беспощадный полемический талант — меня покорили. Узнав его адрес, я даже написал ему письмо и весьма огорчился, не получив ответа»[1].

С таким же напряжением Владимир Ильич обогащал себя знаниями, когда ему было разрешено вернуться в Казань, а потом жить на хуторе в Алакаевке.

Мария Ильинична вспоминает:

«В саду у Владимира Ильича был свой уголок. Там он устроил себе в тени лип деревянный стол, скамейку и в некотором отдалении трапецию. В этом уголке Владимир Ильич проводил все время до обеда за серьезной работой. Работать Владимир Ильич умел, работать систематически и усидчиво. Книги он не только читал, он изучал, прорабатывал их. Читал он по определенному плану. Помню, уже в более поздние годы он говорил, что просто читать разные книги — мало толку...

Владимир Ильич считал, что надо выбрать какой-нибудь один вопрос и работать по нему систематически. Такой систематической его работа была всегда...»

---

[1] Вопросы литературы, 1957, № 8, с. 133.

Привычка к систематичности в занятиях помогла совсем еще юному Владимиру Ульянову совершенно самостоятельно подготовиться к сдаче государственных экзаменов на юридическом факультете при Петербургском университете. Ему и его матери пришлось написать не одно прошение в департамент полиции и министру народного просвещения с просьбой дать разрешение на сдачу экзаменов.

И наконец оно было получено.

Подготовка к сдаче экзаменов в университете происходила в дни глубокого горя — Владимир Ильич похоронил свою любимейшую сестру Ольгу, с которой нежно дружил до последних дней ее жизни. В мае 1891 года Владимир Ильич и Мария Александровна проводили на Волково кладбище Олю, а в сентябре — ноябре того же года Владимир Ильич сдал последние экзамены и получил диплом. Характерно, как Владимир Ильич объяснял выбор именно юридического факультета.

«Теперь такое время, нужно изучать науки права и политическую экономию. Может быть, в другое время я избрал бы другие науки».

Далее последовала еще более упорная и систематическая работа над изучением наследия великих учителей пролетариата К. Маркса и Ф. Энгельса.

Анна Ильинична писала:

«Самарский период его жизни продолжался четыре с половиной года. Владимир Ильич перечитал за это время все основные сочинения Маркса и Энгельса на русском и иностранных языках и реферировал некоторые из них для кружка молодежи, организовавшегося вокруг него в Самаре».

В это же время Владимир Ильич перевел с немецкого на русский язык «Манифест Коммунистической партии».

Один из участников организованного В. И. Лениным в Самаре марксистского кружка А. Беляков утверждал, что «микроб революционного марксизма был занесен в Самару Владимиром Ильичем Ульяновым».

В кипучую революционную деятельность включался молодой человек, высокообразованный, с твердыми жизненными принципами и взглядами, волевой, закаленный, энергичный, с ясной, твердо намеченной целью борьбы.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ВОСПИТАНИЯ

Задушевность

Если отношения родителей и детей в семье Ульяновых определить одним словом, то, мне кажется, самым подходящим будет слово «задушевность». Семья — первая школа чувств, и атмосфера задушевности создается там, где царствуют искренность, нежность, взаимное доверие и уважение друг к другу. Но такие отношения не складываются сами собой, они — плод мудрого труда родителей. Создать задушевные отношения в семье — немалое искусство. Но если это удается родителям, то возникает одно из наилучших условий для воспитания детей.

Трудно себе представить задушевность в семейных отношениях, если нет основы основ — взаимной любви родителей. Воспоминания родных и современников Ульяновых позволяют видеть Марию Александровну и Илью Николаевича людьми, связанными глубокими и серьезными чувствами любви, безграничного восхищения друг другом, уважения и веры.

Молодая девушка Машенька Бланк слышала блестящий доклад Ильи Николаевича «О грозе и громоотводах» на торжественном акте в Пензенском дворянском институте. Она была восхищена глубиной и смелостью мысли старшего учителя физики. От нее не ускользнуло, что он прост и скромен. Случилось так, что вечером того же дня они познакомились в доме сестры Машеньки — Анны Александровны Веретенниковой. Здесь Илья Николаевич впервые услышал, как Машенька пела, аккомпанируя себе. У нее был несильный, но приятный голос, мягкие глубокие звуки бетховенского «Фиделио», казалось, наполнили всю комнату. Две свечи освещали немного грустное лицо девушки...

Вскоре И. Н. Ульянов узнал, что Мария Александровна вдумчива и начитанна, хорошо знает и разделяет воззрения прогрессивных русских педагогов К. Д. Ушинского и Н. И. Пирогова, которым он страстно поклонялся. Он любовался ее умом и редкой красотой. Пока молодые люди по-настоящему не узнали друг друга, они не спешили с браком, хотя, когда они

венчались, Марии Александровне было двадцать восемь лет, а Илье Нниколаевичу — тридцать два года. Ульяновы хорошо знали идеалы и характеры друг друга. Идеалы были схожи, а характеры разные. Мария Александровна обладала большой выдержкой, Илья Николаевич мог только восхищаться волевым характером своей жены.

Они любили друг друга, и созданная ими семья стала их подлинным счастьем.

На долю семьи Ульяновых выпало немало бед. За короткий промежуток времени Илья Николаевич потерял мать и брата, к которым был привязан всем сердцем, у Марии Александровны умерли отец н единственный брат-студент. Сотнн бессонных ночей провели Ульяновы возле детей в днн их болезней. Как ни боролись роднтели за жнзнь маленькой Лели, спасти ее не удалось. Велико было горе родителей.

Между тем беда подстерегала семью Ульяновых снова. Умер сын Коля. Но несчастья не ожесточили их, не отдалили друг от друга, лишь сильнее стала их нежная привязанность...

Если бы меня спросилн: что требует от роднтелей больше всего ума, сердца, педагогического искусства? Я бы ответила: воспитать н сохранить любовь между членами семьи, ибо она — живой источннк энергии, вдохновения н ощущения счастья. Еслн мать, только что ласкавшая ребенка, через час исступленно кричит на него за нечаянно разбитую вазу илн при виде испачканного костюмчика хватается за ремень, любит ли она его по-настоящему? Есть ли в этой любвн хоть капля уваження к человеческому достоннству ребенка? И как трудно бывает ребенку сохранить добрые чувства к матери после того, как он увидел ее искаженное злобой лицо, ее руку, крепко сжимающую ремень!

Порой родители, желая предотвратнть «ошибки молодости», наносят юному человеку чрезмерный удар по самолюбию, унижают его в присутствии друзей и подруг. И нет уже в сердце прежнего благодарного чувства к дорогим людям, нет уважения к ним. Долго преследует мысль: «Как они могли?!»

Порой ссора между отцом и матерью, нелестные эпитеты, «выданные» сгоряча друг другу, ранят чувство любви детей к родителям. Так вот, значнт, они какие! Рушится самый блнзкнй и дорогой ндеал, исче-

зает уважение, а вслед за ним может уйти и чувство любви. Юный человек, который не любит по-настоящему родителей, с большим трудом обретает способность к глубоким чувствам, когда самому приходит пора строить семью.

В семье Ульяновых внешних проявлений любви к детям было немного. Родители не осыпали детей поцелуями, не расточали ласковых слов, не принято было бурно выражать чувства. Царили сдержанность и всегда ласковое внимание друг к другу.

Старый большевик П. Н. Лепешинский писал, что в доме Ульяновых царил дух взаимного доверия, любви и уважения к свободе друг друга. Не было ни споров из-за будничных интересов текущего дня, ни дрязг, столь обычных в обывательской среде, ни конкуренции из-за личных благ жизни.

Ульяновы с малых лет прививали детям чувство дружбы. Они не допускали ссор, взаимных обид, грубости, равнодушия между братьями и сестрами. Все это резко осуждалось. За помеху друг другу в занятиях даже следовало наказание. Но зато поощрялась взаимопомощь в играх, учебных занятиях и труде.

Дмитрий Ильич вспоминал: «В каретном сарае Володю можно было часто застать за работой — он выделывал перочинным ножом из мягкой осокоревой коры лодочки, которые дарил младшей сестре, Мане»[1].

Старшие братья делали для Мити солдатиков из картона. Саша и Володя любили упражняться на трапеции и обучали тому же младшего брата.

Когда дети под впечатлением аттракционов странствующих цирковых артистов затеяли игру «в канат», Володя с шестом для балансирования ходил по толстой веревке, натянутой в двух метрах высоты, научил тому же Олю и с волнением следил за тем, чтобы сестренка не сорвалась и не полетела вниз.

Старшие вообще всегда охотно занимались с младшими разнообразными играми, не давали им скучать.

Анна Ильинична рассказала о своих задушевных отношениях со старшим братом. Однажды ночью она

---

[1] *Ульянов Д. И.* Воспоминания о Владимире Ильиче. Изд. 3-е, доп., с. 12.

попросила Сашу погулять с ней. Они прошлись по улицам, а потом вернулись в сад. «Мое настроение под влиянием какой-то полуребяческой влюбленности, которую я переживала тогда, было в этот вечер особенно восторженным,— вспоминала Анна Ильинична,— и я неожиданно для себя вдруг крепко обняла Сашу. Обычно никаких нежностей между нами не было, но тут я уже не могла удержаться. Саша ответил на мой порыв крепким братским объятием, таким ласковым, таким чутким. И так, обнявшись, прошли мы несколько шагов по саду. И вот в этот момент все запело во мне особенно громко. Этот день я вспоминала в последующие годы как праздник: такое чистое и поэтическое счастье доставило мне это братское объятие».

Далее Анна Ильинична пишет об Александре:

«Какой огромный запас чуткой любви был в его душе ко всем своим и как даже в те короткие минуты, которые он бывал с нами, все мы чувствовали на себе золотые крохи его привязанности, обаятельность общения с его сильной и в то же время такой нежной натурой!..»

Богатство чувств было характерно для всех детей Ульяновых. Задушевность отношений и глубокая взаимная любовь сохранились у них навсегда.

В Петербурге Александр Ильич был до предела загружен научной и революционной работой. И все же очень часто он писал письма отцу и матери. Зная, что Марию Александровну тревожит его здоровье, спешил ее успокоить:

«Милая мамочка! На этой неделе был я несколько раз в зубной лечебнице...» [1]

В другом письме писал:

«Посылаю папе брошюру «Математические софизмы», которую он желал иметь.

Володе, я думаю, она может быть очень полезна, если он станет самостоятельно разбирать эти софизмы.

Получил ли он те немецкие переводы, которые я ему послал?

Прощай, милая мамочка.

Твой *А. У.*» [2]

---

[1] Ленин и Симбирск. Документы. Материалы. Воспоминания. Саратов, 1968, с. 406.

[2] Там же, с. 404.

Перечитайте письма Ульяновых — они дышат огромной любовью друг к другу. Вот письмо Анны Ильиничны к Александру Ильичу, написанное перед его казнью, которое он, к великому горю сестры, не получил: не передали полицейские.

Аня писала:

«...Лучше тебя, благороднее тебя нет человека на свете. Это не я одна скажу, как сестра: это скажут все, кто знал тебя, солнышко мое ненаглядное...»

Такое письмо, пожалуй, единственное. Вообще же для писем характерна ульяновская сдержанность в выражении чувств, но в них всегда нежное внимание.

Из многочисленных писем хочется напомнить еще одно — от 2 июня 1912 года, присланное Владимиром Ильичем из Парижа в Саратов матери после одновременного ареста сестер. В этом письме он старается поддержать бодрость духа матери:

«Дорогая мамочка! На днях писал тебе по поводу ареста Маняши и Анюты. Хочется поговорить еще. Боюсь, что ты слишком одиноко теперь себя чувствуешь. Я спрашивал в предыдущем письме, есть ли кто из знакомых, навещающих тебя, но ответа на письмо, конечно, не могло еще быть...

Пожалуйста, черкни мне несколько слов, моя дорогая, чтобы знать, здорова ли ты и как себя чувствуешь,— есть ли какие новости; есть ли знакомые у тебя в Саратове. Может быть, при более частой переписке ты будешь чувствовать себя все же несколько менее тоскливо» [1].

Задушевные отношения с матерью, возникшие в детстве, продолжались всю жизнь. Это письмо было написано, когда Марии Александровне было уже семьдесят семь лет. Владимир Ильич в это время был очень далеко от матери, но как быстро он пришел ей на помощь и согрел ее своей лаской!

Благоговейное отношение Владимира Ильича к матери проявлялось с самых юных лет и в большом и в малом. Он делал для нее все, что было возможно, доверял ей самые свои сокровенные мысли и мечты, всеми мерами помогал ей в воспитании младших сестер и брата, в решении множества хозяйственных дел, оказывал постоянную моральную поддержку в трудные

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 327.

минуты жизни. Он хорошо понимал, что Мария Александровна никогда не переставала тосковать о муже и своем первенце Саше, и, как мог, старался уменьшить боль от этих потерь.

А. Беляков рассказывал в своих воспоминаниях: «...меня очень поражала та изумительная нежность, с которой Владимир Ильич при встречах и при расставаниях с матерью целовал ей руку... В этом целовании руки сказывалась вся безмерная скорбь об утрате брата Александра, вся нежность сыновней любви, вся сила пламенного желания смягчить острую боль утраты, выразить бесконечную ласку».

Такое же отношение к матери было у дочерей и у младшего сына. Они открывали ей свои думы, прислушивались к ее мудрым советам.

Молодые Ульяновы старались никогда не оставлять Марию Александровну одну. Когда она заболевала, дети, если они были на свободе, оказывались возле нее и ухаживали за ней чутко и бережно. После того, как Мария Александровна перенесла тяжелую болезнь, Анна Ильинична, несмотря на трудные материальные условия, повезла ее долечиваться в Ялту.

В семье Ульяновых не было эгоистов, никто не считал себя вправе пользоваться добротой родного человека, не отвечая ему тоже добром, заботой и вниманием.

Сама Мария Александровна до последних дней была воплощением человеческой красоты и обаяния. Племянники Марка Тимофеевича Елизарова, посещавшие Ульяновых в Петербурге в дни, когда Марии Александровне исполнилось уже 80 лет, были в восторге от нее. Павел Елизаров так пишет о Марии Александровне:

«Ее высокая культура, простота, какое-то необыкновенно искреннее гостеприимство и доброе сердце невольно покорили нас с первой же встречи. Нас всех трогало ее милое отношение к окружающим, чуткость и любовь к своим детям. Ее глубокий, задумчивый взгляд свидетельствовал о больших переживаниях. Тихий, спокойный голос располагал к откровенности. Ее небольшая, прямо держащаяся фигурка, одетая в темное платье старинного фасона, с короткими буфами на рукавах и мелкими сборками на юбке, стоит и сейчас перед моими глазами. Голова с белыми, как снег, волосами покрыта черной кружевной наколкой.

Большие карие глаза светятся умом и молодостью. Все лицо одухотворено жизнеутверждающей радостью и красотой. Несмотря на свой почтенный возраст, она иногда садилась за пианино...»[1]

Такой была мать Ленина в последние месяцы ее жизни. Она умела создать теплые, искренние отношения даже с самыми дальними родственниками.

По последним ее письмам к детям можно судить, какой огромный запас нежности и ласки она хранила.

12 марта 1916 года Мария Александровна писала своей младшей дочери:

«Береги здоровье свое, ты знаешь, родная моя, как я люблю тебя! Что задерживает тебя в Москве, напиши мне это, голубчик мой!»[2].

Доброе, внимательное отношение друг к другу было законом жизни семьи. Вот как заканчивается письмо Анны Ильиничны к младшему брату Мите, написанное после смерти матери:

«...Обнимаю тебя горячо... Ты так походишь на нее... Будь здоров, хороший мой... Будь покоен за меня... Пиши на адрес Марка.

Твоя *А. Елизарова*»[3].

Мария Ильинична старательно ухаживала за старшей сестрой в дни ее частых болезней, помогала в воспитании приемного сына Горы. И Анна Ильинична постоянно беспокоилась за сестру. В 1914 году Анна Ильинична с матерью и Горой поселились в Петербурге. Ее тревожило, что младшая сестра тоскует в одиночестве, и она приглашает ее к себе:

«Комната для тебя (как и мамина) более теплая. А потом, может быть, обживемся, работу тоже, надеюсь, найдем. Приезжай, повидаешь мамочку, поиграешь на пианино... Соскучилась ты по музыке, верно?»

И Мария Ильинична несколько раз приезжала из Москвы в Петербург «погреться» возле родных людей, помузицировать, поиграть с Горой, к которому тоже была очень привязана.

Атмосфера высокой человечности, которая всегда царила в семье Ульяновых, помогала очень быстро

---

[1] *Елизаров П. П.* Марк Елизаров и семья Ульяновых. М., 1967, с. 108.

[2] Там же, с. 110.

[3] Там же, с. 111.

«природниться» к ним новым ее членам. Так было с мужем Анны Ильиничны Марком Тимофеевичем Елизаровым. Когда читаешь переписку Ульяновых, очень трогает отношение всех к нему. Его племянник П. П. Елизаров писал впоследствии:

«Для Марии Александровны М. Т. Елизаров был так же дорог и близок, как и свои дети. В свою очередь и Марк Тимофеевич проявлял исключительную любовь, привязанность и заботу о Марии Александровне».

По-родному относился к зятю и Владимир Ильич.

Когда в семью пришла беда — Марк Тимофеевич умер от сыпного тифа на руках у Анны Ильиничны,— в Петербург немедленно выехали Владимир Ильич и Мария Ильинична. Они глубоко скорбели о потере члена своей семьи и всячески старались умерить отчаяние овдовевшей сестры.

Большим другом всех Ульяновых стала Надежда Константиновна Крупская. Чистосердечная дружба между Марией Александровной и Надеждой Константиновной отражена в их переписке. Своей постоянной информацией о здоровье и делах Владимира Ильича, остроумием, жизнерадостностью, какая может быть только у очень счастливой женщины, Надежда Константиновна умела создать бодрое настроение у Марии Александровны, утешить в трудную минуту.

Очень теплые взаимоотношения были между семьей Ульяновых и матерью Надежды Константиновны Елизаветой Васильевной Крупской, женщиной очень одаренной, которую влекли культура, искусство, общественная деятельность. Ульяновы высоко ценили ее самоотверженность, когда она добровольно отправилась за четыре с половиной тысячи километров вместе со своей дочерью-революционеркой. Мать Надежды Константиновны осталась в Шушенском до конца ссылки дочери.

В. С. Дридзо в своей книге рассказывает, что Елизавета Васильевна помогала Надежде Константиновне в ее кропотливой работе секретаря Владимира Ильича, шила «панцири» или «корсеты» для перевозки нелегальной литературы. Елизавета Васильевна освободила Надежду Константиновну и Владимира Ильича от всех домашних хозяйственных дел и тем самым предоставила им возможность все свое время посвятить творческой работе.

Владимир Ильич относился к Елизавете Васильевне с большим уважением и чувством благодарности.

Когда читаешь и думаешь о всех Ульяновых, то создается убежденность, что у каждого из них была прекрасная черта — уметь видеть и ценить друг в друге хорошее и быть благодарным за это хорошее.

Задушевность отношений, которая существовала в семье Ульяновых, очень помогала развитию в детях большой чуткости по отношению к друзьям, к одноклассникам и вообще к людям.

Володе было девять лет, когда он поступил в гимназию. Там же учился Митя Андреев, очень неповоротливый, застенчивый и не по возрасту высокий мальчик. Ребята над ним насмешничали. Володя всегда его защищал. Мальчика постигло большое горе. Умер отец, матери у Мити тоже не было, и он очень остро переживал свое одиночество. Володя утешал его, уговаривал не унывать. Как-то, видя, что у мальчика глаза наполняются слезами, Володя спросил:

— Хочешь, я отточу тебе карандаш?

«От этих простых слов, которыми он хотел меня утешить, слезы полились ручьями,— рассказывает в своих воспоминаниях Д. Андреев.— Мне было стыдно плакать перед товарищами, и я, подняв крышку парты, спрятал в нее голову. Володя не отходил от меня. Он что-то говорил и до тех пор оттачивал мои цветные карандаши, приготовленные для рисования, пока я не справился со слезами... С этого дня я почувствовал к Ульянову большое влечение и нежную дружбу».

А вот что писал В. Друри:

«Играя с Владимиром Ильичем в детские игры — в лапту или рюхи, я всегда испытывал большое удовольствие, замечая его стремление, в случае его выигрыша, своим превосходством не обидеть обыгранного. Вообще везде и всегда у него проглядывало желание не только, чтобы не обидеть кого-либо, но, наоборот, помочь всем, чем он мог».

В гимназии Володя оказывал серьезную помощь товарищам в освоении древних языков.

П. Ушаков рассказывает, что ему очень трудно давались древние языки, а у отца не было средств нанять сыну репетитора.

«Я решил обратиться за помощью к первому ученику... Володе Ульянову, и он с радостью согласился

помочь мне,— пишет П. Ушаков.— Изо дня в день он занимался со мной по большим переменам и поставил меня на твердые ноги. Впоследствии я стал так успевать в древних языках, что учителя стали рекомендовать меня как репетитора для неуспевающих в греческом и латинском».

Готовясь сам к выпускным экзаменам, Володя Ульянов изо дня в день совершенно бесплатно занимался по языкам с преподавателем чувашской школы Никифором Михайловичем Охотниковым. У этого великовозрастного ученика Володи, как утверждает Анна Ильинична, способности к языкам и общественным наукам были не блестящие. Русский язык он вообще плохо знал. И все же Володя подготовил его к экзаменам. Охотников сдал экзамен при гимназии и поступил в университет.

Александр Ильич Ульянов тоже очень крепко дружил со своими сверстниками и товарищами по учебе в гимназии и в университете. Большой авторитет и уважение он снискал у петербургских рабочих, которые входили в руководимый им кружок по изучению экономических и политических вопросов. Его отношение к товарищам по революционной борьбе ярче всего сказалось в дни допросов и суда, когда он всячески старался облегчить их участь.

Много подруг было у Ольги Ульяновой. Девяти лет она подружилась с Лизой Педенко. Они сидели на одной парте в гимназии. Елизавета Осиповна Педенко написала несколько страниц воспоминаний о своей задушевной подруге, в которых отмечает необыкновенную ласковость девятилетней девочки.

Другая подруга — Варя Половцева в своих воспоминаниях тоже писала об удивительной чуткости Оли Ульяновой, которая постоянно помогала одноклассницам в занятиях.

Но больше всего дружила, как уже говорилось, Оля с Александрой Щербо. Это была продолжительная, верная дружба. Девочки вместе ходили в театр, обсуждали спектакли, читали, занимались. Подружка Оли очень часто бывала дома у Ульяновых. Оля много помогала ей в занятиях, главным образом по математике.

Во время разлуки подруги переписывались. Оля писала Александре Щербо из Кокушкина, из Казани, из Петербурга.

Вот начало письма из Казани от 11 марта 1889 года:

«...Весной два года, как мы кончили курс,— писала Ольга.— А кажется, что с тех пор прошло гораздо больше времени — все так изменилось и изменяется. В жизни узнаешь гораздо больше вещей, чем можно было узнать в гимназии... Но, правда, я не могу сказать, чтобы удалось узнать что-то хорошее, напротив, понемногу открываются все более темные стороны жизни. И, мне кажется, довольство окружающим могло быть только в детском неведении...»

Письма показывают, что дружба была серьезной, она оказала решающее влияние на судьбу А. Ф. Щербо. Та, видимо, долго не могла найти себя и выбрать профессию. Ольга искренне старалась помочь подруге.

«...Из нашего выпуска ни одна (по крайней мере из нашего класса) не просила и не получила места учительницы. Помнишь, я говорила, что, если бы это было возможно для меня, я была бы рада приносить хоть небольшую пользу.

Как ты глядишь на это занятие вообще и в частности, то есть имеешь ли сама наклонность к нему?»

В другом письме Оля пишет:

«Вот неожиданное известие ты сообщила мне о Благодаровой... Да, она молодец, учится и трудится».

А вот еще письмо:

«...Ты просила меня посоветовать, подавать ли тебе прошение на место учительницы... Вот тебе мое мнение: учительство, по-моему, одно из самых высоких занятий, и если можно советовать другим, то советую тебе непременно заняться им. Я думаю, что тебе нечего сомневаться в своих силах — была бы только охота».

Саша приняла совет подруги и всю жизнь проработала учительницей в селе Грязный Ключ Симбирской губернии, а затем Ульяновской области.

Традиции

Прекрасным условием воспитания детей были семейные традиции. Некоторые из них, вероятно, перешли из семей, в которых росли отец и мать, другие возникли уже здесь, в этой семье. Педагогический смысл семейных традиций заключается в том, что они сбли-

жают членов семьи, укрепляют их родственные чувства, порождают общность интересов. Добрые семейные традиции способствуют взаимному уважению в семье, помогают становлению семьи как дружного, деятельного коллектива.

Тот из молодых людей, кто вырос в семье, где закрепилось много хорошего, традиционного, значительно легче сможет наладить и свою личную жизнь, свою семью, внесет в нее добрые привычки, нравы, обычаи.

Эти мысли о значении семейных традиций для воспитания детей, для счастья семьи невольно возникают, когда знакомишься с жизнью Ульяновых.

Казалось бы, совсем маленькое событие: проводы Ильи Николаевича. Но все дети непременно помогали в сборах, они знали, что отец может пробыть в командировке и месяц, и два. Значит, надо помочь ему собрать все, что понадобится в дороге.

Мария Александровна, видя, что детям грустно, старается шутить, хотя у самой сердце сжимается от предстоящей разлуки.

Вот у дома остановились сани или тарантас, что-то крикнул кучер, заржали лошади. Мать, девочки и сыновья помогают одеться отцу, накидывают на себя что попало и выносят вещи, причем каждый хочет захватить побольше, самым младшим достается отцовский плед, постоянный его спутник. Мария Александровна всех останавливает: надо же перед дальней дорогой присесть. (Хорошо, что об этом вовремя напомнила няня Варвара Григорьевна, которая строже всех соблюдает установившиеся испокон веков, неизвестно кем придуманные правила.) Пора выходить на улицу. Дети притихли. Митя не сдержался и всхлипнул, но тут же рассмеялся, потому что отец сделал ему какой-то смешной знак рукой. Илья Николаевич всех расцеловал на прощанье. Зазвенел колокольчик. Все долго стоят и смотрят вслед удаляющейся повозке.

А вот еще одна традиция — рассказы отца о своих поездках.

Вспоминает Мария Ильинична: «Огромным фактором в воспитании было то, что отец являлся не чиновником, как подавляющее большинство служащих того времени, а идейным работником, не жалевшим трудов и сил на борьбу за свои идеалы. Дети, не видя его ча-

сто по неделям во время его разъездов, рано научились понимать, что дело — это нечто высшее, чему все приносится в жертву. Его оживленные рассказы об успехах строительства в его деле, о новых школах, возникавших по деревням, о борьбе, которой это стоило, и с верхами (власть имущими, помещиками), и с низами (темнотой и предрассудками массы), живо впитывались детьми».

Скажите современным родителям, что командировки помогают воспитывать детей,— некоторые из них рассмеются. А ведь если вдуматься, рассказы о виденном и пережитом в отъездах можно обратить на пользу. Бывая в новых местах, встречаясь с новыми, интересными людьми, человек обогащается впечатлениями, узнает много нового, что может заинтересовать детей. А если, допустим, отец в дни командировки еще побывает в краеведческом музее, посмотрит исторические памятники, поклонится погибшим героям города, поселка и расскажет о них детям, то как же это будет много значить для них и как поднимется в глазах детей авторитет отца!

Ведь воспитание — это, главным образом, обогащение ума и чувств детей.

Илья Николаевич не только увлекательно рассказывал о своих поездках, но и приучил детей после его возвращения домой рассказывать ему о гимназических занятиях, о том, как они работали, играли, что видели, что прочли, о чем думали, чем помогали матери и няне, что сделали хорошего для младших братьев и сестер. И дети, зная, что отец поинтересуется их жизнью, старались быть на высоте, готовились к этим своеобразным отчетам, с волнением ждали, улыбнется ли отец, порадовавшись их успехам, или, огорчившись, укоризненно покачает головой. Правда, как бы ни был недоволен отец, он не станет сердиться и выговаривать им за проказы, потому что хочет от них полной искренности, иначе испугаются его гнева и в другой раз коечто скроют. И чем больше взрослели дети, тем глубже входила в жизнь семьи эта традиция взаимных рассказов о труде, учении и жизни. И возникали общие думы, суждения, радости и тревоги, порой горячие споры, а то и дружный веселый смех. Постепенно эта традиция перешла в привычку обмениваться мыслями и впечатлениями каждый раз при встрече за столом. Анна Ильинична вспоминала, что мать и отец всегда очень тер-

пеливо выслушивали все детские суждения и принимали близкое участие во всех их делах.

Прекрасной традицией в семье Ульяновых были детские подарки родителям к дням именин или другим праздникам. Причем подарки обычно готовились тайно, чтобы еще больше порадовать отца или мать своей неожиданностью. Родители очень искусно делали вид, что не замечают этих приготовлений.

В Доме-музее В. И. Ленина в Ульяновске можно видеть игольницу, атласный конверт для писем, листочки с переписанными стихами, обрамленные красивой виньеткой,— все это подарки родителям. Однажды Аня отправилась с детьми к фотографу и к празднику родителям был преподнесен снимок, который порадовал их не менее красивых самоделок. Подготовка подарков приучала детей к выдумке, потому что надо было не только подготовить подарок, но сделать его с душой. Родители, конечно, заметят, если вещь выполнена наспех, неизобретательно, без мысли, без желания сделать красиво.

Не приходится говорить о том, что семейный обычай делать друг другу подарки способствовал большой дружбе между родителями и детьми. Главный смысл здесь заключается, безусловно, не в самих подарках, а во внимании к родным людям, в стремлении как-то отблагодарить их за заботу.

А какой красивый обычай — новогодняя елка! В семье Ульяновых обычно устраивали две елки. Первая зажигалась только для своей семьи, без приглашения гостей, и на ней не родители делали подарки детям, а наоборот, дети родителям.

У нас иногда отец дает сыну пять рублей, чтобы тот купил матери к празднику духи. Но как это неправильно! Пусть школьник сам придумает, чем лучше порадовать мать, присмотрится, что ей особенно дорого, подумает, что ей нравится, и по возможности изготовит подарок своими руками. Как-то у меня был разговор по душам с группой семиклассников. Среди них оказалась девочка, которая за всю жизнь ни разу ничего не подарила своему отцу. Одноклассники поинтересовались: «А отец тебе делает подарки?» Девочка назвала множество вещей, среди них были: этажерка для книг, удобный стол для занятий, деревянная настольная лампа. Все это отец сам сделал для дочери. Подруги обвинили девочку в неблагодар-

ности. Она ответила, что немедленно примется вязать отцу лыжную шапку из голубой шерсти: он любит голубой цвет. Оказывается, достаточно было небольшого толчка, чтобы девочка захотела сделать что-то хорошее для отца. Раньше просто не догадывалась, потому что в семье это не было заведено.

В памяти всех братьев и сестер Ульяновых остался очень добрый обычай — летние чаепития в беседке.

Казалось бы, вечернее чаепитие в саду — мелочь в жизни семьи. Но Мария Александровна сумела превратить его в прекрасную семейную традицию, которая всем давала ощущение счастья, сплоченности, дружбы, приучала детей к раз заведенному порядку.

Традиций в семье Ульяновых было много. Это и прогулки всей семьей за город, во время которых читались стихи и пелись песни на стихи Некрасова, Рылеева, Плещеева. Это и совместные чтения, общий труд, игры. Не лишне повторить здесь, что твердо установившиеся семейные обычаи и неотступное следование принятому порядку были одним из условий успешного воспитания детей.

Жизнерадостная атмосфера

Когда-то в горах Южного Кавказа я увидела пышные сосны, которые поднимались буквально из камней. Это поразило меня. Невольно вспомнились низенькие, изогнутые деревца Кольского полуострова. Почему же так? Ведь у этих южанок такая же каменистая почва?

— Солнечный климат,— пояснил проводник-горец.

Детям так же нужно солнце. В семье Ульяновых его было много, и это явилось одним из благоприятных условий их успешного воспитания. Конечно, это не буквально: солнце — образ той радостной, теплой, жизнерадостной атмосферы, которую Мария Александровна и Илья Николаевич сумели создать в семье. У Ильи Николаевича случались неприятности по службе. Немало ему пришлось пережить горьких обид от начальства, которое не устраивала его прогрессивная деятельность. Без конца он воевал с подрядчиками, тормозившими строительство новых школ, принимал множество посетителей: учителей, родителей, которые обращались к нему с жалобами и просьбами. Не легко было и Марии Александровне справляться с много-

численными хозяйственными заботами. Очень много отнимали у нее времени и душевных сил занятия с шестерыми детьми: чтение, иностранные языки, музыка, ручной труд, игры. Но никто не слышал от Ульяновых жалоб, досады, они не бывали раздражительными, взвинченными. В семье никогда не кричали на детей, не «награждали» их обидными эпитетами, даже если они очень шалили. Ровный, спокойный тон, внимание и ласка — вот что характеризовало отца и мать Ульяновых. Горячая любовь к детям, соединенная с неизменной выдержкой, жизнерадостным настроением, с прекрасно развитым чувством юмора, веселой шуткой, создавала в семье поистине солнечную атмосферу. Вера Васильевна Кашкадамова вспоминает, как после беседы с Ильей Николаевичем по педагогическим вопросам Мария Александровна приглашала их пить чай:

«Деловые разговоры кончаются, они не выходят из порога директорского кабинета, и мы, весело разговаривая, идем в столовую; там уже собралась вся семья. Илья Николаевич шутит, говорит о школе часто в ироническом тоне, рассказывает школьные анекдоты, а у него их было много. Все смеются, всем весело.

Тепло и уютно чувствуешь себя в этой дружной семье. Дети болтают, рассказывают события из своей жизни, а бойче всех говорит Володя и вторая сестра его, Оля. Так и звенят их веселые голоса и заразительный смех».

Один из товарищей Володи по гимназии поделился своим впечатлением от первого посещения семьи Ульяновых. Он чувствовал себя несколько смущенно, когда впервые пришел к ним домой и был приглашен к столу. Но его очень приободрила непринужденность и простота, с которой все члены семьи вели себя за столом. Оля задорно посмеивалась над Володей по поводу того, что хотя он и подражает во всем Саше, который препарирует лягушек, а между тем лягушек боится.

Еще больше смеялась она над братом и поддразнивала его после того, как на вопрос матери, почему он не берет пирога, Володя ответил вопросом: «А Саша возьмет?» За столом начался оживленный разговор о разных проделках братьев, о гимназических порядках, о шалостях учеников, каждый рассказывал

про свой класс, вспоминая что-нибудь занимательное. Все острили, смеялись, спорили.

Импонировал общему настроению семьи и веселый характер няни Варвары Григорьевны. Дмитрий Ильич писал, что няню, Варвару Григорьевну, все очень любили. Войдет она с подносом в столовую, окинет всех взглядом из-под мохнатых, сросшихся над переносицей бровей, взглянет, будто строго, а потом улыбнется так, что ямочки на щеках появятся, и скажет свою любимую присказку: «Ешьте ладушки-оладушки».

Чудесно проходили в семье Ульяновых детские праздники. Об одном из них Анна Ильинична писала:

«...Какое-то особенное чувство тесной и дружной семейной спайки, уюта, безоблачного детского счастья оставил этот праздник. Считают, что такие переживания детства дают неисчислимо много для энергии, жизнерадостности и тесной семейной спайки на всю последующую жизнь».

Интересные, веселые люди всегда были желанными гостями в семье Ульяновых. И это тоже доставляло детям много радости. Любили они, когда в дом приходила молодая, красивая учительница — Вера Васильевна Кашкадамова. После одного из учительских съездов Илья Николаевич пригласил к себе в дом на чашку чая учителя Василия Андреевича Калашникова с его маленьким хором любителей пения. Хозяева встретили гостей радушно и приветливо. Все с удовольствием пили чай, ели арбуз и пели песни под аккомпанемент Марии Александровны.

В семье Ульяновых часто звучал смех. Родные вспоминают, как заразительно смеялись Илья Николаевич и Володя. Н. И. Веретенников пишет об этом: «Хотя открытый, задушевный смех и у Володи и у Ильи Николаевича был одинаково заразителен, но в смехе их было и резкое различие: Илью Николаевича смех как бы одолевал, он не в силах был остановиться, смеялся безудержно, иногда до слез, отмахиваясь руками, даже если они были чем-нибудь заняты...»

Володя как бы владел смехом: «...он мог оборвать его и перейти, смотря по обстоятельствам, к серьезной или даже негодующей речи...»

«Когда Илья Николаевич оживлялся, шутил и острил,— вспоминала Мария Ильинична,— его глаза так же загорались и блестели, как глаза Владимира Ильи-

ча, когда он бывал в ударе и оживленно беседовал с товарищами».

И даже очень серьезный и замкнутый по своему характеру Александр в семейном журнале «Субботник» завел отдел юмора, в котором помещал веселые шаржи и юморески. Володя был изображен с кислым выражением лица. В руках у него пустой пакетик из-под пирожков. Оказывается, он как-то предложил своему товарищу съесть пирожок, а тот забрал все содержимое пакета и оставил Володю без завтрака. Оля была изображена плачущей, и под рисунком подпись: «Оля, посылаемая спать». Веселое содержание было у ребусов, загадок и пословиц.

В семье любили хорошую шутку, поощряли остроумие. Володя всегда много занимался и не любил, чтобы ему мешали. Если кто-то из ребят входил к нему не вовремя, он шутливо говорил: «Пожалуйста, осчастливьте меня своим отсутствием».

В Кокушкино члены семьи Ульяновых выезжали на лошадях. Володя садился обычно на козлы и шутил с ямщиком: «А что, дядя Ефим, был бы кнут, а лошади пойдут?»

Он вообще любил шутки, и крестьяне называли его «забавником».

Все, кто помнил Владимира Ильича, в один голос утверждают, что он был остроумным, веселым собеседником, очень любил шутки и всегда смеялся от души.

Приемный сын Анны Ильиничны Георгий Яковлевич Лозгачев-Елизаров в своей книге «Незабываемое» рисует такую сцену:

«Несмотря на обещание, Владимир Ильич сплошь и рядом подолгу задерживался в кабинете и не шел домой. Тогда, случалось, что я начинал снова звонить к нему, выдумывал что-нибудь насчет остывшего по его вине обеда либо просто бежал к нему в кабинет и, убедившись предварительно в том, что Владимир Ильич находится один и попросту никак не оторвется от работы, принимался бессовестным образом мешать ему работать. Делая вид, что уступает мне, Владимир Ильич, притворно и шутливо вздыхая, оставлял работу, и я, торжествуя, с видом победителя, сопровождал его к столу...

Обед проходил оживленно и весело, за столом много шутили, особенно Владимир Ильич».

Георгий Яковлевич вспоминает, как в трудный 1917 год, когда Владимир Ильич был чрезвычайно перегружен работой, он, возвращаясь домой, непременно старался уделить какое-то время, чтобы поиграть с ним. Надежду Константиновну эти шумные игры приводили в ужас, а Мария Ильинична, наоборот, до слез хохотала, глядя на проделки брата.

О своей первой встрече с Марией Ильиничной, которая состоялась в 1911 году, Георгий Яковлевич рассказывает:

«Совсем еще молодая, в расцвете сил, с задорными ямочками на щеках, она привлекала к себе своей живостью, жизнерадостностью. В ее присутствии всегда становилось сразу шумно и весело...»

С восторгом описывает он устроенную для него елку, на которой Мария Ильинична, «веселая затейница и жизнерадостная хохотушка, организовала даже настоящий маскарад». Одна из масок, кружившаяся в веселом вальсе, «в черном платье и черной вуали, вся усыпанная множеством блестящих золотых бумажных звезд и звездочек, с серебрянным полумесяцем в волосах, без сомнения, изображала «Ночь». Когда маски были сняты, все узнали в царице ночи раскрасневшуюся Марию Ильиничну...»

Чувство юмора было присуще всему семейству Ульяновых. Когда Марк Тимофеевич под Новый год принес елку невероятного размера, Анна Ильинична остроумно заметила ему:

— Ну, Марк, ты просто неисправим, все по своей фигуре стараешься подбирать! Если арбуз, так обязательно в обхват размером, елку — так чуть не двухэтажную. Может, наискосок ее поставим для оригинальности и нырять под нее будем?

На елке Анна Ильинична кружилась в веселом вальсе вокруг большого Деда Мороза, искусно сделанного из ваты ею самой, стреляла хлопушками, зажигала бенгальские огни, горевшие ослепительно-белым светом, водила хоровод и пела вместе со всеми «В лесу родилась елочка».

Очень жизнерадостным и веселым человеком был Дмитрий Ильич Ульянов, который, как рассказывает Г. Я. Лозгачев-Елизаров, порой мог шалить совсем как юноша.

За столом это был большой шутник и неистощимый рассказчик всяких смешных небылиц и анекдотов,

над которыми все дружно хохотали. Тут были и кавказские шутки, и медицинские анекдоты. Дмитрий Ильич любил играть на двухрядной гармони.

Там, где были Ульяновы, всегда ключом била полнокровная жизнь: горячий труд, борьба, щедрость во всех ее видах, искристое веселье, озорные шутки, музыка, дружба,— все это, вместе взятое, называлось: радость жизни, великая радость жить и бороться.

Главный «секрет» успеха

Больше всего способствовали блестящему педагогическому успеху Ульяновых их высокая ответственность за формирование личности каждого ребенка, собственный высоконравственный пример, а также единый взгляд на воспитание.

Именно об этом писал один из лучших педагогов своего времени В. А. Калашников: «Илья Николаевич и его супруга, Мария Александровна, отдавали своим детям все свое внимание и воспитывали их по последнему слову педагогических наук, тогда вдруг вошедших в интеллигентные слои общества после реформ шестидесятых годов, освобождения крестьян, устройства новых судов, учреждения земств и т. п. Состоя учителем в симбирской чувашской школе, находившейся в ведении Ильи Николаевича, часто бывая в их доме по делам службы, я еще раньше имел случаи наблюдать, как тщательно они следят за развитием своих детей, давая им разумные игры, разумные ответы на детские вопросы и всегда окружая их теплотой родительской ласки».

А вот что рассказывают о главном «секрете» успеха семейного воспитания Ульяновых сами дети. Анна Ильинична вспоминает о большом внимании родителей к детям. «Конечно, сложное и серьезное дело позволяет человеку, строго относящемуся к своим обязанностям, да еще и любящему это дело, уделять семье немного сравнительно времени, но из этого не следует еще, чтобы он (Илья Николаевич.— *И. П.*) совсем забывал о ней,— писала старшая дочь Ульяновых.— Может быть, тем больше придется удивляться его энергии и неутомимости, но факт тот, что воспитание детей проходило под его главным и неусыпным надзором».

Это был ее ответ В. Назарьеву, который в своих воспоминаниях, опубликованных в «Симбирских губернских ведомостях», пытался утверждать, что Илья Николаевич не занимался воспитанием детей вследствие своей большой занятости. Это вызвало возражения со стороны детей Ульяновых.

Очень светло написала о своих родителях Мария Ильинична.

«Илья Николаевич был образцовым семьянином, и между ним и матерью, к которой он был глубоко привязан, дети никогда не видали никаких ссор и семейных сцен. Они жили всегда очень дружно. Не было между ними и споров или несогласий в вопросах воспитания... и дети видели всегда перед собой «единый фронт».

Но в то же время своим веселым, общительным нравом, горячей любовью к детям, стремлением порадовать и повеселить детей, не стеснять без нужды их свободы отец и мать привили им большую жизнерадостность, крепкую любовь к жизни».

Так же восторженно рассказывал о семейном воспитании младший их сын Дмитрий Ильич: «Илья Николаевич привил нам чувство любви к трудовому народу, которому он отдавал все свои силы и знания. Он был для нас авторитетом, примером высокой культуры, образованности, трудолюбия, честности, благородства чувств. Огромное влияние на нас оказала мать, Мария Александровна, сочетавшая в себе лучшие качества матери-педагога: безграничную любовь к детям, большой ум, организованность, жизнерадостность, чуткость и такт, твердость воли и силу характера.

В нашей семье был единый фронт воспитания. Дружба и взаимопомощь сказывались во всем: в учении, в физическом труде, в играх и забавах, в «художественной самодеятельности», в физкультурных занятиях» [1].

Что еще можно сказать о главном «секрете» успеха семейного воспитания Ильи Николаевича и Марии Александровны? Что можно добавить к тому, о чем рассказали их дети? Они не переставали восхищаться отцом и матерью и навсегда сохранили чувство безграничной благодарности к ним.

Счастливы те родители, которые заслужили такую любовь и уважение детей.

[1] *Кондаков А.* Беседа с Дмитрием Ильичем.— Семья и школа, 1960, № 4, с. 16.

СОДЕРЖАНИЕ

Ирина Алексеевна Печерникова

ВЕЧНЫЙ ПРИМЕР

Заведующий редакцией В. Я. ГРИБЕНКО
Редактор Т. Е. ЯКОВЛЕВА
Младший редактор Н. М. ЖИЛИНА
Художник А. Л. БЕЗОБРАЗОВ
Художественный редактор В. А. БОНДАРЕВ
Технический редактор В. П. КРЫЛОВА

ИБ № 5615

Подписано в печать с матриц 13.02.85. А00031. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 12,60. Усл. кр.-отт. 13,86. Уч.-изд. л. 12,73. Тираж 200 000 экз. Заказ 448. Цена 55 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Ирина Печерникова ВЕЧНЫЙ ПРИМЕР